

ИРИНА АБИСОГОМЯН

Становление чешской лексикографии
в эпоху национального Возрождения:
традиции и новаторство



Отделение славянской филологии Института германской, романской и славянской филологии Тартуского университета, Тарту, Эстония

Научный руководитель: ординарный профессор, доктор филологических наук Александр Дмитриевич Дуличенко

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора филологии по чешской филологии 14 января 2009 г. Советом института германской, романской и славянской филологии Тартуского университета

Рецензенты: профессор, доктор философии Гана Гладкова
(Институт славистических и восточноевропейских исследований, Карлов университет в Праге, Чешская Республика)
профессор, доктор филологических наук Валерий Михайлович Мокиенко (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

Оппоненты: профессор, доктор философии Гана Гладкова
(Институт славистических и восточноевропейских исследований, Карлов университет в Праге, Чешская Республика)
профессор, доктор филологических наук Валерий Михайлович Мокиенко (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

Защита состоится 6 апреля 2009 г.

ISSN 1406–0809

ISBN 978–9949–19–053–9 (trükis)

ISBN 978–9949–19–054–6 (PDF)

Autoriõigus IrinaAbisogomjan, 2009

Tartu Ülikooli Kirjastus

www.tyk.ee

Tellimus nr 29

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Основные предпосылки развития чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения (последняя треть XVIII – первая половина XIX вв.)	18
§1. Историко-культурный контекст.....	18
§2. Специфика языковой ситуации и состояние науки о языке	26
2.1. Языковая ситуация в Чехии периода национального Возрождения	27
2.2. Становление чешского языкознания и основная стратегия языковых преобразований	30
Глава II. Влияние предшествующей чешской лексикографической традиции и достижений западноевропейской и инославянской лексикографии на деятельность чешских лексикографов эпохи национального Возрождения.....	34
§1. Из истории чешской лексикографии до периода национального Возрождения	36
1.1. Воздействие языковой эволюции и экстралингвистических факторов на развитие чешской лексикографии.....	36
1.2. Поиски источников для пополнения лексики и способы ее представления в словаре в истории чешской лексикографии	46
1.3. Преемственность предшествующих достижений в истории чешской лексикографии	52
§2. Влияние западноевропейской и инославянской лексикографической традиции	58
2.1. Европейский «лексикографический контекст»	59
2.2. Сотрудничество славянских лексикографов как фактор становления чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения	62
2.2.1. Использование достижений польской лексикографии....	63
2.2.2. Учет словацкой лексикографической традиции.....	70
2.2.3. Использование словарей других славянских языков	77
2.3. Влияние чешской лексикографической традиции эпохи Возрождения на развитие инославянских лексикографий XIX в.	79

Глава III. Становление чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения.....	81
§1. История создания словарей в Чехии начального этапа национального Возрождения.....	81
1.1. Хронология появления словарей эпохи Возрождения до выхода в свет «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна включительно.....	81
1.2. Первые возрожденческие словари и их авторы	91
1.2.1. Об авторах	96
1.2.2. Краткий обзор творческого наследия К. И. Тама.....	102
1.2.3. Краткий обзор творческого наследия Ф. Я. Томсы	114
1.3. Процесс становления лексикографической теории и практики в эпоху национального Возрождения до появления «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна	122
1.3.1. Начальный этап	125
1.3.2. Немецко-чешский словарь К. И. Тама (1788 г.)	126
1.3.3. Словари Ф. Я. Томсы.....	129
1.3.4. Период активных дискуссий.....	130
1.3.5. Суть и значение полемики Й. Добровского с К. И. Тамом.....	131
1.3.6. Другие словари К. И. Тама.....	138
1.3.7. Конкуренция между авторами и издателями.....	145
§2. Формирование лексикографических принципов Й. Юнгманна ...	147
2.1. Авторский замысел и его воплощение	148
2.1.1. Роль полемики в работе Й. Юнгманна над словарем	148
2.1.2. Влияние идеологии чешского национального Возрождения на лексикографическую концепцию Й. Юнгманна.....	152
2.1.3. Основные принципы лексикографической деятельности Й. Юнгманна.....	152
2.2. Функции немецкого языка в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна	166
 Основные этапы становления чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения (вместо Заключения)	173
 Литература	178
Kokkuvõte	191
Curriculum vitae.....	196
Elulookirjeldus	197
Публикации по теме диссертации	198

ВВЕДЕНИЕ

Идея национального Возрождения (далее НВ) в Чехии, как, впрочем, и во многих других славянских странах, была напрямую связана с необходимостью (вос)становления национального языка. Осуществление такой масштабной задачи требовало как разработки грамматической и лексикографической теорий, так и непосредственного создания нормативных грамматик и словарей чешского литературного языка. Цели и способы предлагаемых решений по языковым преобразованиям могли быть различными, что было связано, с одной стороны, с особенностями социально-политической и культурно-исторической ситуации в Чехии того времени и разным его восприятием; с другой стороны, с рядом немаловажных факторов, предопределяемых в том числе и индивидуальными возможностями автора той или иной грамматики или словаря: уровнем профессиональной подготовки (образование), степенью владения чешским языком (парадокс ситуации заключался еще и в том, что деятели чешского НВ одновременно с решением ряда теоретических и практических вопросов по (вос)становлению языка нередко должны были сами «вернуться» к родному языку, т. е. фактически его выучить), отношением к самой возможности, а также к реальному процессу «возрождения» чешского языка и его результатам. Другой существенный фактор в этой деятельности — учет и оценка немецкого воздействия на все сферы жизнедеятельности чехов, что также накладывало свой отпечаток. Наметилась явно пуристическая тенденция по отношению к результатам немецкой экспансии во всех сферах, в том числе и в языковой.

Особо следует подчеркнуть факт утраты чешским языком к середине XVIII в. многих функциональных позиций (практически всех, кроме функции бытового общения — и то лишь между представителями низших социальных слоев, прежде всего в среде чешских крестьян). Не удивительно поэтому, что сильную конкуренцию чешскому языку составляет немецкий язык, который в период НВ, когда чешский язык постепенно начинает завоевывать все новые сферы использования, также продолжает активно употребляться. Этот языковой параллелизм находит свое отражение и в развернувшейся в это время лингвистической работе по созданию, в частности, словарей чешского языка. И, если у русских и поляков к концу XVIII – началу XIX вв. создаются толковые словари соответствующих языков, например: шеститомные «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг. и «Słownik języka polskiego» С. Б. Линде [Linde 1807–1814¹], то у

¹ Хотя следует отметить, что, несмотря на название и статус словаря С. Б. Линде — «Словарь польского языка», — его составитель считал необходимым при-

чехов (и не только у них²) в национальные словари включены и немецкие (а нередко и латинские) эквиваленты. Таким образом, одной из главных задач чешских языковедов эпохи НВ явилось создание принципиально нового по концепции двуязычного чешско-немецкого словаря (возможно, и с параллелями из латинского языка). Попытки создания такого словаря были осуществлены, например, Ф. Я. Томсой (František Jan Tomsa. *Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache* <...> [Tomsa 1791]), К. И. Тамом и Ф. Я. Томсой (Karel Ignác Tham, F. J. Tomsa. *Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches Synonymisch-phraselogisches Rationalexikon oder Wörterbuch* <...> [Tham, <Tomsa>³ 1805–1807]), а воплощение идеи словаря нового типа принадлежит Й. Юнгманну (Josef Jungmann. *Slowník česko-německý* [Jungmann 1835–1839]). По сути, словарь Й. Юнгманна является толковым словарем чешского языка⁴ с переводом каждой словарной статьи на немецкий язык. По всей видимости, составление непосредственно толкового словаря чешского языка являлось для деятелей чешского НВ делом будущего. А в условиях практического билингвизма (причем именно немецкий язык выступал чаще всего как основной), несомненно, был необходим именно двуязычный словарь, посредством которого чехи могли бы изучать по сути забытый ими родной язык.

Итак, перечисленные выше, а также некоторые другие лексикографические издания первого и второго периодов чешского НВ⁵ закладывают основы чешской лексикографии нового времени.

История вопроса и возможные направления дальнейшего исследования

В славистике и в богемистике, в частности, вопрос о становлении чешской лексикографии в период НВ до сих пор недостаточно изучен в сравнении,

водить перевод каждой словарной статьи на немецкий язык. Именно эту модель построения статьи позже использовал и Й. Юнгманн [см., например: Jungmann 1835: VII]. Подробнее об этом см. § 2 п. 2.2.1. второй главы данной работы.

² Ср. историю становления лексикографии у южных славян, а также у других славянских народов, находившихся под властью Габсбургской империи [см., например: Трофимкина 1965: 132–158; Моисеенко 1992: 83–90; Кювлиева 1997; Горещкий 1963; Hayerková 1979: 65–111].

³ Имя Ф. Я. Томсы на обложке словаря не фигурирует. О причинах такого положения дел см. третью главу данной работы.

⁴ Кстати, в данном качестве словарь Й. Юнгманна выступал вплоть до 1935 г., когда начал выходить новый большой толковый словарь чешского языка под редакцией Б. Гавранка — *Příruční slovník jazyka českého*. D. I–IX. Praha, 1935–1957 [см. также: Navránek 1974: 201–202].

⁵ См. перечень словарей, изданных в эпоху НВ в § 1 п. 1.1. третьей главы.

к примеру, с исследованием грамматической мысли этого и более раннего времени [см., например: *Práce z dějin slavistiky* 1985].

Существуют работы, посвященные, как правило, конкретным аспектам и то преимущественно связанным со словарем Й. Юнгманна. Однако чешская (впрочем, как и зарубежная) лингвистика еще не подошла к вопросу оценки лексикографического труда Юнгманна в полном объеме. «Больше внимания словарю Й. Юнгманна оказали литературоведы⁶, а не лингвисты»⁷ [Kamiš 1974: 67]. Хотя отдельные вопросы, связанные с историей создания и издания словаря, изучением источников и отдельных слоев лексики, представленных в словаре, а также лексикографических приемов, которые использовал Й. Юнгманн; аспект воздействия предшествующей и создания новой чешской лексикографической традиции и лингвистической теории в целом, влияние иноязычных словарей на труд Юнгманна, а также значение этого словаря для дальнейшего развития чешского языка и чешской лексикографии затрагивались в той или иной мере и в лингвистической литературе. Прежде всего в данной связи необходимо указать на сборники научных статей, приуроченные к 200-летию юбилею со дня рождения Й. Юнгманна: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna*. Praha, 1974; *Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku* (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974⁸. Из работ последнего времени особо следует отметить развернутое предисловие Я. Петра ко второму репринтному изданию словаря Й. Юнгманна, которое было осуществлено в 1989 г. [Petr 1989: 5–31]. Несомненно, одним из значительных событий последних лет в данной области стало создание электронной версии «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна, дополненной историей возникновения словаря с публикациями важнейших текстов и документов [Slownjk.cz <2005–2008>].

Предваряя краткий обзор истории изучения научного наследия Й. Юнгманна (прежде всего его словаря), необходимо указать и на работы историко-культурного [Szykowski 1948; Мыльников 1973; Мыльников 1974б; Мыльников 1977; Мыльников 1982; Титова 1991; *Odrodzenie* 1999 и др.] и биографического характера [Kouba 1873; Zelený 1873; Chalupný 1911; Šimek 1923 и др.], способствующие адекватному восприятию исторической ситуации в Чешских землях в последней трети XVIII – начале XIX вв. и

⁶ См., например: [Vladyka 1947; Dolanský 1948; Vodička 1947–1948a: 30–42; Vodička 1947–1948b: 129–135; Vodička 1948: 9–22] (прим. — И. А.).

⁷ Переводы цитат, кроме специально оговоренных случаев, выполнены автором диссертации.

⁸ В первую очередь здесь необходимо назвать статьи обобщающего характера, которые являются теоретической базой и для нашего исследования: [Filipce 1974: 157–168; Havránek 1974: 195–203; Jedlička 1974a: 29–41; Jedlička 1974b: 147–156; Kamiš 1974: 67–76; Krístek 1974b: 15–28; Šmilauer 1974: 43–56].

реальной обстановки, в которой формировались мировоззрение, научные взгляды Й. Юнгманна (а также многих других деятелей чешского НВ), создавался его словарь и другие труды.

История изучения непосредственно «Чешско-немецкого словаря» и продолжение лексикографической работы последовали, можно сказать, практически сразу после выхода словаря и, по нашему мнению, в значительной степени стимулировались самим Й. Юнгманном⁹, который рассматривал данный свой труд лишь как начало, как толчок для дальнейшей продуктивной лексикографической работы в Чехии и сам указывал на необходимость тщательной проверки (в том числе и временем¹⁰), продолжения сбора и обработки лексического материала, на создание более совершенных лексикографических приемов и т. д.; т. е. фактически Й. Юнгманн предлагал относиться к своему словарю, как к «черновому», первоначальному варианту по отношению к последующим словарным изданиям. Кроме того, в дальнейшем, уже после выхода «Чешско-немецкого словаря», Й. Юнгманн на полях своего экземпляра, а также на вставленные в него листы постепенно заносил разного рода исправления и дополнения; в частности, в журнале «Časopis Českého Muzeu» время от времени появлялись также его комментарии к некоторым новым или дополненным и исправленным словарным статьям [Petr 1981: 83; Petr 1989: 26–28].

Начиная со второй половины XIX в., многие языковеды рассуждают о необходимости составления нового словаря чешского языка с опорой на труд Й. Юнгманна и его лексикографическую концепцию, т. е. начинается разработка теоретических предпосылок такой работы [см., например: Flajšhans 1895: 97–99, 113–115, 131–132; Pastrnek 1906: 201–216; Páta 1911: 6–10, 103–106, 198–202, 296–301 и др.]. Однако изучение труда Й. Юнгманна в дальнейшем пошло, на наш взгляд, по долгому пути «от конкретного к общему», как, впрочем, и весьма затянулась работа по созданию нового толкового словаря чешского языка. Изданные в XIX в. уже после словаря Й. Юнгманна чешские лексикографические труды, прежде всего «Чешско-немецкий словарь» Ф. Ш. Котта (F. Št. Kott. *Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický*. I–VII. Praha, 1878–1906), не смогли не только заменить юнгманновский словарь, но и уступали ему по ряду су-

⁹ В этой связи особое значение приобретают его слова из Предисловия к «Чешско-немецкому словарю»: «Придет время — и тем раньше, чем быстрее отечественная литература расцветать будет, — когда и настоящий словарь <Й. Юнгманна. — И. А.> будет далеко не достаточен для читающего и пишущего чеха <...>» [Jungmann 1835: IV]. И далее: «Собирайте все, кто может, поправки и дополнения, которые как добавление к этому словарю, если меня уже не станет, кто-нибудь бы издал <...>» [там же: VIII].

¹⁰ Данное замечание касается в первую очередь новых, в том числе и так называемых потенциальных, сконструированных лексем, вводимых Й. Юнгманном и зафаксированных в его словаре (подробнее см. третью главу).

ществленных параметров [Páta 1911: 6; Filipec 1958a: 214–215; Šmilauer 1974: 202; Petr 1989: 30]. И позже, в XX в., даже несмотря на то, что уже в 1911 г. активно начала свою работу по сбору и обработке лексического материала для будущего словаря Канцелярия чешского языка [см. об этом: Filipec 1958a: 215; Havránek 1979: 145; Petr 1989: 30], лишь спустя сто лет после начала публикации словаря Й. Юнгманна — в 1935 г. — стал выходить первый действительно толковый словарь чешского языка в 9-ти томах под ред. Б. Гавранка — «Příruční slovník jazyka českého»¹¹.

Как уже отмечалось выше, стали появляться работы, в том числе и монографии [Jedlička 1948; Orłóš 1967; Orłóš 1968], посвященные каким-либо конкретным аспектам анализа словаря Й. Юнгманна, что, несомненно, является важным звеном в деле всестороннего исследования этого словаря и работ по истории чешской лексикографии эпохи НВ в целом, о необходимости которых заявляют многие чешские языковеды¹².

Тем не менее необходимо отметить, что научный интерес к словарю Й. Юнгманна никогда не исчезал, в том числе и на протяжении всего XX в. Так, с 1950-х гг. началось довольно активное изучение лексикографического труда Й. Юнгманна. Прежде всего следует упомянуть, об оказавшейся для нас, к сожалению, недоступной рукописной диссертации Л. Янского (Janský L. *Jungmannova práce lexikografická*. Praha, 1952), в которой исследуется построение словарной статьи, а также рассмотрен аспект воздействия словаря С. Б. Линде [Linde 1807–1814] на лексикографическую концепцию Й. Юнгманна [Červená a kol. 1982: 233; Petr: 1981–83; Petr 1989: 26]. Однако, по неизвестным для нас причинам, эта диссертация так и не была издана [Kamíš 1974: 68].

Появился целый ряд научных статей, посвященных, в частности, истории создания и издания «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна [Helcl 1959: 238–240; Petr 1981: 80–89; Tyl 1983: 113–119; Červená a kol. 1982: 233–247; ср. также: Šmilauer 1974: 43–44, 52–54; Petr 1989: 10–11 и 28–29; Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku]. Известны также публикации, в которых описывается дальнейшая работа Ф. Л. Челаковского над словарем

¹¹ Здесь сознательно не упоминается «Slovník staročeský» Я. Гебауэра (J. Gebauer. *Slovník staročeský*, I–II. Praha, 1903) и ряд других, например, терминологических словарей, поскольку в данной связи интерес представляет прежде всего история создания толкового словаря чешского языка, хотя, несомненно, словарь Й. Юнгманна послужил источником, образцом и стимулом как для создания словаря Я. Гебауэра, так и других лексикографических работ того и более позднего времени.

¹² В данной связи можно указать на уже упомянутую выше статью А. Камиша [Kamíš 1974: 67–68], на коллективную работу, изданную в 1982 г. [Červená a kol. 1982: 233–234], или публикацию З. Тыла, которая заканчивается словами: «...дело всей его <г. е. Й. Юнгманна. — И. А.> жизни, «Чешско-немецкий словарь», все еще ждет специального монографического исследования» [Tyl 1983: 119].

(составление второй его части, в которой, в отличие от использованного Й. Юнгманном алфавитного способа представления материала, был применен этимологический (resp. гнездовой) принцип построения словарной статьи) и анализируются ее методы [Nonnenmacher 1960: 347–355; Petr 1981: 80–89; Petr 1989: 13 и 25]. Отметим, что в силу разных причин эта работа так и не была завершена. Тем не менее Ф. Л. Челаковский издал «Дополнения к словарю Й. Юнгманна» (*Dodavky ke Slovníku Josefa Jungmanna*. Sebral a vydal dr. Fr. Lad. Čelakovský. Praha, 1851), где собрал слова, не представленные в словаре Юнгманна (например, из старочешской литературы), новые значения слов, цитаты и т. п. [см., например: Nonnenmacher 1960: 347–355; Petr 1981: 82; Petr 1989: 25]. Фактически эти «Дополнения» явились первой опубликованной попыткой критического и дополняющего рассмотрения словаря Й. Юнгманна.

Для адекватного восприятия процесса работы над словарем было принято также несколько исследований, направленных на изучение фактора зачастую непростых личных и научных взаимоотношений Й. Юнгманна с другими представителями чешской науки того времени, в том числе и с теми, кто непосредственно содействовал его работе над словарем [см.: Flajšhans 1921: 225–229; Paul 1937a: 268–279; Paul 1937b: 46–54; Paul 1946–1948: 234–253 и др.].

Существуют работы [Pastrnek 1906: 201–216; Szykowski 1931; Szykowski 1935 и др.], посвященные изучению влияния словаря С. Б. Линде, который сам Й. Юнгманн в предисловии к своему словарю называет одним из важнейших образцов и источников [Jungmann 1835: VII]. Сравнительно недавно было подвергнуто специальному исследованию прямое и опосредованное влияние (вновь в основном через словарь С. Б. Линде) западноевропейской лексикографической традиции на словарь Юнгманна в сопоставлении с ситуацией создания словарей других славянских языков в начале XIX в. [Orłóš 1998: 41–50].

Особое значение имеют работы, посвященные всестороннему анализу отдельных групп лексики и способам их представления в словаре Й. Юнгманна. Укажем на некоторые из них. Изучением лингвистической и литературоведческой терминологии, отраженной Й. Юнгманном, занимался А. Едличка [Jedlička 1948]. Исследованию польских и, в целом, славянских лексических элементов, представленных в данном словаре, посвящены работы Т. Орлось [Orłóš 1967; Orłóš 1968; Orłóš 1974: 147–156]. Оценивается роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конца XVIII – начала XIX) в труде Г. А. Лилич [Лилич 1982]. Лексике Я. Коллара как одному из источников «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна посвящены публикации Ю. Е. Стемковской [Стемковская 1993: 42–52; Стемковская 1999: 161–182]. Можно также упомянуть об изучении сложных слов, вводимых Й. Юнгманном [Helcl 1974: 57–65]; о работе Юнгманна со старочешским лексическим материалом [Michálek 1974: 77–80]; наконец, о небольшой статье, где рассматривается лексико-

грамматическая категория глаголов движения, представленных в юнгманновском словаре [Short 1992: 31–40].

При этом необходимо отметить, что фактически отсутствуют работы, посвященные многоаспектному анализу средств адаптации немецкого воздействия на лексику чешского языка, вошедшую в словарь Й. Юнгманна, и способам противодействия этому иноязычному влиянию, которые формировались в русле пуристических тенденций того времени. Хотя следует подчеркнуть, что практически все авторы, решая конкретные задачи своего исследования, отмечают и в той или иной степени оценивают воздействие немецкого языка на чешскую лексическую систему и способы ее отражения в словаре.

Несомненно, особый интерес представляет также практически не осуществленное изучение влияния лексикографического труда Й. Юнгманна на дальнейшее развитие чешской лексикографии. Данная задача, также как и предыдущая, решается обычно лишь фрагментарно. Например, рассматривая вопрос о том, какие из неологизмов, вводимых Й. Юнгманном, сохранились и продолжают использоваться до сих пор, А. Камиш в последней части своей статьи «Slovní zásoba v Jungmannově slovníku» оценивает результаты статистического анализа исчезнувших и закрепившихся в языке новых слов на букву *T* [Kamíš 1974: 75–76]; изучая глаголы движения, представленные в словаре Й. Юнгманна, автор другой работы сопоставляет собранный материал с соответствующими фактами современного чешского языка [Short 1992: 31–40] и т. д. При этом о влиянии юнгманновской концепции заявляют все последующие чешские лексикографы в предисловиях к своим словарям и в публикациях, посвященных работе над составлением и изданием новых словарей чешского языка [см., например: PSJČ, Předmluva 1937: XI; ср. также: Poldauf 1971: 258–259, 267; Filipec 1958a: 212–214; Helcl 1958: 45; Petr 1989: 29–31].

Необходимо учитывать и исследования, направленные на изучение развития лексикографии и словарного состава других славянских языков и той роли, которую в этом процессе занимал «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна [см., например: Моисеенко 1988a: 69–79; Моисеенко 1988b: 59–65; Моисеенко 1992: 83–90; Трофимович 1978: 192–193], а также на выявление чешско-инославянских культурных, языковых, в том числе и типологических, связей эпохи НВ [Мельников 1967: 98–114; Лилич 1973; Лилич 1982; Моисеенко 1989¹³; Мельников 1974a: 125–134; Gladkova 1998: 119–127; Gladkova 2001: 335–351; Orłóš 1980; ср. также работы посвященные, например, чешско-венгерским культурным отношениям в исследуемую эпоху: Pražák 1962; Pražák 1994].

В связи со всем выше сказанным необходимо подчеркнуть, что, несмотря на обширную литературу и постоянный научный интерес, проявляе-

¹³ См. также список предыдущих публикаций этого автора по данной теме: [Моисеенко 1989: 38–41].

мый к данной проблематике, отсутствует комплексное исследование становления чешской лексикографии в эпоху НВ, в котором получили бы отражение не только известный юнгманновский словарь, но и словари его ближайших предшественников, а также современников, которые упоминаются в исследовательских работах лишь sporadически. При этом обычно констатируется только факт наличия этих лексикографических изданий (например, словари К. И. Тама и Ф. Я. Томсы и, конечно, Й. Добровского) [см., например: Šmilauer 1974: 43; Hauser 1980: 178; Tyl 1983: 113–114; Petr 1989: 10, 18]. Таким образом, практически не изученным остается чешское лексикографическое наследие конца XVIII – начала XIX вв. Это прежде всего часто упоминаемые в разной связи — как источники¹⁴ или как объект критики¹⁵, — словари К. И. Тама и Ф. Я. Томсы, составители которых известны также и как авторы грамматик чешского языка¹⁶. Как уже отмечалось, на эти словари есть ссылки и в работах эпохи НВ, т. е. в период непосредственного практического использования данных словарей, и в современной исследовательской литературе, касающейся истории чешского языка и истории чешской лексикографии. Поэтому, на наш взгляд, необходимо более детальное изучение как самих этих лексикографических изданий, так и истории их создания.

Актуальность данного исследования в значительной степени предопределена еще и тем, что, если во многих других славянских странах (в том числе и тех, которые полностью или частично входили в состав Австро-Венгерской империи) довольно активно изучалась история лексикографии соответствующих языков¹⁷, то в Чехии до сих пор не были предприняты

¹⁴ Речь идет прежде всего о словаре Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791], который начал дополнять и исправлять Й. Юнгманн. С этого в 1800 г. фактически и началась работа над созданием его знаменитого «Чешско-немецкого словаря». [Jungmann 1835: IV; Petr 1989: 10] Позже на поля своего экземпляра второго издания словаря Ф. Я. Томсы и К. И. Тама [Tham, <Tomsa> 1805–1807], а также на дополнительно вставленные в него листы Й. Юнгманн также вносил замечания и дополнения [см., например: Šmilauer 1974: 43; Tyl 1983: 114; Petr 1989: 18].

¹⁵ Особенно часто звучит критика по отношению к словарям К. И. Тама. Подробнее об этом см. § 1 третьей главы.

¹⁶ Например: Tomsa F. J. *Böhmische Sprachlehre*. Prag, 1782; Tham K. J. *Böhmische Grammatik zum Gebrauche der Deutschen*. Prag, 1804 Prag und Wien, 1785. [2. Aufl., 1798; 3. Aufl., 1800; 4. Aufl., 1801; 5 Aufl., 1804] и многие другие. Подробнее см. в обзоре творческого наследия Ф. Я. Томсы и К. И. Тама, представленном в § 1 третьей главы данной работы.

¹⁷ См., например, историю украинской лексикографии [Горецкий 1963], историю словацкой лексикографии [Hayerková 1979]; ср. также работы российских исследователей по истории сербско-хорватской лексикографии [Трофимкина 1965: 132–158; Гудков 1993]. Необходимо в данной связи упомянуть и об истории изучения русских лексикографических трудов, которые нередко становились образцом и источником для создания словарей других славянских языков

попытки создания монографии по общей истории чешской лексикографии. Хотя необходимо отметить, что еще в начале XX в. над таким трудом работал, например, Й. Пата, который в публикации «*Česká lexikografie. Stručný nástin dějin českého slovníkářství*» [Páta 1911: 6–10, 103–106, 198–202, 296–301] кратко представил историю чешской лексикографии, попытался с опорой, в частности, на теоретические разработки В. Фляйшханса [Flajšhans 1895: 97–99, 113–115, 131–132], Ф. Пастрнка [Pastrnek 1906: 201–216] и некоторых других определить основные направления, тенденции и методику дальнейшей работы по составлению словарей чешского языка, а также упомянул в первой части своей статьи о том, что работает над созданием большого труда по истории чешской лексикографии [Páta 1911: 7], который, видимо, так и не был издан¹⁸. Также стоит упомянуть опубликованный в 1955 г. на украинском языке небольшой очерк по истории чешской лексикографии [Ластовецька 1955: 187–202], который, правда, был подвергнут, на наш взгляд, слишком строгой критике со стороны известного чешского лингвиста Ф. Филиппа [Filípec 1958b: 304–307]. Хотя и сам рецензент отмечал, что это первая и единственная к тому времени работа, после указанной статьи Й. Паты (уже устаревшей, по мнению Й. Филиппа, в теоретическом отношении), где была предпринята попытка воссоздать историю чешской лексикографии и познакомить с ней иностранных, в частности, украинских филологов [Filípec 1958b: 305 и 307]. Типологически к публикациям подобного рода можно отнести и статью Э. Скалы «*Lexikographie in Böhmen im 14.–19. Jahrhundert*», изданную уже в конце минувшего столетия [Skála 1993: 3–10], и работу З. Гладкой и О. Мартинцовой «*Tradice a současnost české lexikografie*», которая должна быть опубликована в сборнике обзоров по истории лексикографии отдельных славянских языков, приуроченном к съезду славистов в Охриде в 2008 г., а также является учебным пособием по чешской лексикологии для студентов-богемистов Масарикова университета г. Брно [Hladká, Martincová <2007>]. Основной целью последней работы является представление истории формирования и развития чешской лексикографии, шедшей по пути от двуязычного к одноязычному словарю, а также обзор достижений современной чешской лексикографии, поэтому общей истории чешской лексикографии вновь отводится лишь пропедевтическая роль. В осталь-

[см., например, одну из последних работ по истории русской лексикографии: Сорокалетов 1998; а ранее также: Цейтлин 1958].

¹⁸ В дальнейшем в Чехии исследования проводились в основном в области лексикографической теории и были связаны с созданием новых, прежде всего толковых, словарей чешского языка [см., например: Získal 1938: 19–27, 149–160, 212–222; Filípec 1957: 129–150; Filípec 1958a: 211–224; Havránek, Filípec 1958: 177–190 и др.].

ных работах¹⁹, где затрагивается вопрос о чешских словарях, задача обобщенного представления истории чешской лексикографии также, как правило, не ставится, поэтому предпринимается лишь краткое и фрагментарное описание самых важных лексикографических трудов.

Если говорить об изучении отдельных периодов в истории чешской лексикографии, то необходимо указать на отдельные исследования зарубежных филологов, посвященные, в частности, начальному, предисторическому этапу чешской (в основном двуязычной — латинско-чешской и чешско-латинской) лексикографии по XIV в. включительно [Ластовецкая 1958] и развитию лексикографии в Чехии XVI в. [Brauner 1939].

В контексте данной работы существенным оказывается и тот факт, что начало изучению истории чешской лексикографии было положено также в период НВ. Главной заслугой деятелей НВ в данной области следует считать проявление интереса к памятникам чешского языка, в том числе и к словарям, переиздание этих трудов и, конечно, их использование прежде всего в качестве источников пополнения или (вос)создания лексики чешского языка, а также в определенной степени в качестве образцов, с целью установления и поддержания чешской лексикографической традиции²⁰.

Объект(ы) исследования, структура работы, цели и задачи

Данная диссертационная работа является историко-лингвистическим исследованием, посвященным выявлению и изучению лексикографических принципов Й. Юнгманна и его ближайших предшественников (прежде всего Й. Добровского, К. И. Тама и Ф. Я. Томсы), что, в свою очередь, позволит воссоздать и охарактеризовать общую картину становления чешской лексикографии в эпоху НВ в Чехии в последней трети XVIII – первой половине XIX вв. Этот период, как уже было отмечено выше, вошел в историю чешского языка как этап (вос)создания, а также формирования норм чешского литературного языка и возникновения науки о нем.

Основными объектами настоящего исследования, таким образом, стали как немецко-чешские, так и чешско-немецкие (а также чешско-немецко-латинские) словари эпохи НВ [см.: Tham 1788; Tomsa 1791; Tham 1799; Dobrowsky 1802–1821; Tham, <Tomsa> 1805–1807; Palkowitsch 1820–1821; Jungmann 1835–1839 и др.].

Поскольку эталонным словарем по праву считается «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна, то именно этот словарь рассматривается в данной работе как основополагающий источник изучения становления и апробации лексикографических принципов, которые формировались на основе новых, строго научных лингвистических теоретических разысканий, пред-

¹⁹ К примеру, в пособии П. Хаусера «Nauka o slovní zásobě» раздел «České slovníkářství» занимает всего 4 страницы [Hauser 1980: 176–179].

²⁰ Подробнее см. вторую главу данной работы.

принятых ведущими языковедами того времени (прежде всего Й. Добровским и самим Й. Юнгманном).

Настоящая докторская диссертация состоит из 3 глав.

Первая глава носит пропедевтический характер и представляет собой краткий обзор историко-культурного контекста и языковой ситуации эпохи НВ, предпринятый с целью определения основных экстралингвистических и внутриязыковых предпосылок развития чешской лексикографии в эпоху НВ.

Во второй главе представлена краткая история чешской лексикографии до конца XVIII в. с позиций выявления воздействия предшествующей лексикографической традиции на деятельность чешских лексикографов эпохи НВ, а также рассмотрены и проанализированы факты использования западноевропейских и инославянских лексикографических достижений при создании словарей чешской лексики в указанный период.

Третья глава является попыткой реконструкции процесса становления чешской лексикографии в эпоху НВ с определением основных его этапов. В связи с малой изученностью основной акцент приходится на начальную фазу данного процесса и соответственно на первые возрожденческие словари и их авторов — К. И. Тама и Ф. Я. Томсу — с целью определения их роли в становлении чешской лексикографии эпохи НВ и наиболее полного и адекватного воссоздания истории чешской лексикографии в указанный период.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЧЕШСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В ЭПОХУ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.)

§ 1. Историко-культурный контекст

Развитие чешской лексикографии в эпоху НВ, несомненно, было предопределено происходившими изменениями, затронувшими все сферы жизнедеятельности чешского общества того времени, и при этом являлось неотъемлемой частью самого процесса «возрождения» (прежде всего языкового), повлияв на дальнейшую эволюцию чешского языка. В данной связи необходимо обратить внимание на те исторические факты и их восприятие будителями²¹, которые прямо или косвенно способствовали языковым преобразованиям, а также становлению науки о чешском языке в целом и развитию чешской лексикографии в частности.

Как известно, в истории чешского народа и его языка было немало как трагических страниц, связанных с угрозой потери не только государственности, но и национальной, религиозной и в целом культурной идентификации (особенно, как это принято считать, после поражения в битве у Белой горы в 1620 г., когда Чехия надолго потеряла свою независимость,

²¹ Как известно, в истории чешского НВ выделяется два, разделенных приблизительно двумя десятилетиями поколения будителей — именно такое чешское название используется по отношению к активным участникам первой и второй фазы НВ: от чеш. *budit* ‘будить, пробуждать, возбуждать’. Важнейшим представителем первого поколения (особенно в области филологии и истории) по праву считается Й. Добровский, хотя он и не разделял некоторые, прежде всего национально-патриотические идеи будителей, а также, как хорошо известно, не считал главной целью (вос)становление всего функционального спектра для чешского языка [см., например: Jedlička 1948: 11; Havránek 1979: 88–89; Cuřín 1985: 76–77, 82; Petr 1989: 7–8; ср. также: Dobrovský. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>]. Как отмечал, например, Б. Гавранек, основной отличительной особенностью первого поколения будителей были научный интерес к языку и использование немецкого языка в качестве языка науки. Деятельность же представителей второго поколения (руководителем которого стал Й. Юнгманн), напротив, отличалась практической направленностью; кроме того, они писали уже по-чешски [Havránek 1979, 85].

войдя в состав Австрийской империи Габсбургов), так и славных и героических страниц, которые связаны, например, с бурным развитием и процветанием чешского королевства в XIV в. — в эпоху царствования Карла IV, с XVI в. ставшим, по определению Й. Добровского, «золотым веком» в истории развития чешского языка; или с периодами борьбы чешского народа за свои религиозные и социальные права (деятельность Я. Гуса и гуситские войны в первой половине XV в.). И, конечно, особую гордость чехов представляет эпоха НВ, начавшаяся в Чехии (как и во многих других, в том числе и славянских странах) с последней трети XVIII в.²²

Что же способствовало возникновению в определенных слоях чешского общества идеи НВ, тесно связанной с процессом становления чешского литературного языка нового времени, и почему это произошло именно в последней трети XVIII в.?

Ответ на подобный вопрос (как, впрочем, и любая интерпретация исторических событий) в разные эпохи строится, прежде всего, с учетом идеологических потребностей той или иной политической системы, и, соответственно, конкретные исторические факты могут трактоваться по-разному, в зависимости от идеологической установки.

В рамках настоящего исследования необходимо, в первую очередь, выяснить, каким образом воспринимали и трактовали те события (а зачастую и специально их создавали!) непосредственные их участники — чешские будители, поскольку именно они явились создателями идеи НВ и именно они расставляли идеологические акценты в процессе формирования и строительства чешской культуры нового времени²³.

В данной связи необходимо учитывать и еще один немаловажный аспект — мифотворчество (а также параллельно возникаемое и, как нам кажется, в определенной степени, типологически сопоставимое словотворчество в языке), сознательно вовлекаемое в реальные рамки исторической эволюции чешской нации. Достаточно вспомнить историю Краледворской

²² Следует отметить, что эпоха чешского НВ (нередко в сопоставлении с аналогичными периодами в истории других народов) — одна из наиболее популярных тем научных изысканий как чешских, так и зарубежных историков, филологов и культурологов [см., например: Szykowski 1931; Szykowski 1935; Szykowski 1948; Wollman 1958; Kočí 1960; Kočí 1978; Мыльников 1973; Мыльников 1974б; Мыльников 1977; Мыльников 1982; Macura 1983; Haubelt 1986; Титова 1991; Kořalka 1996; Odrodzenie 1999; ср. также: Hroch 1996; Hroch 1999 и др.]. Заслуживают внимания также работы начала XX в., написанные В. А. Францевым [Францев 1901; Францев 1902].

²³ В данной связи неоспоримую ценность имеет труд В. Мацуры «Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ» [Macura 1983], где в духе идей Ю. М. Лотмана рассматривается феномен чешского НВ как корпус текстов, изучение которых необходимо проводить комплексно и взаимосвязанно. См. также, например, одну из последних интерпретаций указанной работы В. Мацуры в публикации Т. Гланца [Гланц 2004: 231–241].

и Зеленогорской рукописей²⁴, в подлинности которых до сих пор убеждены некоторые исследователи²⁵. Как остроумно заметил Я. Шимов: «Случилось так, что чехи во многом вынуждены были если не *выдумывать*, то по крайней мере *додумывать* собственную историю, а отчасти и собственную культуру <курсив Я. Шимова. — И. А. >» [Шимов 2005: 259].

Как известно, импульсом для возникновения движения чешского НВ послужили либеральные реформы Иосифа II (Josef II), вступившего на престол в 1780 г. Иосиф II вошел в историю как правитель, подписавший 13 октября 1781 г. патент о веротерпимости, отменивший с 1 ноября 1781 г. крепостное право на территории Габсбургской империи; предпринимавший комплекс мер по переустройству государственной системы, проводя реформы в аграрной, административной, судебной и военной сферах, в области образования, здравоохранения и т. д.; а также как просветитель, поощряющий развитие науки [см., например: Мыльников 1973: 8–10; Havránek 1979: 84; Cuřín 1985: 69–71; Лаптева 1998: 337–343; Dějiny země Koruny české 2001, II: 32–34; Бобраков-Тимошкин 2004: 210; Гланц 2004: 231 и др.]. Реформы Иосифа II, в целом, принимались населением положительно, поскольку в идеале должны были улучшить положение всех социальных слоев населения и затронуть все сферы жизнедеятельности, поэтому неудивительно восторженное отношение к императору и в среде просвещенных кругов²⁶ [см., например: Мыльников 1973: 10], и среди сельского населения (в то время его называли «крестьянским императором», т. е. народным правителем [Dějiny země Koruny české 2001, II: 34]). Иосиф II, таким образом, стал единственным Габсбургом, которому удалось вызвать у большей части чешского населения весьма искреннее и позитивное к себе отношение [Dějiny země Koruny české 2001, II: 34].

При этом, если принимать во внимание существенные, особенно для дальнейшего развития чешского языка и культуры, изменения в сфере образования, которые предпринимались уже с 1770-х гг., а также активизацию и организацию с того времени научной деятельности в Чехии (см. далее текст данного параграфа), то полагаем, что можно говорить о возникновении предпосылок для НВ уже с конца 1760-х – начала 1770-х гг. Кстати, именно на это время приходится начало периода расцвета чешско-

²⁴ О других примерах фальсификаций см., например, в книге В. Мацуры: [Macura 1983: 118–137].

²⁵ Так, например, в 90-х гг. XX в. появились публикации Ю. Эндерса, который полагает, что Краледворская и Зеленогорская рукописи являются подлинными памятниками древнечешской письменности: J. Enders. *Rukopis Zelenohorský a Královédvorský: vznik, styl a básnická hodnota staročeské (orální) poezie*. Praha, 1993; J. Enders. *Jazykovědný rozbor Rukopisu Královédvorského, Zelenohorského a dalších staročeských textů s nimi spojených*. Praha, 1993.

²⁶ Об изменении отношения интеллигенции (в частности, Ф. М. Пельця и Й. Добровского) к Иосифу II, связанного с реальным положением дел в стране, см., например: [Мыльников 1973: 22–24].

го Просвещения [см., например: Мыльников 1982: 34; ср. также: Gladkova 1998: 121–122].

Особо следует отметить систему школьного образования и проведенные в этой области реформы. Так, например, с 1774 г. было введено обязательное начальное обучение для всех детей с 6 до 12 лет (не только на немецком, но и на чешском языке!) — так называемые тривиальные школы (*školy triviální* < *trivium* = чтение, письмо и счет). И если до этого времени в Чехии насчитывалось 1500 школ, то уже к концу 1790-х гг. их было 2601. Конечно, для поступления в гимназию необходимо было знать немецкий язык, поскольку преподавание в первых двух классах гимназии велось на немецком (а в следующих четырех классах — на латинском языке). Таким образом, нельзя не согласиться с тем, что «в целом период развития чешской школы после 1775 г. следует оценивать как прогрессивный» [Лаптева 1998: 341; см. также, например: Мыльников 1973: 5–6; Мыльников 1982: 43–44; Cuřín 1985: 69; Gladkova 1998: 122; *Dějiny země Koruny české* 2001, II: 45–46; Шимов 2005: 259–260]. Необходимо упомянуть и о появлении с начала 1770-х гг. первых читательских клубов и платных библиотек по всей Чехии, а также о весьма значимом событии — преобразовании в 1777 г. библиотеки старейшего в центральной Европе Пражского университета в публичную библиотеку [Мыльников 1982: 55], что также способствовало повышению образовательного и культурного уровня населения, ставшего в свою очередь одним из важнейших факторов НВ.

Преобразованиям была подвержена и высшая школа. На философском факультете Пражского университета, например, открывались новые кафедры, особое внимание стали уделять истории и естественным наукам. Необходимо отметить и тот факт, что в 1793 г. в Карловом университете была открыта кафедра чешского языка²⁷, которая, кстати, имела (и возможно, даже прежде всего) практическое назначение: лекции первого профессора этой кафедры Ф. М. Пельцля (Fr . M. Pelzel / Pelcl) должны были обязательно посещать будущие священники и чиновники, которые намеревались работать в Чехии [см., например: Мыльников 1973: 27, 29; Havránek 1979: 85; Лаптева 1998: 342; ср. также: Гланц 2004: 241].

В данной связи необходимо указать и на основание и активную деятельность уже с середины XVIII в. многих научных и культурных организаций. Так, например в Оломоуце уже с 1746 г. действовало «Общество анонимных ученых» (*Societas incognitorum eruditorum*), которое собиралось с 1753 по 1761 г. в Праге для обсуждения различных научных проб-

²⁷ Следует отметить, что в различных учебных заведениях столицы Австрийской империи чешский язык начал преподаваться гораздо раньше. Так, с 1752 г. чешский язык изучался в венской Военной академии, с 1754 г. — в военно-инженерной школе г. Вены, а с 1775 г. — в Венском университете [см., например: Tham 1805b: <LXV–LXVI>; Dobrovský 1955: 122; Havránek 1979: 85].

лем [см., например: Лаптева 1998: 343; Dějiny země Koruny české 2001, II: 47]. Весьма показательна и история «Частного общества в Чехии для развития математики, отечественной истории и естественных наук» (Privatgesellschaft zur Aufnahme der Mathematik, vaterländischen Geschichte und der Naturgeschichte in Böhmen), основанного еще в 1769 г. И. Борном (I. Born) и Й. Кинским (J. Kinský), с 1790 г. именуемого «Королевским чешским обществом наук» (Královská Česká společnost nauk) и просуществовавшего до 1952 г., после чего произошло его слияние с Чешской академией наук [подробнее см., например: Kubka 1926: 15–19; Лаптева 1998: 343–347; Dějiny země Koruny české 2001, II: 47–48].

При этом особый интерес представляет парадоксальная трактовка данной ситуации будителями. С одной стороны, возникновение идей НВ во многом стимулировалось именно хорошим уровнем образования чешского населения. С другой стороны, именно с эпохи НВ закрепилось мнение о том, что чешский язык, обучение на чешском языке и вообще общий образовательный уровень чешского населения, а соответственно и вся чешская культура, к концу XVIII в. находились в состоянии глубокого кризиса, берущего начало с 1620 г., т. е. с побелогорского периода [см., например: Dobrovský 1955: 121–122], и на этом основании ставились задачи возрождения чешского языка и восстановления в недалеком будущем его национального и государственного статуса. В дальнейшем, как нам кажется, нередко происходило отождествление идей деятелей НВ с исторической правдой, поскольку последующие поколения исследователей зачастую «принимали на веру» все сказанное и написанное создателями и участниками чешского НВ, закрепляя тем самым бытовавший уже с той эпохи их непререкаемый статус и относясь к идеям будителей как к не требующей доказательств и дополнений аксиоме. В подтверждение данной мысли можно привести высказывание Ф. Цуржина, касающееся положения и изучения чешского языка конца XVIII в.: «Все исследования, в том числе и наше <имеется в виду работа: [Cuřín 1985]. — И. А.>, основываются лишь на нескольких знаменитых произведениях и традиционно оцениваемых грамматиках» [Cuřín 1985: 72]. Данное предположение имеет прямое отношение к решению одной из основных задач настоящего исследования, поскольку, как мы попытаемся показать далее, именно непререкаемый авторитет, в частности, Й. Добровского сослужил в некотором смысле «медвежьёу службу» в восприятии деятельности некоторых активных языковедов, в частности, лексикографов и грамматистов К. И. Тама и Ф. Я. Томсы.

Можно утверждать, что перечисленные исторические факты стимулировали появление у определенной части общества весьма либеральных национально-патриотических идей, а в дальнейшем и их пропаганду. При этом, ставка на формирование национального самосознания делалась через язык. Исследователи нередко подчеркивают лингвоцентричность (Г. Гладкова) чешского НВ [см., например: Gladkova 2001: 340–341; ср. также: Гланц 2004: 234], которое идеологически опиралось на идеи немецкого ро-

мантизма (прежде всего учение И. Г. Гердера о национальном духе и, в особенности, о духе славянства²⁸), а также на философию языка, заключенную в триаде *язык – нация – государство* [см. также, например: Бобраков-Тимошкин 2004: 210; Гланц 2004: 234; ср.: Kubka 1926: 9–13].

Общим местом многочисленных работ, посвященных эпохе НВ является определение национального литературного языка как одного из важнейших атрибутов нации, как фактора «национальной консолидации» [Журавлев 1998: 18], из чего, в частности, делается вывод о том, что «формирование национального литературного языка и нации — две стороны одного и того же процесса» [там же: 20]²⁹, что, несомненно, соответствует тому, как в общем трактовали идею возрождения сами будители. Хотя, как убедительно доказывают исследователи (на основе анализа различных текстов, написанных в эпоху НВ), было бы неправомерно утверждать, что данный подход изначально задумывался деятелями НВ, как единственно возможный, верный и, что самое главное — реально выполнимый, а также, что в среде будителей не было разногласий на этой почве. Более того, поначалу «сколь-нибудь единой, разработанной концепции национально-просветительской мысли не существовало» [Мыльников 1982: 35]. Т. Гланц, например, с опорой на работу Я. Паточки «*O smysl dneška*»³⁰ приводит в качестве доказательства данного факта теорию философа и математика Б. Больцано³¹ (кстати, немца по происхождению), предлагавшего в период НВ совсем другую философскую основу патриотизма, базировавшуюся на общих моральных и государственных ценностях и не признававшую национального или территориально-этнического разделения [Гланц 2004: 234; см. также Бобраков-Тимошкин 2004: 210]. Также в данной связи можно упомянуть о том, что Й. Добровский уже изначально весьма недоверчиво относился к будительским идеям о возможности обретения чешским языком статуса национального и полифункционального языка.

По определению В. Мацуры, чешское НВ следует рассматривать как некую игру (которая, кстати, может вполне органично включать в себя и мистификацию, и фальсификацию³²), как «радикальный интеллектуальный

²⁸ J. G. Herder. *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, 1784–1791; *Abhandlung über der Ursprung der Sprache*, 1772.

²⁹ См. также например: [Лилич 1982: 7–9; Титова 1991: 6–7; Лаптева 1998: 591; *Dějiny zemí Koruny české* 2001, II: 53 и др.; ср. с существенными уточнениями: Gladkova 2001: 341]. См. также § 2 данной главы.

³⁰ J. Patočka. *O smysl dneška. Devět kapitol o problémech světových i českých*. Praha, 1969.

³¹ См., например: B. Bolzano. *24 Erbauungreden 1808–1820*. Hrsg. Von K. F. Strasser. Wien, 2001.

³² А если «включится» в эту игру, можно отметить один совершенно не существенный для научного исследования, но, тем не менее, удивительный (и, кстати, практически исключаящий фальсификацию, но располагающий к созданию мифа) факт: годы рождения главных действующих лиц НВ (в области фило-

проект» [Гланц 2004: 232], на осуществление которого его создатели особо и не рассчитывали. Однако, с одной стороны, важна была сама попытка создания такого проекта и возможность реально запустить его в действие, а с другой стороны, была необходима героическая риторика борьбы (прежде всего со всем «немецким»), а также желание и готовность победить в этой борьбе. При этом нередко в текстах деятелей чешского НВ (особенно в письмах³³) проявлялся скепсис по отношению к возможности «сформировать чешскую культуру и нацию на основе чешского языка в качестве самостоятельных, самодостаточных и суверенных единиц» [Гланц 2004: 233].

Особо следует подчеркнуть в данной связи уже упомянутый антагонизм по отношению к понятию «немецкий» в эпоху НВ. Полагаем, вполне правомерно считать, что негативно-оценочное отношение ко «всему немецкому» и в то же время невозможность разрыва немецко-чешских отношений на разных уровнях³⁴ носили в то время всеобщий характер и охватывали все сферы жизнедеятельности. При этом вполне объективно отсутствовала необходимость такого разрыва, и, что, на наш взгляд, немаловажно, немецко-чешский симбиоз нередко способствовал именно развитию чешской культуры, а не наоборот (как это преподносили некоторые деятели чешского НВ), поскольку, к примеру:

1) С одной стороны, особого внимания заслуживают факты вполне логичного обращения чешских деятелей к немецким (а через немецкий язык и к другим западноевропейским) достижениям в разных областях и примеры сотрудничества немецких и чешских просветителей, в связи с чем, приведем одну, возможно, несколько гиперболизированную (хотя и с оговоркой), но действительно, очень точную, на наш взгляд, оценку: «С некоторым преувеличением можно сказать, что чешское национальное Возрождение было плодом “немецкого духа”» [Бобраков-Тимошкин 2004: 210]. К числу таких фактов можно отнести:

а) то обстоятельство, чешские и немецкие (resp. австрийские) просветители достаточно долгое время сотрудничали друг с другом, и в принципе до 1848 г. совместная деятельность чехов и немцев по достижению определенной самостоятельности Чехии в рамках Габсбургской империи также могла иметь шанс на успех, если бы была принята как основополагающая доктрина [см., например: Бобраков-Тимошкин 2004: 210];

б) заимствование будителями гердеровской философии;

логии), а также «героев» данного исследования заканчиваются цифрой три — К. Р. Унгар родился в 1743 г., Й. Добровский и М. В. Крамериус родились в 1753 г., К. И. Там — в 1763 г., Й. Юнгманн — в 1773 г., Й. Хмела — в 1793 г.

³³ См. например, комментарий В. Мацуры к переписке Я. Б. Бенедикти с Ф. Палацким [Masic 1983: 119].

³⁴ Напомним также, что речь идет о процессах, имеющих многовековую традицию. См. в данной связи также вторую главу данной работы.

в) или, например, рассматриваемое во второй главе данной диссертации воздействие западноевропейской (и прежде всего вновь немецкой) лексикографической традиции на развитие чешской лексикографии.

2) С другой стороны, случаи вполне прагматичного отношения к изучению и использованию чешского языка немецкоговорящими жителями Чехии (например, преподавание чешского языка в университете для будущих чиновников и священников, издание достаточно большого количества грамматик и словарей, в том числе и в связи с изучением чешского языка немцами, а точнее немецкоговорящими жителями Чехии³⁵).

3) И, как нам кажется, что является основополагающим — постепенно увеличивающаяся поддержка (причем в определенной степени и со стороны государства) национального (resp. чешского) образования, а, в конечном счете, и национального языка, культуры и науки, что, как уже подчеркивалось, также способствовало возникновению в чешском³⁶ обществе возрожденческих идей.

В связи с последним пунктом приведем несколько аргументов. Так, например, как отмечает Б. Гавранек, с одной стороны, одной из важнейших задач по реорганизации в сфере образования стал перевод на немецкий язык высшего образования (с 1784 г. языком преподавания стал немецкий вместо латинского <не чешского! — *И. А.*>), что, несомненно, воспринималось будителями как усиление процесса германизации, вышедшего на новый виток в 1781 г., когда немецкий язык был провозглашен государственным языком на всей территории Австрийской империи. Однако, с другой стороны, как уже отмечалось, до этого было введено обязательное начальное обучение, в том числе и на чешском языке, а также значительно увеличился объем чешской учебной печатной продукции (в частности, для этого еще в 1767 г. в Праге открылось издательство «*Školní knihosklad*») [Havránek 1979: 85]. Кроме того, с 1786 г. появились чешские газеты (в частности, с 1786 г. под редакцией В. М. Крамериуса стали выходить «*Schönfeldské císařské královské poštovní Noviny*») а, начиная с 1780-х гг., шли театральные постановки на чешском языке (так, например, в том же 1786 г. публике было представлено первое оригинальное национальное драматическое произведение — драма В. Тама «Бржетислав и Итка» (*Břetislav a Jitka aneb Únos s kláštera*) [см., например: Dobrovský 1955: 123–125; Havránek 1979: 85; Мыльников 1982: 60]. Таким образом, в определенном

³⁵ См., в данной связи, краткий обзор творческого наследия К. И. Тама и Ф. Я. Томсы, представленный в § 1 третьей главы данной работы.

³⁶ Здесь еще раз подчеркнем, что чешское общество того времени нельзя рассматривать как мононациональное объединение. Как уже было продемонстрировано на примерах речь идет о сообществе, состоящем из представителей разных национальностей, причем не только чешской и немецкой, но, что было особенно характерно для пражского ареала, еще и еврейской (а в других районах — польской и некоторых других национальностей).

смысле, можно говорить даже об усилении позиций чешского языка уже в первой фазе НВ. В подтверждение приведем еще одну цитату: «Развитие идей Просвещения в Чешских землях сопровождалось процессом становления чешской национальной культуры нового времени. Достаточно напомнить, что именно в 80-е годы укрепляются позиции национального театра, развивается музыка и изобразительное искусство, выходят в свет переводные и оригинальные художественные произведения на чешском языке К. Тама, В. М. Крамериуса, В. Стаха, М. Штвана, Ф. Вшеянского, В. Шефля, Ш. Гневковского и других авторов, открывавшие чешским читателям выразительные возможности их родного языка» [Мыльников 1973: 16].

Однако негативное отношение ко «всемирному немецкому» стало одной из движущих сил чешского НВ, поскольку при создании важнейшей идеологической доктрины использовался метод противопоставления «своего» «чужому» (resp. чешского — немецкому) с вполне прогнозируемой оценкой. При этом нельзя забывать, что многие из высказываемых в период НВ идей были столь смелы и безапелляционны еще и потому, что далеко не всегда предполагали реального воплощения в жизнь. Поэтому, кстати, в идеологию активно и смело включался и «игровой» элемент (в частности, в виде мистификаций и фальсификаций), который на национально-патриотической волне стал восприниматься как совокупность реальных и имеющих неопровержимые доказательства исторических фактов.

При этом, конечно, нельзя утверждать, что будители не осознавали значимость немецкого компонента в чешской культуре (даже если он когда-то был насильственно внедрен), конечно, они не отрицали «посреднических» услуг немецкого языка при трансляции западноевропейской культуры, с одной стороны, и при изучении (в том числе и при научном исследовании) чешского языка³⁷, с другой. И все же главным пунктом идеологической программы чешского НВ, который активно пропагандировался и со временем превратился в незыблемую истину стала «эмансипационная борьба с немецкой культурой и установка на язык как основу культуры и национальной идентичности» [Гланц 2004: 235].

§ 2. Специфика языковой ситуации и состояние науки о языке

В связи с вышеизложенным, а также исходя из основной задачи данного исследования — воссоздания истории чешской лексикографии в период НВ как одной из составляющих этого процесса, — необходимо охарактере-

³⁷ Нелишним будет еще одно упоминание о создании грамматик и словарей чешского языка, основной функцией которых стало изучение чешского языка посредством немецкого.

ризовать языковую ситуацию в Чешском королевстве (прежде всего в Праге) в то время, а также выяснить из каких научных основ исходили (а, точнее, какие научные основы формировали³⁸) деятели чешского НВ при работе над созданием грамматик и словарей чешского языка.

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, будители избрали основным атрибутом, символом чешского НВ родной язык, который отождествлялся с нацией и, как и весь чешский народ (= язык, государство, культура), нуждался в «возрождении», под которым понималось различное для разных периодов НВ отношение (см. далее) к (вос)созданию языковых средств и функций на фоне нередко непримиримой борьбы с немецким влиянием (пуризм).

2.1. Языковая ситуация в Чехии периода национального Возрождения

Исторически вполне закономерно полагать, что в многонациональном, но централизованном государстве, каким была Австрийская империя Габсбургов, либо изначально, либо на последующих этапах предпринимались меры дискриминационного характера по отношению к языкам своих подданных, являющихся представителями нетитульной нации. В большинстве случаев эти меры, несомненно, способствовали процессам, связанным с ухудшением знания и значительным уменьшением функционирования малых языков (самым крайним и даже трагическим проявлением таких процессов является полная ассимиляция, чего в Чехии, к счастью, не произошло). Также вполне объяснимо, что среди представителей национальных меньшинств появлялись образованные и, что самое главное, неравнодушные люди, которые пытались по мере сил и возможностей противостоять таким процессам, уделяя особое внимание изучению и популяризации родного языка и культуры, для чего, как уже упоминалось ранее, чаще всего избирался метод противопоставления своего чужому (например, противопоставление родного языка языку завоевателей). Подобные события обычно сопровождаются весьма эмоциональным фоном, что нередко приводит к отсутствию объективности суждений. В связи с этим чаще всего принято считать, что благородная цель — в данном случае, защита и сохранение родного языка и культуры — оправдывает средства.

Необходимо выяснить реальное положение чешского языка в контексте общей языковой ситуации на чешских территориях в канун периода НВ и проследить процесс изменения этого положения в эпоху НВ, а также определить тенденции, повлиявшие на отношение к состоянию чешского языка и его возможному изменению в разные периоды указанной эпохи.

³⁸ Как известно, именно в эпоху НВ были заложены основы славянской филологии, а значит и новый научно-методологический фундамент для изучения чешского языка.

Одним из главных атрибутов, сопровождавших эволюцию чешского языка, являлось взаимодействие, а чаще — одностороннее воздействие немецкого языка на чешский³⁹. Наблюдался длительный процесс германизации чешского общества в целом. Этот процесс, несомненно, усилился после известных событий 1620 г., когда в результате потери независимости и установления безграничной власти Габсбургов на территории Чешского королевства свою родину вынуждены были покинуть тысячи некаатоликов (активно выступавших за расширение сфер использования чешского языка), а чешская шляхта в целом не противостояла ни значительному увеличению немецкого населения, особенно в городах, ни ассимиляционным процессам в собственной среде. Вполне естественно, что в таких условиях и при, в целом, дискриминационной политике Габсбургов чешский язык достаточно быстро был забыт представителями высшего сословия, соответственно весьма фрагментарно стал использоваться в административной и других высших государственных сферах; тем не менее он остался основным языком общения в крестьянской среде, а также использовался определенной частью горожан — ремесленниками и бывшими крестьянами, получившими свободу в 1781 г. и нередко переселявшимися в города в поисках более высокого заработка, а также представителями мелкой буржуазии [см., например: Havránek 1979: 84–85; Cuřín 1985: 70; Никольский 1997: 131; Широкова 1998: 151]. В первом параграфе особо выделен факт проведения реформ в сфере школьного образования, которые, кстати, наряду с отменой крепостного права и некоторыми другими преобразованиями, во многом способствовали тому, что, например, в Праге уже с 1770–1780-х гг. чешский язык стал достаточно широко использоваться не только в функции бытового общения, но и, в частности, звучал с театральных подмостков, расширилось его функционирование в качестве языка литературы и публицистики. При этом, как уже отмечалось, шляхта и образованная часть чешского общества давно говорила и писала по-немецки⁴⁰. Также на немецкий язык перешли или владели им в той или иной степени и некоторые другие социальные слои чешского общества, например, ремесленники (причем использование немецкого языка в их среде часто воспринималось как жаргонное и характерное для того или иного ремесленнического цеха) [Широкова, Нешименко 1978: 13; Широкова 1998: 156].

Здесь следует обратить особое внимание на весьма стремительное, по нашему мнению, «возвращение» чехов к родному языку (resp. его изучение)⁴¹, которое было предопределено сознательным отказом от использования немецкого языка и переходом на чешский язык образованной части

³⁹ См. также вторую главу данной работы.

⁴⁰ Поэтому, кстати, и первые будители писали свои основные, прежде всего, научные произведения по-немецки.

⁴¹ Столь же стремительным было и развитие разных отраслей чешского языкознания в то время.

чешского общества, прежде всего будителями второго поколения (т. е. приблизительно начиная с 1800–1810-х гг.), чему в свою очередь способствовал и тот факт, что большая часть жителей Праги того времени считала родным языком именно чешский. Неслучайно поэтому удивление иностранных гостей Праги, которые, ожидая окунуться там в привычную для Австрийской империи немецкоговорящую среду, сталкивались с непонятным языком жителей сказочного города⁴².

Таким образом, сосуществование чешского и немецкого (а также, например, в Праге еврейского) языков, и особенно немецко-чешский билингвизм, характерный в большей степени для второго периода НВ, в целом не приводили к непониманию, однако усилили идеологическую конфронтацию.

Несомненно, процесс германизации оказал негативное влияние на развитие чешского языка. Однако, исходя, в том числе и из вышесказанного, было бы слишком категорично утверждать, что чешский язык находился в состоянии тяжелейшего кризиса или, более того, на грани исчезновения, тем не менее именно этот тезис в той или иной мере пропагандировался чешскими будителями. Этот кризис будители совершенно обоснованно связывали с рядом прежде всего экстралингвистических факторов: первоочередным стала потеря независимости чешским государством в 1620 г., а самыми печальными последствиями этого события — онемечивание чешской нации и постепенное уничтожение чешского языка, которое было остановлено только в эпоху НВ. Однако, например, Г. Гладкова отмечает, что «объективные исследования последнего времени < прежде всего имеются в виду работа: [Starý 1995]. — И. А.> доказывают, что функциональные изменения чешского НЯ <национального языка. — И. А.> <...> не представляли такой резкий или абсолютный спад, который был бы угрозой существованию самого чешского НЯ» [Hladkova 2001: 343; ср. также: Бобраков-Тимошкин 2004: 211; Гланц 2004: 241; Шимов 2005: 259–260]. Нельзя также не согласиться с тем, что кризисное состояние чешского языка в XVII–XVIII вв. «было скорее побочным следствием полного исчезновения чешскоязычного дворянства и образованных слоев населения» [Бобраков-Тимошкин 2004: 211].

При этом, конечно, нет оснований обвинять деятелей чешского НВ в искажении фактов, а необходимо иметь в виду, что, как уже отмечалось, процесс построения концепции национального, а соответственно и языкового возрождения опирался на национально-патриотическую идеологию, на антагонизм между чешским и немецким, поэтому для обоснования сво-

⁴² К примеру, Х. К. Андерсен, побывавший в Праге в 1834 г., записал в своем дневнике: «Люди здесь вообще не говорили по-немецки, нет, они говорили на чешском языке, который от немецкого отличается совершенно и во всем <перевод А. Бобракова-Тимошкина. — И. А.>» (J. Polišenský. *Tisíciletá Praha očima cizinců*. Praha, 1999, s. 154). Цит. по: [Бобраков-Тимошкин 2004: 211].

его подхода к проблеме развития, в частности, чешского языка выбирались такие факты из истории и современного состояния чешского общества и языковой ситуации на территории Чешских земель, которые подтверждали и подчеркивали все негативные последствия потери независимости Чешским королевством и результаты германизации чешского общества. Так, например, Й. Добровский совершенно справедливо пишет о трагических событиях, последовавших после 1620 г.: «Битва у Белой горы в 1620 г. парализовала и ослабила как плоть, так и дух всей чешской нации. Из-за последовавшего переселения <resp. эмиграции. — И. А.> неколиков чехи были уничтожены, а после 30-летней войны вся страна была настолько опустошена, что патриотически настроенный иезуит Бальбин по праву удивлялся, как вообще здесь еще могли остаться жители» [Dobrovský 1955: 113]. С нескрываемой болью и негодованием тот же автор повествует об уничтожении «еретических» книг на чешском языке [Dobrovský 1955: 114–115, 121; ср. также, например: Thám 1918: 20]; дает характерную оценку школьной реформе 1774–1775 гг.: с одной стороны, была введена многоуровневая система образования с обязательной начальной ступенью, но с другой стороны, обучение в школах (resp. гимназиях) происходило на немецком языке «даже в тех местах, где говорили только по-чешски» [Dobrovský 1955: 122]. С упреками и даже обвинениями в равнодушии к родной нации и языку обрушивается в адрес шляхты, например, К. И. Там в своей «Защите чешского языка» [Thám 1918: 18–19].

2.2. Становление чешского языкознания и основная стратегия языковых преобразований

Известное высказывание Адама Мицкевича о чехах как о «народе языковедов» [Szykowski 1931: 313; ср. также: Лилич 1998: 163] весьма емко характеризует отправную точку всех преобразований эпохи чешского НВ. Именно зарождающаяся в это время наука о языке, базировавшаяся на принципах аналогии и сравнительном методе при изучении языковых фактов, стала форпостом для возникновения и проведения не только лингвистических, но и идеологических преобразований. А поскольку за языком прочно закрепился статус основного атрибута нации, то вполне объяснимо, что «в дискуссиях о национальном языке принимали участие не только специалисты-филологи, а вся возрожденческая интеллигенция. <...> Споры об облике национального СЯ <стандартного языка (под которым подразумевается литературный язык). — И. А.> занимали центральное положение в возрожденческой активности вообще» [Gladkova 2001: 341].

Хорошо известно, что классические труды основоположника славянской филологии, представителя первого периода НВ Й. Добровского⁴³ и главного вдохновителя весьма радикальных преобразований в области языка, одного из самых ярких и значительных участников второй фазы чешского НВ Й. Юнгманна⁴⁴ заложили основы чешской филологии нового времени.

Связующим звеном языковой и соответственно идеологической концепции всех периодов НВ явилась установка на отторжение немецкой культуры и языка [Масуга 1983: 42; см. также: Гланц 2004: 236–237], в связи с чем «возник спрос на *повышенное непонимание* <курсив Т. Гланца. — И. А.>, на его “изобретение”, которое достигалось языковыми средствами» [Гланц 2004: 237]. Так, к примеру, хорошо известно, что одной из основных целей перевода является установка межкультурной коммуникации. Чешские переводы западноевропейской литературы, в том числе и научной, в основном с немецкого в эпоху НВ нередко выполняли прямо противоположную функцию, поэтому говорить о переводе в традиционном смысле этого слова в данном случае не приходится. Основными причинами такого положения дел стало проявление дискommunikативной по отношению к языку подлинника установки, поскольку «в первой половине XIX века не существовало читателей, которые не смогли бы читать только чешский научный текст и не смогли бы прочесть его немецкий подлинник» [Гланц 2004: 238], а основной целью таких переводов являлось, как известно, расширение, а нередко и создание новых, прежде всего лексических возможностей чешского языка. «Однако в результате текст не делался доступнее, напротив: перевод воспринимался по сравнению с оригиналом как более “иностраный”, менее понятный и менее доступный для читателя» [Гланц 2004: 238]⁴⁵. Поэтому вновь можно говорить о парадоксальном явлении, когда из ситуации в целом вполне органичного двуязычия (или даже многоязычия, например, в пределах Праги, или в рамках всей империи Габсбургов) создавалась ситуация дискommunikации, главной целью которой являлась демонстрация реальных, а также потенциаль-

⁴³ Прежде всего «Подробная грамматика чешского языка» [Dobrowsky 1809], а также, например, «История чешского языка и литературы», изданная в 1792 г. [Dobrovský 1955]; работы, посвященные чешскому словообразованию [см., например: Dobrowsky 1791b; Dobrowsky 1799]; «Немецко-чешский словарь» [Dobrowsky 1802–1821] и др.

⁴⁴ Прежде всего важнейший объект данного исследования — его «Чешско-немецкий словарь» [Jungmann 1835–1839], а также «История чешской литературы или Систематический обзор чешских произведений с краткой историей народа, просвещения и языка» [Jungmann 1825]) и «Словесность», первое издание которой датируется 1820 г. [Jungmann 1820; 1845].

⁴⁵ Подробнее о других проявлениях дискommunikативной установки в возрожденческой лингвистической концепции на разных уровнях см.: [Гланц 2004: 238–241].

ных возможностей чешского языка на фоне его «превосходства» над немецким языком.

Необходимо также учитывать и расхождения при формировании языковой концепции и в отношении к дальнейшей эволюции чешского языка представителей первого и второго поколения деятелей НВ. Главным отличием, выразившемся, в частности, в подчеркнуто нарочитом переходе во втором периоде НВ на чешский язык, в том числе и в качестве языка науки, является смена приоритетной функции национального языка. На ранней фазе НВ к языку в большей степени относились как к *символу* нации [см., например: Gladkova 2001: 341], поэтому вполне естественно возникла ситуация, когда коммуникативные функции такого языка-символа отодвигались на второй план, и более того, как уже отмечалось, чешский язык при сложившейся языковой ситуации и требуемых от него задач должен был выполнять в некотором смысле даже дискommunikативную функцию. Во втором периоде «центр внимания к языку как носителю символических функций сместился в сторону *живого* <курсив наш. — И. А.> <...>, который представлялся важнейшим аргументом для жизнеспособности возрождающейся нации, источником познания собственной идентичности и источником будущего ее развития <...>» [Gladkova: 341]. Владение чешским языком представителями второго поколения деятелей НВ, как нам представляется, вселяло уверенность в реальной выполнимости задуманных преобразований, поэтому ими смело была взята на вооружение программа активного языкового «созидания», в рамках которой создавались, в частности, целые терминологические системы.

Резюмируя, необходимо суммировать, что же представляли собой преобразования в области чешского языка, проведенные в эпоху НВ. Учитывая основные результаты языковых изменений, начавшихся в эпоху НВ, нельзя не согласиться с предположением Т. Гланца, высказанным им в уже цитируемой нами статье «Чешская версия языкового строительства: Национальное возрождение и его остаточные идеологемы» [Гланц 2004: 231–241], согласно которому происходившие преобразования в области языка можно назвать системной перестройкой или даже «строительством» (см. название статьи Т. Гланца), затронувшим три уровня: «*лексический* <курсив здесь и далее наш. — И. А.> (неологизмы, новая терминология, вплоть до стихийного создания целых понятийных систем), *исторический* (фантастические диахронические теории, доказывающие древнейшее происхождение языка и его прямые связи с индоевропейскими и античными «праязыками», бурная и часто произвольная этимологизация) и, конечно, уровень *официального статуса языка* (доказательства, что он способен быть «высоким», «научным», «возвышенным» и т. д.)». Таким образом, как далее смело заявляет автор статьи, «попытку насильственно перекодировать определенные элементы языка можно в данном случае считать своего рода практической полемикой с (правда, гораздо более поздним) утвер-

ждением Соссюра о том, что в языке невозможна революция» [Гланц 2004: 231].

В заключении еще раз необходимо подчеркнуть, что «языковое строительство» и становление науки о языке совпали во времени, являясь одновременно и взаимосвязано происходящими процессами в условиях чешско-немецкого противостояния, наложившего далеко не однозначный отпечаток на любой вид деятельности в данной области, что будет показано на примере развития чешской лексикографии в дальнейших главах данной работы.

Глава II

ВЛИЯНИЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ЧЕШСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И ДОСТИЖЕНИЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И ИНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕШСКИХ ЛЕКСИКОГРАФОВ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Становление чешской лексикографии в эпоху НВ является, по сути, начальным этапом в истории чешской лексикографии нового времени, которая, во-первых, базировалась на научном изучении и описании лексики в словаре, а именно на разработанной в это же время (т. е. в период НВ) лингвистической теории (прежде всего ее словообразовательного, морфологического и, в какой-то степени, этимологического аспектов); а во-вторых, впервые апробировала новые, еще только формирующиеся, принципы лексикографирования. Синтез такого рода дал прекрасный результат, когда в 1835–1839 гг. был издан пятитомный «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна [Jungmann 1835–1839]. Путь, который был пройден чешской лексикографией до периода НВ, и будет предметом рассмотрения в данной главе.

Необходимо отметить, что изучение и пополнение чешского лексического и лексикографического наследия также начинается в эпоху НВ, когда были осознаны последствия кризиса в чешской культурной жизни, в том числе и в развитии национального языка, и когда появилась реальная возможность вернуть его былую славу [см., например: Dobrovský 1936: 175–434; Jungmann 1825, Hanka 1833 и др.].

Как известно, одной из основных задач чешского НВ явилось изучение истории своего народа и языка. Вследствие этого доминирующим направлением деятельности представителей чешского НВ становится поднятие престижа национального языка, его научное изучение, в том числе и лексикографическое описание чешской лексики, что, учитывая воззрения будителей, можно трактовать как воссоздание, формирование, в первую очередь, словарного состава чешского языка. В частности, именно с этой целью на рубеже XVIII–XIX вв. начинается активная работа под руководством Й. Юнгманна по сбору языкового материала для создания фундаментального словаря чешского языка [Jungmann 1835–1839]. А его работе предшествовал и ее сопровождал процесс формирования теоретических предпосылок для создания словаря нового, «научного» типа (прежде всего

в работах Й. Добровского, Й. Юнгманна), а также составление и издание словарей, ставших непосредственными «предшественниками и современниками» словаря Юнгманна⁴⁶ и вызвавших острую научную дискуссию, которая также, по нашему мнению, повлияла на дальнейшую лексикографическую работу и стимулировала ее⁴⁷.

Во Введении уже упоминалось, что литература по истории чешской лексикографии не является на сегодняшний день достаточной и не носит обобщающего и системного характера⁴⁸, прежде всего в связи с отсутствием монографического исследования по общей истории чешской лексикографии. В задачи данной работы не входит подробное изложение всех ее этапов. Однако считаем необходимым и обоснованным концепцией данного исследования рассмотреть историю чешской лексикографии до последних десятилетий XVIII в. – начала XIX в. с точки зрения формирования определенных аспектов лексикографической традиции, которые плодотворно использовались составителями словарей в эпоху НВ. Иными словами, необходимо выяснить, какие словари стали образцами и источниками для составления словарей в период НВ и почему; как сохранялась или преломлялась лексикографическая традиция в связи с учетом экстралингвистических факторов (изменений в общественно-политической, социально-экономической и культурной сферах), в связи с поиском источников лексики и отношением к дальнейшему языковому развитию (прежде всего к развитию и пополнению лексического состава языка), с учетом пуристических тенденций по отношению к немецкому языку, что было в той или иной мере свойственно для всех этапов исторического развития чешской культуры.

⁴⁶ См., например, уже упоминавшиеся словари: [Tham 1788; Tomsa 1791; Tham 1799; Dobrowsky 1802–1821; Tham, <Tomsa> 1805–1807 и др.].

⁴⁷ Укажем в этой связи, например, на полемику между Й. Добровским и К. И. Таммом [Dobrowsky 1798a, 1798b, 1798c; Tham 1798a, 1798b, 1798c], начавшуюся сразу после выхода первых листов второго издания «Немецко-чешского словаря» Тама [Tham 1799]. Подробнее см. § 1 третьей главы.

⁴⁸ Пожалуй, единственной работой такого рода является публикация (почти столетней давности!) Й. Паты «Česká lexikografie. Stručný nástin dějin českého slovníkářství», в которой освещается история чешской лексикографии до первого десятилетия XX в. включительно [Páta 1911: 6–10, 103–106, 198–202, 296–301]. Укажем также на «исторически» первые очерки по истории чешской лексикографии (начиная с печатных изданий словарей Велеславина), выполненные Й. Добровским: впервые краткий обзор словарей появился в 1779 г. в «Böhmische Literatur aus das Jahr 1779» на страницах 250–252 [Dobrowsky 1791a: 3; см. также: Fljašhans 1895: 97], затем в предисловии к словарю Ф. Я. Томсы [Dobrowsky 1791a: 3–10], а также в предисловии к первому тому «Немецко-чешского словаря» самого Й. Добровского [Dobrowsky 1802: <3–12>].

С другой стороны, необходимо учесть и то, каким образом авторы словарей периода НВ использовали достижения западноевропейской и инославянской лексикографии того времени.

§ 1. Из истории чешской лексикографии до периода национального Возрождения

Как уже отмечалось во Введении, вопрос о началах чешской лексикографии эпохи НВ до сих пор недостаточно изучен. Хотя полагать, что словари, созданные в данный период, — и прежде всего фундаментальный «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна — возникли без учета предшествующей традиции, было бы неправомерно. Й. Юнгманн и его друзья и соратники, помогавшие ему в кропотливой и невероятно трудоемкой работе по сбору языкового материала и в творческом процессе создания новых чешских слов, опирались на определенные грамматические и, в какой-то мере, лексикографические принципы, выработанные в трудах авторов предшествующих столетий и прежде всего XVI в., который еще Й. Добровским был назван «золотым веком» в развитии чешского литературного языка [Dobrovský 1955: 100–113]. В лингвистических, в том числе и лексикографических, трудах эпохи НВ прослеживается тесная связь с богатой чешской языковой традицией, берущей свое начало с XIV в., а также активное и плодотворное использование достижений прежде всего XVI в. [см., например: Jedlička 1948: 8, 10–11; Havránek 1979: 87–88; Cuřín 1985: 71].

1.1. Воздействие языковой эволюции и экстралингвистических факторов на развитие чешской лексикографии

Исходя из заявленных задач, освещение предшествующей чешской лексикографической традиции целесообразно начать с первых рукописных сводов чешских слов, созданных по типу *thesaurus*, которые появляются в XIV в. Наиболее известны среди почти полутора десятка словарей, созданных в этот период, словари Кларета⁴⁹: «Богемарии» (*Bohemarius maior* и *Bohemarius minor*), «Глоссарий» (*Glossář*)⁵⁰, «Грамматический вокабула-

⁴⁹ Полное имя, раскрыв акростих, составленный из начальных букв латинских гекзаметров в начале каждого раздела, прочел Б. Рыба: «A Bohemario Bartholomeo Clareto de Solencia compilatus, t.e. mistr Bartoliměj z Chlumce, řečený Claretus» [Ryba 1943: 6–7, см. также, например: Ластовецкая 1958: 9; Cuřín 1985: 28].

⁵⁰ Сохранилось несколько рукописей этого словаря, наиболее известные — «Прешбургский словарь» (*Prešpurský slovník*) и «Райградский словарь» (*Rajhradský slovník*) (последний является наиболее полным) [см., например: Páta 1911: 8–9; Ластовецкая 1958: 9].

рий» (*Vokabulář gramatický*) и др. История их возникновения, вопрос установления авторства, сравнительный анализ, а также определение условий для возникновения словарей в Чехии в то время и их влияния на словари последующих эпох — все эти аспекты были в той или иной мере исследованы в работах В. Фляйшханса, Б. Рыбы, А. К. Ластовецкой, Э. Михалка и др. [см., например: Flajšhans 1926, 1928; Ryba 1943; Jílek 1951; Ластовецкая 1958; Michálek 1989; Michálek 1994: 116–123]. Интерес представляет сравнение предпосылок для возникновения словарей в XIV в. и в период НВ. Так, например, А. К. Ластовецкая перечисляет основные факторы, которые в XIV в. послужили своеобразным толчком к созданию словарей, причем, словарей латинско-чешских, т. е. двуязычных:

- 1) чешская духовная и материальная культура достигла достаточно высокого уровня; при этом латинский язык был не только языком обучения и науки, но и администрации империи, поэтому возникла необходимость в латинско-чешском словаре;
- 2) влияние западной — прежде всего немецкой — культуры наблюдается в Чехии с незапамятных времен; уже в XIV в. чехи осознали возможную угрозу германизации и выступили в защиту родного языка, вследствие чего возникла потребность отразить в словаре по возможности всё лексическое богатство чешского языка с целью показать высокий уровень развития родного языка⁵¹;
- 3) факт становления норм чешского литературного языка в XIV в.⁵², который также повлиял на процесс составления словарей [Ластовецкая 1958: 5–7].

Через пять столетий также возникает потребность в создании всеобъемлющего словаря чешского языка и кодификации языковой системы в целом, что можно сравнить с положением, которое наблюдалось в эпоху Карла IV. Так, уже в последней трети XVIII в. чешская культура поднима-

⁵¹ Подобная точка зрения представлена и в работе М. Копецкого [Корескú 1962: 35]. Однако Б. Гавранек справедливо замечает, что все же основной задачей Кларета было создание научной терминологии, а не собрание всей лексики чешского языка [Navránek 1979: 69; см. также: Michálek 1964: 60], хотя цель, преследуемая Кларетом, вполне соответствует тому, как ее определяет А. К. Ластовецкая: показать на фоне более развитых латинского и немецкого языков соответствующие возможности (в частности словообразовательные) формирующегося чешского литературного языка.

⁵² В это время в Чехии появляется ряд выдающихся произведений, написанных по-чешски: «Хроника Далимила» (*Dalimilova kronika*), «Александреида» (*Alexandreis*), философские трактаты Т. Штитного (*Tomáš Štítný ze Štítného*) и др. Быстрое развитие чешской художественной и научной литературы стимулировало возникновение новых слов для обозначения новых понятий, а составители словарей должны были в известной степени нормировать литературный язык.

ется на новый виток своего развития, вызванный в том числе (а, возможно, и в первую очередь) ощущением необходимости сохранения и обогащения национального языка — прежде всего его лексического состава. При этом процесс германизации, который не смогла избежать чешская нация, конечно, не мог не повлиять на языковое развитие. Борьба за национальное самоопределение, за законное право на использование и изучение родного языка в эпоху НВ приобретает новые очертания. Прежде всего речь идет о статусе национального языка, который постепенно начинает отвоевывать главенствующие позиции в чешском обществе. Влияние немецкого языка, конечно, избежать не удалось, и нередко борьба с этим влиянием приобретала весьма крайние формы проявления. Как уже отмечалось, пуристические тенденции по отношению к лексическому составу языка были характерны для всех периодов развития чешского языка. Особенно сильно они стали проявляться именно в XIX в.

В данной связи необходимо отметить опять-таки парадоксальный, на первый взгляд, факт создания в период НВ именно двуязычных, немецко-чешских, а потом и чешско-немецких (иногда еще и с латинской параллелью), словарей. С одной стороны, появление именно двуязычных словарей можно объяснить влиянием предшествующей — как славянской, в том числе и чешской, так и общеевропейской, — лексикографической традиции. Возникновение такой традиции было обусловлено прагматизмом, поскольку словари выполняли прежде всего роль учебных пособий при изучении латыни или «помощников» при чтении, например, библейских текстов и т. п. С другой стороны, современным, можно сказать, «вынужденным» прагматизмом можно объяснить включение в качестве одного из языков именно немецкого, так как, во-первых, исходя из ситуации онемечивания чешской нации (прежде всего ее образованных слоев), именно через посредничество немецкого языка чехи должны были «вернуться», т. е. фактически изучить заново свой родной язык⁵³; во-вторых, нельзя забывать, что Чешские земли в эпоху НВ входили в состав Габсбургской Австро-Венгерской империи, и выход словаря, не содержащего немецкую параллель, был просто невозможен. В данной связи весьма показательным является замечание Й. Добровского по поводу нелегкой печатной судьбы многих словарей XVIII в., так и оставшихся в рукописи. В частности, чешско-латинский лексикон Я. Прокопиуса (Jan/Joannis Prokopius), рукопись которого была, по сведениям Добровского, готова в августе 1788 г., так и не был издан. Говоря о возможных препятствиях, Добровский отмечает, что «трудно найти для него <словаря Прокопиуса. — И. А.> издателя, хотя бы по той причине, что <...> отсутствует немецкий перевод» [Dobrowsky 1791a: 6]. Таким образом, несмотря на пуризм по отношению ко всему не-

⁵³ Как отмечает Я. Петр, включение немецких эквивалентов должно было облегчить для чешской интеллигенции пользование словарем и обеспечить достоверное понимание значений некоторых новообразований [Petr 1989: 16].

мецкому, именно немецкому языку была уготована роль посредника при возрождении и изучении родного чешского языка.

Также типологически близким к языковой ситуации XIV в. является процесс становления языковых норм и попытки ее кодификации в эпоху НВ. В определенной степени причиной возникновения этого сложного процесса явился своеобразный литературный (как переводческий, так и оригинальный) и издательский бум, особенно в первой половине XIX в. Переводчики, писатели, публицисты и, конечно, ученые остро ощущали как нехватку лексических, в том числе и стилистических, средств, так и отсутствие определенных языковых норм, которые в силу сложившихся обстоятельств (вос)становления чешского языка только начинают подвергаться формированию и научному осмыслению. В таких условиях особо остро встал вопрос о создании словаря чешской лексики, где, в частности, были бы четко дефинированы стилистические возможности языка.

Что касается непосредственной работы над словарем, то необходимо упомянуть об одном весьма немаловажном аспекте — о традиции коллективного творчества при создании словаря, берущей начало также с XIV в. Хорошо известен тот факт, что Й. Юнгманн, обладая, по всей видимости, и незаурядными организаторскими способностями, весьма эффективно использовал коллективный метод работы по сбору, упорядочению и обработке лексического материала для словаря⁵⁴. Не беремся утверждать с полной уверенностью, знал ли Юнгманн, что и у Кларета в свое время также были помощники [см., например: Ластовецкая 1958: 9, 15], но, в любом случае, подобный метод в истории чешской лексикографии имеет многовековую и весьма успешно используемую до сих пор традицию.

Определенные показатели состояния чешского языка и отражения его в словарях к концу XVIII в. позволяют также провести параллели с эпохой расцвета (XVI в.) и, в некоторой мере, с последовавшим периодом нестабильности и даже «упадка» в языковом развитии (XVII в., за исключением трудов Я. А. Коменского) и выявить некоторые закономерности.

XVI век — эпоха совершенства в истории чешского языка. Общеизвестным является тот факт, что произведения разной жанровой принадлежности, созданные во второй половине XVI в.⁵⁵, стали своеобразным эталоном для кодификации чешского литературного языка в трудах Й. Добровского, Й. Юнгманна и других видных деятелей НВ [см., например: Havránek 1979: 88; Cuřín 1985: 76]. Самыми известными и значительными словарными собраниями XVI в. являются многоязычные словари Велеславина, задуманные как учебные пособия. Первый латинско-чешско-немец-

⁵⁴ См. также § 2 третьей главы.

⁵⁵ Здесь прежде всего необходимо назвать ставший классическим перевод на чешский язык Библии — «Кралицкая библия» (Bible kralická, 1579–1593/1594 гг.), произведения Я. Благослава (Jan Blahoslav), Д. А. Велеславина (Daniel Adam z Veleslavína), В. Гайека из Либочан (Václav Hájek z Libočan) и др.

кий ономасиологический словарь «*Nomenclator tribus linguis, latina, bohemica et germanica*» вышел в 1586 г. Второй словарь такого же типа «*Nomenclator quadrilinguis*» (1598 г.) содержал еще и греческую параллель. В том же 1598 г. (второе изд. — 1683 г.) Велеславин издает словарь, составленный по алфавитному принципу, под названием «*Silva quadrilinguis*», где исходным языком уже выступает чешский язык⁵⁶. Последний, самый знаменитый словарь Велеславина стал по праву одним из важнейших источников и образцов для лексикографов эпохи НВ. [см., например: Páta 1911: 103–105; Havránek 1979: 69; Cuřín 1985: 52].

Огромный вклад в развитие чешского языка, в сохранение его лексического богатства внес Я. А. Коменский (Jan Amos Komenský), который жил и творил уже в другую эпоху, но в языковом отношении остался приверженцем и продолжателем велеславинской традиции. Я. А. Коменский известен всему миру как автор философских трактатов, непререкаем его авторитет в деле становления педагогической науки. Исследовательская литература по разным направлениям деятельности Коменского весьма обширна. Укажем лишь на некоторые работы, посвященные изучению вклада Коменского в развитие и сохранение (фиксацию в виде словарей) чешской лексики. Изучению языковых, в том числе и стилистических, особенностей чешских тестов Я. А. Коменского посвящены, в частности, монография К. Кучеры [Kuřera 1983], сборник статей Й. Губачка [Hubáček 1990], исследование М. Копецкого [Kopecký 1992]; немецкий лингвист Г. Рёсель предпринял попытку создать на основе чешских тестов Я. А. Коменского словарь, отражающий лексику этих произведений, а следовательно, в значимой степени и чешское лексическое наследие всего XVII в. [Rösel 1983]; соотечественница и коллега Рёселя Е. Бауер свою работу посвятила изучению немецких заимствований у Коменского [Bauer 1983]. В связи с последними работами, заслуживает внимания тот факт, что вновь интерес к изучению чешского лексического наследия и истории чешской лексикографии, в данном случае эпохи Гуманизма, часто проявляется зарубежными специалистами, что было характерно и для изучения словарей XIV в. [Ластовецкая 1958] и XVI в. [Brauner 1939], и что отмечают также чешские рецензенты этих исследований [Jedlička 1941: 111; Filipec 1958b: 302–307; Beneš 1985: 99–104].

Как известно, в 1631 г. Коменский издал ставшую знаменитой книгу «Золотые ворота языков открыты» (*Janua linguarum reserata aurea* <...>). Позднее, в 1633 г. вышла чешская версия этого фактически ономасиологического словаря под названием «*Dveře jazykův otvřené* <...>», который в последствии неоднократно переиздавался [Páta 1911: 198–199]. Й. Пата также особо выделяет словарную работу Я. А. Коменского «*Orbis sensuum pictus quadrilinguis* <...>», латинское издание которого датируется

⁵⁶ О Велеславине и его лексикографическом наследии см., например: [Novák 1885: 333–346, 556–563; Brauner 1939; Kopecký 1962].

1658 г., а чешское — 1685 г. [Páta 1911: 199]. Стоят упоминания и планы Коменского по созданию таких лексикографических трудов, как латинско-чешский этимологический словарь и чешско-латинский фразеологический словарь, которые, к сожалению, не удалось воплотить в жизнь [Páta 1911: 198–199]. Вершиной его творчества должен был стать словарь «*Thesaurus linguae bohemicae*», над которым он работал в течение 44 лет. Однако, эти словарные материалы были, к великому сожалению, утеряны при пожаре в Лешне в 1656 г. Это была первая попытка собрать все слова живого разговорного чешского языка [Páta 1911: 105–106; Havránek 1979: 69–70; Cuřín 1985: 46–47]. Известно, что позже В. Я. Роса (Václav Jan Rosa) использовал сохранившиеся фрагменты рукописи словаря Я. А. Коменского [Páta 1911: 106; Cuřín 1985: 46], и во многом благодаря этому обстоятельству словарь Росы (кстати, под аналогичным названием «*Thesaurus linguae bohemicae*») активно использовался лексикографами эпохи НВ⁵⁷.

Чешский язык XVI в., как точка отсчета и как главный образец для кодификации чешского языка в эпоху НВ, был объявлен в таком качестве Й. Добровским⁵⁸. Так, в одной из его основополагающих работ «*Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur*» (1791–1792 гг.) [Dobrovský 1955] была впервые предложена периодизация истории чешского языка и литературы, после чего, как уже отмечалось, за XVI в. прочно закрепился статус «золотого», т. е. образцового периода в истории чешского языка⁵⁹. Хотя, как справедливо заметил А. Едличка, чешский язык «золотого века» все же не нашел применения в полной мере во всех областях, как это присуще развитому литературному языку. В частности, в поэзии и научной прозе преобладало использование латыни [Jedlička 1948: 7]. Кроме того, на отдельных языковых уровнях развитие шло по-разному. В фонетике и морфологии наметилась тенденция к стабильности, на синтаксическом уровне продолжило наблюдаться сильное влияние латыни, а в лексико-семантической области — проникновение иностранных слов (прежде всего немецкого происхождения). Однако, несмотря на все перечисленное, о языке той эпохе можно говорить, как о языке с устоявшимися и совершенными нормами. Эта «велеславинская» норма, как ее преподносили деятели чешского НВ, стала твердой опорой и до известной меры образцом при кодификации чешского языка периода НВ [см., например: Jedlička 1948: 8]. В целом подобное отношение было характерно для всех языковедов эпохи НВ,

⁵⁷ См. также п. 1.2. и п. 1.3. данного параграфа.

⁵⁸ О выборе Й. Добровским периода, который мог бы называться «золотым веком» в истории чешского языка и определил бы решение вопроса об основе литературного языка нового времени см., например: [Starý 1995: 56–73, ср. также: Gladkova 2001: 342].

⁵⁹ Отметим также, что нередко этот период называют еще и «велеславинским», поскольку благодаря своей лексикографической, писательской и издательской деятельности Д. А. Велеславин стал олицетворением той эпохи.

которые всегда подчеркивали неразрывную связь с языковой традицией XVI в.⁶⁰. При этом, несмотря на подобное единодушие в восприятии общей языковой ситуации в Чехии XVI в., между лингвистами периода НВ возникали в этой связи дискуссии по отдельным вопросам, связанным с отношением к состоянию чешского языка в последующую эпоху Барокко и с формированием взглядов на дальнейшую языковую эволюцию, прежде всего на лексическое развитие чешского языка, а, как следствие, и на формирование лексикографической теории и практики.

Несомненно, возникает вопрос: что искали в языковой норме XVI в. и какие ее аспекты пытались актуализировать деятели эпохи НВ⁶¹? Дело в том, что Й. Добровский не оценивал негативно неполный функциональный спектр литературного языка «велеславинской» эпохи. Напротив, он опирался на это обстоятельство при обосновании ограничения функционального спектра современного ему чешского литературного языка, весьма осторожно относясь к расширению функций, которые мог бы выполнять чешский язык [см., например: Jedlička 1948: 11; Havránek 1979: 88–89; Cuřín 1985: 76–77, 82; Petr 1989: 7–8].

Кроме того, важным, если не самым главным, обстоятельством актуализации языкового состояния XVI в. стало неприятие, особенно на первом этапе НВ, языка эпохи Барокко⁶². Основными показателями кризисного положения чешского языка в XVII–XVIII вв. стали, с одной стороны, сильная расшатанность, нестабильность языковых норм, а с другой стороны, пуристическая реакция на влияние немецкого языка, проявившаяся прежде всего в возникновении (особенно в трудах В. Я. Росы) большого количества далеко не всегда удачных неологизмов, которые должны были заменить немецкие заимствования. Видимо, поэтому будители стали искать образец для языковой кодификации в текстах предшествующей эпохи Гуманизма. И сначала именно в оппозиции к авторам периода Барокко находились все деятели чешского НВ [Jedlička 1948: 8].

Однако, рассматривая с учетом предшествующей традиции вопрос дальнейшего развития и возможного пополнения лексического состава чешского языка, а также его отражения в словарях, взгляды представителей первого и второго поколения чешских деятелей национального и языкового возрождения несколько разошлись. Так, в своей грамматической

⁶⁰ См. также п. 1.3. данного параграфа.

⁶¹ В данной связи необходимо помнить и о решении будителями идеологических задач по возрождению чешской нации, непосредственно связанных с решением вопроса о развитии и функциях национального языка. См. первую главу данной работы.

⁶² Кстати, также, начиная с Й. Добровского, период после поражения чехов в битве у Белой горы в 1620 г. в истории чешского языка стал оцениваться как время упадка в языковом развитии [Dobrovský 1955: 113–126]. См. также первую главу данной работы.

кодификации чешского языка «Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache» (1809 г.), по верному замечанию А. Едлички, Й. Добровский сознательно и авторитарно узаконивает «велеславинскую» языковую норму прежде всего в фонетике и морфологии [Jedlička 1948: 10]. Более того, исходя из норм «золотого века», Й. Добровский принципиально ограничивает словообразовательные возможности современного ему чешского языка и категорически отрицательно относится к новообразованиям не только эпохи Барокко, но и даже к неологизмам, предложенным Я. А. Коменским. По этим же причинам не вызывает протест у Й. Добровского большое количество иностранных слов в лексике Велеславина — он принимает это как факт и аргумент против пуризма эпохи Барокко и периода НВ [Jedlička 1948: 11; ср. также Páta 1911: 199; Petr 1989: 7]. Подобное отношение к языку «золотой эпохи» как к незыблемому эталону прослеживается в трудах многих чешских будителей первого поколения.

Для Й. Юнгманна и его соратников эпоха Велеславина также была временем расцвета чешского языка. Однако они не воспринимали этот язык как застывшую субстанцию, как не терпящий изменений образец, а отмечали и некоторые моменты языковой кодификации Велеславина, которые шли вразрез с их представлениями о совершенном, полифункциональном литературном языке⁶³, в становление которого они, в отличие от Й. Добровского, свято верили. С принципиально иным взглядом на возможности дальнейшей эволюции чешского литературного языка соотносится и отличный от Й. Добровского подход Й. Юнгманна к словотворчеству и связанному с ним пуризму по отношению к заимствованиям, прежде всего из немецкого языка. Известно, что вначале Й. Юнгманн выступал на стороне языковых пуристов, перенося такое отношение даже на предшествующие эпохи. Так, например, он критиковал большое, на его взгляд, количество заимствований у Велеславина и поддерживал начин тех своих предшественников, которые предлагали новообразования (пусть и не всегда удачные) для замены, в первую очередь, германизмов⁶⁴ [Jungmann 1825: 343; Jedlička 1948: 11–13].

В данной связи нельзя обойти вниманием деятельность уже неоднократно упоминавшегося представителя так называемого периода «упадка» в развитии чешского языка, члена иезуитского монашеского ордена, В. Я. Росы, который известен как автор грамматики чешского языка «*Sechořečnost seu Grammatica linguae bohemicae*» (1672 г.), а также как

⁶³ Так, определение поэтического языка и языка науки, как проявление высших языковых функций, приводило Й. Юнгманна и его единомышленников к критике эпохи Велеславина, так как именно эти функции чешского литературного языка не были достаточно развиты в XVI в. [см., например: Jungmann 1825: 160; Jungmann 1832 или Jungmann 1948: 63–76; ср. также: Jedlička 1948: 11–13].

⁶⁴ Стоит отметить, что позже Й. Юнгманн критиковал излишний пуризм [Navránek, 1974: 199; Krístek 1974b: 26; Cuřín 1985: 87].

составитель рукописного чешско-латинско-немецкого словаря под названием «*Thesaurus linguae bohemicae*»⁶⁵, из которого, как уже отмечалось, производил эксерпции Й. Юнгманн и, более того, похвально отзывался о нем, в том числе и в Предисловии к своему «Чешско-немецкому словарю» [Jungmann 1835: V]. Подобное отношение Й. Юнгманна связано прежде всего с поддержкой пуристического направления в словотворческой деятельности (в отличие от, в целом, негативного взгляда на труды В. Я. Росы со стороны Й. Добровского) [Jungmann 1825: 343; ср. также: Jedlička 1948: 12; Petr 1989: 14]. Однако не следует забывать, что и в предвозрожденческий период, а также на первых стадиях НВ составители словарей обращались к трудам В. Я. Росы, нередко указывая на неразрывность чешской лексикографической традиции, согласно которой Роса является продолжателем дела Я. А. Коменского и Велеславина; более того, в XVIII в. (до появления основополагающих языковедческих работ Й. Добровского и позже Й. Юнгманна) негативное отношение к деятельности В. Я. Росы еще не было, да и не могло быть сформировано, поскольку Роса был для них непосредственным предшественником и носителем чешской лингвистической (в том числе и лексикографической) традиции пуристической ориентации. В частности, непосредственным продолжателем словотворческой деятельности в духе В. Я. Росы стал составитель первого словаря XVIII в. К. З. Вусин⁶⁶ [Páta 1911: 200; Jedlička 1948: 12]; известно, что фиксировал в своих словарях лексические новообразования В. Я. Росы и К. И. Там [Páta 1911: 200; Navránek 1979: 76; Jedlička 1948: 10; Kamiš 1964: 105]. Поэтому, возвращаясь к словарю Й. Юнгманна, необходимо отметить, что, наряду с сознательной актуализацией некоторых неологизмов В. Я. Росы (впрочем, как и архаичной лексики чешского языка эпохи средневековья, периода «золотого века» — из «Кралицкой библии», из произведений Велеславина, Я. А. Коменского), нередко данные слова попадали в словарь Й. Юнгманна посредством более поздних лексикографических работ, т. е. были актуализированы еще до Й. Юнгманна. По справедливому замечанию Я. Петра, в подобных случаях говорить о том, что Й. Юнгманн ввел данный пласт лексики в чешский язык эпохи НВ непосредственно из словаря В. Я. Росы, не совсем корректно [Petr 1989: 24–25].

С другой стороны, нельзя объяснять в целом положительное, нередко даже восторженное отношение Й. Юнгманна к В. Я. Росе лишь словотворческой деятельностью последнего. На наш взгляд, Й. Юнгманна привлекал в этой деятельности прежде всего сам факт возможности такого подхода к формированию лексической системы языка, а не реальные результаты, которых добился В. Я. Роса. Кроме того, подчеркивание важности словаря

⁶⁵ О В. Я. Росе и его лексикографическом труде см., например: [Novák 1902: 155–169; Porák 1973: 39–54; Petráčková 1985: 155–166].

⁶⁶ C. Z. Wussin. *Dictionarium von dreyen Sprachen Teutsch, Lateinisch und Böhmisch* <...>. I–III. Prag, 1700–1706. См. также п. 1.3. данного параграфа.

В. Я. Росы связано и с идеологическим постулатом Й. Юнгманна о непрерывности языкового развития чешского языка и, соответственно, о деятельности В. Я. Росы как об одном из значимых звеньев этой эволюционной цепи [см. также: Červená a kol. 1982: 237]. Также вполне убедительным, по нашему мнению, является предположение исследователей об особом, «романтическом» отношении к самому имени, вернее фамилии В. Я. Росы. Неслучайно, в данной связи, упоминание В. Я. Росы в Предисловии к самому «Чешско-немецкому словарю» Й. Юнгманна; неслучайно, что, в качестве иллюстрации подачи лексического материала в словаре, Юнгманн в тексте объявления о выходе своего словаря приводит лексемы с начальным компонентом *ros-*. Эти факты свидетельствуют об особом пристрастии к символам, характерным для эпохи Романтизма, ярким представителем которой Й. Юнгманн, несомненно, являлся: *rosa*, согласно чешской литературной традиции, берущей начало с периода Барокко и активно культивировавшейся в эпоху НВ, является символом роста, процветания, изобилия и богатства [Červená a kol. 1982: 241] — всего того, чего так желал Й. Юнгманн для родного языка.

Обобщая все выше сказанное, выделим следующие моменты:

- 1) языковая ситуация и предпосылки к созданию словарей в эпоху НВ типологически в определенной степени сопоставимы с социокультурной и языковой ситуацией становления чешского литературного языка в XIV в., хотя сознательно, как нам представляется, авторы словарей периода НВ таким образом акценты не расставляли;
- 2) напротив, ориентация на литературно-языковую традицию XVI в. и принятие за образец языка «велеславинской» эпохи — действие вполне осознанное и, более того, пусть и по вполне объективным причинам, фактически навязанное и авторитарно воплощенное;
- 3) средневековые лексикографические издания, начиная с работ Кларета, и тексты других жанров того периода воспринимались в конце XVIII – начале XIX вв. лишь как источники лексики древнечешского периода, при этом нередко весьма отстраненно⁶⁷;
- 4) а лексикографы эпохи Гуманизма и Барокко оценивались в определенной степени уже как непосредственные предшественники в разработке лингвистической теории в целом и принципов лексикологии и лексикографии в частности.

Таким образом, словари «золотого» века важны не только в качестве источника чешской лексики (причем лексики, сознательно актуализиро-

⁶⁷ В данной связи показательными являются, например, факты использования Й. Юнгманном более поздних изданий словарей (в частности собрания В. Ганки «*Zbírka nejdávňějších slovníků latinsko-českých <...>*» 1833 г.) и копий рукописей XIV в., выполненных в XVI в. [см., например: Petr 1989: 17].

ванной в эпоху НВ), а словари эпохи Барокко — не только как одновременная иллюстрация кризисного состояния языка, и, как ни парадоксально, отражение словообразовательного потенциала чешского языка, но и, в значительной мере, с точки зрения того, какие лексикографические приемы использованы при их создании⁶⁸.

1.2. Поиски источников для пополнения лексики и способы ее представления в словаре в истории чешской лексикографии

Несомненно, преемственность прослеживается и в установлении определенного корпуса источников лексического материала для словарей как эпохи НВ⁶⁹, так и предшествующих периодов.

Источником расширения лексического запаса для словарей XIV в., в частности, «Богемария», как показывает, например, А. К. Ластовецкая, явился прежде всего живой народный язык.

Значительная часть слов является заимствованиями:

1) из латинского, например: чеш. *kalamarz* (*kalamář*) < лат. *calamare*; чеш. *warhany* (*varhany*) < лат. *organa*;

2) немецкого: чеш. *panczyerz* (*pancíř*) – лат. *lorica* < нем. *Panzer*; чеш. *flaska* (*flaše, flaška*, нар.) – лат. *orca* < нем. *Flasche* < ср.-лат. *flasco* [Ластовецкая 1958: 7–8].

В более позднем «Глоссарии» появляются:

3) неологизмы, заменявшие латинизмы, например: лат. *astronomus* – чеш. *hviezdarz* (*hvězdár*); лат. *calibs* – чеш. *oczel* (*ocel*); а также долгое время употреблявшиеся названия планет: лат. *Jupiter* – чеш. *Králemoc*; лат. *Mars* – чеш. *Smrtonoš*; лат. *Mercurius* – чеш. *Dobropán*; лат. *Saturnus* – чеш. *Hladolet*.

Здесь следует отметить, что основной задачей при составлении «Глоссария» явилось создание чешских терминов для всех научных специализаций артистического факультета Пражского университета того времени. Приведенные примеры являются демонстрацией удачных неологизмов, вошедших в лексическую систему чешского языка. Однако Кларет и его сотрудники, стремясь создать чешские эквиваленты даже для терминов, ставших интернациональными, нередко предлагали неологизмы, в последствии признанные неудачными, например:

⁶⁸ См. также п. 1.2. и п. 1.3. данного параграфа.

⁶⁹ В рамках данной части работы в качестве источника отражения различных возможностей пополнения словарного состава чешского языка в эпоху НВ нами сознательно выбраны работы Й. Юнгманна прежде всего его «Чешско-немецкий словарь», как итоговый лексикографический труд эпохи НВ.

zrnakocz (*granát*) – лат. *granatus*; *bohomluvna* (*teologie*) – лат. *theologia*; *mudrona* (*filozofie*) – лат. *philosophia*; *slovocztena* (*gramatika, mluvnice*) – лат. *grammatica*; *cztena* (*litera, písmeno*) – лат. *litera* [Ластовецкая 1958: 10; Havránek 1979: 36; Cuřín 1985: 28].

Последний пуристический аспект в работе по созданию чешской терминологии характерен для всех последующих этапов развития чешской лексической системы и словарной работы, в том числе и для эпохи НВ.

Ср., например, «неудачные» неологизмы В. Я. Росы: *vlastenka, vlastenečnost* (*idiotismus, idiotství*) – лат. *idiotismus*; *způsob poroučející* (*rozkazovací způsob, imperativ*) – лат. *imperativ* [Cuřín 1985: 62; см. также: Havránek 1979: 75–76], или предложенные позже Й. Юнгманном и его соратниками, однако, также не прошедшие проверку временем *lubomudrství* (*filozofie*) – лат. *philosophia*; *umnice* (*logika*) – лат. *logica*; *krásověda* (*estetika*) – лат. *aesthetica*; *slovářství* (*lexikografie, slovníkářství*) – лат. *lexicographia* и под. [см. также: Havránek 1979: 92; Cuřín 1985: 84–85].

4) слова старославянского происхождения, известные многим славянским языкам, например: лат. *beatitudo* – чеш. *blahoslavnost, blaženost*, ст.-слав. *блаженство*, рус., укр., болг. *блаженство*, серб. *блаженост, блаженство*, польск. *blogosławioność* [Páta 1911: 8; Ластовецкая 1958: 10; Havránek 1979: 36; Cuřín 1985: 28; ср. также: Dobrovský 1955: 47].

Известно, что в эпоху Гуманизма значительно обогатился лексический состав чешского языка, в том числе и с помощью использования приемов, известных уже с XIV в. И именно в «золотую» эпоху было положено начало традиции создания по возможности полного словаря чешской лексики. Так, в одном из самых главных источников и образцов для авторов словарей эпохи НВ — в «*Silva quadrilinguis*» Велеславина, — собрана современная на тот период лексика чешского языка⁷⁰ без излишних неологизмов и с определенным набором заимствований, что, по сути, и определило образцовый статус этого лексикографического источника для Й. Добровского и других языковедов последней трети XVIII – первой половины XIX в. Основой лексического состава в «*Silva quadrilinguis*» являются чешские, т. е. исконные слова с необходимыми толкованиями, в том числе и фразеологическими употреблениями, а также традиционно с переводом словарных статей, в данном случае на латинский, немецкий и греческий языки [см., например: Páta 1911: 103–105; Brauner 1939; Havránek 1979: 69; Cuřín 1985: 52]. Таким образом, Велеславина можно назвать предтечей в деле формирования принципов лексикографирования в истории чешской лексикографии, поскольку для него характерен подход к лексике как к системе,

⁷⁰ Таким образом, в отличие от словарных трудов его предшественника Кларета, который, как уже неоднократно отмечалось, занимался созданием чешских терминологических систем, призванных помочь студентам при обучении в университете, Велеславин впервые попытался собрать все лексическое богатство чешского языка [см. также: Havránek 1979: 69; Michálek 1964: 60].

детальная разработка построения словарной статьи, учет как письменной, так и устной традиции в подаче иллюстративного материала, обусловленный не только прагматическими причинами, но и общеевропейской традицией переводческий принцип построения словаря.

Несомненно, что история чешской лексикографии могла бы значительно обогатиться, если бы в XVII в. Я. А. Коменскому удалось издать свой словарь «*Thesaurus linguae bohemicae*». По справедливому утверждению исследователей, лексикографические труды Коменского — это новый и весьма прогрессивный шаг в формировании научного подхода к изучению и сохранению в виде словарей лексики чешского языка. Особого внимания заслуживает подготовительная работа, связанная с выбором оптимальной формы и содержания словарной статьи, тщательностью в подборе и систематизации необходимых грамматических показателей и даже стилистических помет [Páta 1911: 105–106; Havránek 1979: 69–70; Cuřín 1985: 46–47]. Эти же тенденции будут развивать в будущем и ведущие лексикографы эпохи НВ.

Интерес представляет и тот факт, что в чешской научной литературе второй половины XVI в. особое внимание стали уделять вопросу языкового родства чешского с другими славянскими языками [см., например: Cuřín 1985: 41], что, на наш взгляд, определенным образом перекликается с идеей славянской взаимности, ставшей весьма популярной в XIX в. и получившей интересное преломление, в частности, в лексикографической деятельности⁷¹. Конечно, знания о славянском мире и языках в эпоху Гуманизма были еще весьма фрагментарны и не точны, но сама идея обращения к родственному языковому материалу с целью сравнения и рассмотрения в данном контексте возможностей расширения словарного состава чешского языка также весьма показательна и важна с точки зрения формирования традиции в истории чешской лексикологии и словообразования. О родстве славянских народов и языков знал, например, и Велеславин. Вслед за своими предшественниками, прежде всего Я. Гусом, Велеславин подчеркивал особо близкое отношение к полякам, объявил польский язык наиболее похожим и понятным для чехов; более того, нередко напрямую ориентировался на польского читателя своих книг, о чем свидетельствует, к примеру, публикация, наряду с латинским и чешским, еще и польского указателя к некоторым переводным произведениям [Cuřín 1985: 41–42]. В данной связи нельзя не отметить, что к 1587 г. относится попытка создания М. Бенешовским первого чешского этимологического словаря (Matouš Benešovský, řečený Philonomus. *Knížka slov českých vyložených, odkud svůj počátek mají, totiž jaký jest jejich rozum*), в котором автор демонстрирует знание многих славянских языков. Й. Добровский отмечает также, что Бенешовский выступает против латинского и немецкого влияния на чешский язык; как и Велеславин, нередко приводит примеры из других

⁷¹ См. также § 2, п. 2.2. данной главы.

славянских языков — прежде всего из польского [Dobrovský 1955: 108; ср. также: Suřín 1985: 41–42].

В «велеславинскую» эпоху было создано немало новых слов, в том числе и различные термины, например:

druh – лат. *genus*, *důvěrník* – лат. *sequester*, *látka* – лат. *materia*, *nepřetržitý* – лат. *continuus*, *odporný* – лат. *contrarius*, *určitý* – лат. *dictus*.

При этом чаще для пополнения чешской лексики составители словарей, следуя традициям своего времени, прибегали к заимствованиям:

- 1) из латинского, например: *akademia*, *autor*, *kalendář*, *katedra*, *preceptor*, *exponovati*, *formovati*, *exemplum* и
- 2) немецкого, например: *fechtovat*, *foch*, *fortel*, *gráf*, *handlovati*, *haviř*, *kundšoft*, *kamerdiner*, *šichtmistr*, *verkpaňky*;
- 3) а в конце этого периода и из романских языков, например: *armáda*, *gubernátor*, *jenerál*, *kapitán*, *lajtnant*, *ložírovat*, *oficír*, *soldát* [Havránek 1979, 61–63]⁷².

Однако такие известные деятели того времени, как Я. Благослав и позже Я. А. Коменский, подчеркивали, что использование подобных заимствований должно быть функционально и стилистически оправдано. По словам Я. Благослава, необходимо заботиться о сохранении «духа языка»; необходимо следить за установившимся языковым законом и не принимать лишние нововведения, в том числе и лексические; заимствования нужно использовать только в тех случаях, когда значения чешского слова недостаточно, если же есть достойный и не менее удачный чешский эквивалент, то его и нужно использовать, а не прибегать к средствам другого языка [см., например: Suřín 1985: 45].

Эту тенденцию в XVII в. активно стимулировал В. Я. Роса, нарочито отказываясь от заимствований и предлагая взамен чешские эквиваленты-нелогизмы. Правда, как уже упоминалось выше, лексические новообразования В. Я. Росы получили неоднозначную оценку в период НВ. При этом, во многом благодаря использованию трудов и методов Я. А. Коменского при создании словаря, рукописная лексикографическая работа самого Росы получила в дальнейшем широкое распространение. В данной связи Й. Пата делает интересное умозаключение. Положительное и сильное влияние работы Коменского на Росу заключалось в том, что информация по каждому слову, представленному в его словаре, в том числе и по неологизмам, является чрезвычайно насыщенной — с обширными, хотя нередко и

⁷² Интерес представляет при этом факт функциональной дифференциации языков-«доноров»: слова латинского происхождения, в основном, относятся к научной и школьной сфере; заимствования из немецкого языка — это прежде всего элементы разговорной речи, слова, называющие каждодневные бытовые реалии, и ремесленническая терминология; лексемы, заимствованные из романских языков, являются понятиями из военной области и терминами торговли и искусства [Havránek 1979: 61–62].

ошибочными, грамматическими пояснениями, с примерами из других славянских языков, а также с цитатами из старочешских источников и с образцами разговорной речи. Такая тщательность в обработке и представлении лексического материала в словаре является свидетельством признания и использования Росой теоретических разысканий Коменского. Именно из-за этого влияния Я. А. Коменского словарь В. Я. Росы представлял интерес для лексикографов эпохи НВ. И именно этим объясняется, с одной стороны, почему, например, Й. Юнгманн использовал словарь В. Я. Росы, а с другой стороны, почему не издавался сам словарь Росы [Páta 1911: 199].

Тенденция к обогащению чешской лексики, создание терминологических систем, несмотря на скепсис Й. Добровского, остаются основными задачами и для лексикографов эпохи НВ. Кстати, первой (правда, не совсем удачной, по мнению исследователей) попыткой создания терминологического словаря а эпоху НВ стал, вышедший в 1808 г. «Okus česko-německého právníckého a jednatelského slovníku s auplným německým ukázadlem <...> (Versuch eines böhmisch-deutschen juristischen und geschäftsmännischen Lexikons <...>» К. И. Тама, где была представлена юридическая и административная лексика [об ошибках в данном словаре см.: Růžicka 1957: 138]. Происходившее в это же время объединение под руководством Й. Юнгманна ряда деятелей НВ в творческий союз по составлению словаря чешского языка во многом было предопределено также решением задачи по созданию терминологии для различных научных дисциплин.

Отношение к заимствованиям также во многом соотносится с утверждениями по этому поводу авторов предшествующих периодов [см., например: Jedlička 1948; Havránek 1974: 195–203; Kamiš 1974: 67–76; Лилич 1982: 60–74]. Кроме того, также явно прослеживается продолжение традиции пуристического отношения к заимствованиям, характерное практически для всех этапов истории чешского языка. Таким образом, данные идеи нашли свое логическое продолжение и теоретическое закрепление в трудах деятелей чешского НВ, прежде всего в работах Й. Добровского и Й. Юнгманна⁷³.

В развитии народного разговорного языка Я. А. Коменский видел эволюцию чешского языка и надежду на то, что чехи не забудут свой родной язык и не начнут использовать чужой. Этот подход особенно значим, если учесть, что основная деятельность Коменского приходится на следующий XVII в., период проявления кризисных тенденций в развитии чешского литературного языка. Лексикографы эпохи НВ и прежде всего Й. Юнгманн также призывали не пренебрегать богатым и вполне достоверным языковым мате́риалом, который предоставляет разговорный язык, а также диалекты [см., например, Jungmann 1835: VII; Jungmann 1845: 22–24; Jedlička 1948: 16–17; Petr 1989: 14]. При этом вновь необходимо учитывать тот

⁷³ См. также § 2 третьей главы.

факт, что не все языковеды эпохи НВ принимали идеи Й. Юнгманна по поводу обогащения словарного состава и расширения сфер применения чешского языка; не у всех находил понимание научный интерес Й. Юнгманна к современному разговорному языку. Так, Й. Добровский, как главный оппонент по данному вопросу, сознательно возрождал языковую норму XVI в. и тем самым, кстати, отталкивал чешский литературный язык от народного [см. также: Jedlička 1948: 10].

В заключение отметим, что с учетом предшествующей традиции при отборе лексического материала для словарей эпохи НВ — и в первую очередь для «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна, — также использовались различные возможности. При этом прерогативное положение получали слова:

- 1) старочешского языка, т. е. архаизмы, например: *hádání, krása, písemní řeč, přísloví, spanilost, výklad, výmluvnost*;
- 2) далее — элементы разговорного языка и диалектов, т. е., по преимуществу, современный пласт лексики, например: *napospěch, oštěr, poddůstojník, těřeti, věšba, volárna, vratný, zakaboněný, zakaboniti se, zápak, zástrážník*;
- 3) заимствования из славянских языков, например, из польского: *blizna, pyl, rosomák, mluvnice, podmět, rozbor, podlý, skromný, tlumit, vzor* др.; из русского: *běloručka, blahosklonnost, kynčal, ladný, nápěv, pěvec, plodonosný, pluk, rozkolník, strohý* и др.;
- 4) были включены также неологизмы⁷⁴, например: *jednotlivý, nerost, obdoba, oblíba, popěvek, přídavné jméno, vloha, zápor* и
- 5) кальки, например: *cestopis* ← нем. *Reisebeschreibung*; *dešťoměr* ← нем. *Regenmesser*; *divotvorce* ← нем. *Wunderthäter*; *životopis* ← нем. *Lebensbeschreibung* (← греч.-лат. *Biographia*); *libomudrství* ← греч.-лат. *philosophia*; *dušesloví* ← греч.-лат. *psychologia*; *opakování* ← лат. *repetitio*; *vidění* ← лат. *visio*) [см. также: Jungmann 1845, 22–24; Jedlička 1948, 16–17; Kamiš 1974, 67–76; Havránek 1974, 195–203; Havránek 1979, 96–98; Petr 1989, 16, 19–24 и др.].

С особой тщательностью стали подходить в эпоху НВ и к выработке оптимального формата словарной статьи, включающей в себя основные грам-

⁷⁴ В данном случае приведены примеры новообразований, сконструированных на основе чешской лексики и с использованием закономерностей чешского словообразования; т. е. понятие «неологизм» употребляется здесь в узком смысле. Не касаясь специально терминологических разночтений по отношению к дефиниции «неологизм», отметим лишь, что, например, Б. Гавранек относит к неологизмам в словаре Й. Юнгманна и обновленные старочешские слова, и заимствования из других славянских языков, и кальки, и новообразования [Havránek 1974: 196], т. е. по сути, определяет неологизм как любое возможное (и разное по происхождению) проявление актуализации тех или иных лексем.

матические характеристики слова, информацию о происхождении слова, способ толкования значений, подбор иллюстративного материала и т. д. [см., например: Petr 1989: 15, 25]. Несомненно, что выбор наиболее приемлемого и отвечающего задачам словаря способа построения словарной статьи опирался на разрабатываемую в то время лексикографическую (и в целом лингвистическую) теорию, которая, однако, учитывала и предыдущий опыт (в данном случае, прежде всего, лексикографические достижения «велеславинской» эпохи и Я. А. Коменского)⁷⁵.

Итак, сравнение основных принципов построения словарной статьи и в большей степени источников, используемых для обогащения лексического запаса чешского языка в разные периоды, также говорит в пользу определенной традиции, которая всегда в истории этого славянского языка была связана с формированием взглядов на дальнейшую языковую эволюцию (прежде всего на развитие и пополнение лексического состава, на словообразовательные возможности чешского языка) и с учетом пуристических тенденций по отношению к немецкому языку (в определенной степени также и к латинскому языковому влиянию).

1.3. Преемственность предшествующих достижений в истории чешской лексикографии

Предваряя рассуждения о влиянии европейских, в том числе и инославянских, лексикографических трудов и в связи с давней традицией обращения к зарубежному лексикографическому опыту, необходимо подчеркнуть преемственность этой традиции и в период НВ.

Так, в XVI в. при составлении словарей за образец обычно принимались словари латинские и немецкие⁷⁶. Таковыми являются, например, словари Т. Решела (Tomáš Rešelius Hradecký) «*Dictionarium latino-bohemicum*» (1560 г.) и «*Dictionarium bohemicum-latinitum*» (1562 г.)⁷⁷. Несомненно, знал и использовал эту традицию Велеславин. Стоит также отметить лексикографический труд более раннего предшественника Велеславина — латинско-чешский «*Lactifer*» (1511 г.) Я. Воднянского (Jan Vodňanský), созданный по образцу «*Lactifer*» Гуариана и призванный помочь при чтении основных латинских авторов. Насмотря на нелестный отзыв на этот словарь Велеславина в предисловии к «*Silva quadrilinguis*», данный словарь заслужен-

⁷⁵ См. также § 2 третьей главы.

⁷⁶ Воздействию немецкой лексикографической традиции и немецкого языка в целом на чешские словари XVI в., в первую очередь на словари Велеславина, посвящена монография немецкого исследователя Г. Браунера [Brauner 1939; см. также рецензию на эту работу: Jedlička 1941: 111].

⁷⁷ По свидетельству Й. Паты, это был первый в истории чешской лексикографии чешско-латинский словарь [Páta 1911: 104].

но вошел в историю чешской лексикографии, в том числе и как первый печатный латинско-чешский словарь [Páta 1911: 103–104].

В эпоху НВ, в частности, и сам Й. Юнгманн, а также многие исследователи его творческого наследия отмечали, что образцом при создании и оформлении словарных статей в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгмана и нередко источником лексического материала стали словари славянских языков — тоже, кстати, с переводом словарных статей на немецкий язык, т. е. двуязычные словари: словарь польского языка С. Б. Линде (Samuel Bogumił Linde) — «Słownik języka polskiego» (1807–1814 гг.) и, в некоторой мере, «Полный русско-немецкий словарь» И. Гейма (1801 г.) [Jungmann 1835: VII; Jedlička 1948: 25; Havránek 1979: 202; Cuřín 1985: 86–87, Petr 1989: 13 и др.].

Несомненно, что чешские лексикографы эпохи НВ использовали и достижения западноевропейской (прежде всего немецкой) лексикографии и, кроме того, весьма активно сотрудничали с немецкими лингвистами. В качестве примеров можно привести следующие факты:

1) Предисловие к «Немецко-чешскому словарю» К. И. Тама [см., например: Adelung 1788: <2–15>] написано Й. Х. Аделунгом (Johann Christoph Adelung), старшим библиотекарем лейпцигской и дрезденской библиотек, а также автором пятитомного словаря верхненемецкого диалекта со сравнениями из других диалектов немецкого языка «Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches Der Hochdeutschen Mundart, mit Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen», вышедшего в 1774–1786 гг.

2) Во введении к своему словарю К. И. Там перечисляет немецкие словари, которые он использовал, а также с чувством большой благодарности пишет о консультациях с Й. Х. Аделунгом в процессе работы над словарем [Tham 1805b: LXIX]⁷⁸.

3) По образцу словаря немецкого лексикографа И. И. Г. Шеллера (Immanuel Johann Gerhard Scheller. *Ausführliches lateinisch-deutsches und deutsch-lateinisches Wörterbuch*. Leipzig, 1783–1784) создал свой словарь Й. Хмела (Josef Chmela. *Lateinisch-Böhmisch-Deutsches Wörterbuch nach I. J. G. Scheller's etymologischer Grundlage*. Hradec Králové, 1830).

Кроме того, все чешские лексикографы использовали достижения своих предшественников. Это является неоспоримым свидетельством преемственности лучших национальных традиций в словарной работе. Так, известно, что авторы двуязычных словарей конца XIV в.⁷⁹ в качестве основы

⁷⁸ См. также § 2 данной главы.

⁷⁹ А прототипами двуязычных словарей XIV в. можно назвать глоссы, поскольку они являются попыткой перевода иностранных слов и объяснения значения слов малопонятных. Первые глоссы относятся к X–XI вв. — например, старочешские глоссы в еврейских текстах (X–XIII вв.), старославянско-чешские так наз. «Венские глоссы» (XI–XII вв.); получают распространение в

использовали лексикографические труды Кларета. Й. Пата, например, отмечал, что словарь Я. Велешина (*Jan z Velešína*), относящийся к концу XIV в. (имеется также копия этого словаря, датируемая XVI в.), является ни чем иным, как переработкой «Райградского словаря» [Páta 1911: 9]. Э. Михалек провел сравнение латинско-чешских словарей старшего периода со словарем «*Lactifer*» Я. Воднянского, вышедшим в начале XVI в., и также нашел свидетельства воздействия предшествующего лексикографического опыта авторов первых словарей и в какой-то мере проследил процесс формирования чешской лексикографической традиции, берущей начало в XIV в. и активно развивающейся на протяжении XVI в. [Michálek 1994: 116–123]. И даже в XVII в., когда началась цепь трагических событий, преследовавших в том числе и создателей лексиконов и словарей, которые пытались сохранить и зафиксировать лексическое богатство чешского языка, — практически полностью сгорела рукопись словаря Я. А. Коменского «*Thesaurus linguae bohemicae*», не был издан чешско-латинско-немецкий словарь В. Я. Росы, — работа продолжалась и преемственность в этой работе поддерживалась, несмотря на кризисное положение чешского языка и воздействие этого кризиса на авторов грамматик и словарей того времени. К примеру, известно, что первую часть словаря Я. А. Коменского, которую удалось спасти после пожара 1656 г., использовал В. Я. Роса при создании своего рукописного «*Thesaurus linguae bohemicae*»⁸⁰. Отмечая несоответствие в некоторых общих принципах лексикографической работы у Коменского и Росы, исследователи подчеркивают преемственность в работе по обогащению лексики за счет неологизмов, появление которых было продиктовано, в первую очередь, пуризмом. В любом случае именно В. Я. Росу называют лингвистическим «наследником» Я. А. Коменского [см., например: Páta 1911: 106 и 199; Cuřín 1985: 46, 67]. И именно вследствие этой ярко прослеживающейся преемственности лексикографический труд Росы, в отличие от его грамматики чешского языка, так

XII–XIII вв. — самые известные «*Mater verborum*», где чешские глоссы вписаны в латинский текст; встречаются приписки на чешском языке даже в текстах XV–XVI вв., [см., также: Páta 1911: 7–8; Ластовецкая 1958: 2–5; Cuřín 1985: 16, 20].

⁸⁰ Й. Пата, вслед за Я. В. Новаком [Novák 1902: 155–169], утверждал, что первым, кто распознал влияние названного труда Я. А. Коменского на словарь В. Я. Росы, был Й. Юнгманн, о чем есть упоминание в его «Истории чешской литературы» [см.: Jungmann 1825: 254; Páta 1911: 106 и 199]. Однако, стоит отметить, что еще в 1791 г. в предисловии к «Чешско-немецко-латинскому словарю» Ф. Я. Томсы, Й. Добровский сделал подобное предположение: «Исходя из одного места в предисловии к грамматике Росы (*quisquis Lexicon Boemicum Comenii, vbi omnium Boemicarum vocum originationes demonstrat, legerit*) — можно предположить, что Роса использовал лексикон известного Коменского»; «в до сих пор неизданном словаре Росы можно найти следы того, что он использовал собрание корневых слов (*Wurzelwort*) Коменского» [Dobrowsky 1791a: 4].

активно использовался авторами словарей эпохи НВ, в первую очередь, Й. Юнгманном. Еще раз отметим, что пристрастие, в духе Росы, к лексическим новообразованиям, в большинстве своем так и оставшимся окказиональными и признанными в дальнейшем неудачными, характерно и для словарей первой половины XVIII в. Самым известным и популярным (переиздавался трижды в течение полувека) стал «*Dictionarium von dreien Sprachen Teutsch, Lateinisch und Böhmisch <...>*».) Вусина (С. Z. Wussin), впервые опубликованный в 1700–1706 гг. [см., например: Dobrowsky 1791a: 3]. Данная тенденция прослеживается и в других словарях уже второй половины XVIII в., например: F. X. Kropf. *Index locuplex latinarum dictionum pro Germanicis, et Bohemicis vocibus delectarum <...>*. Prag, 1753; J. K. Rohn. *Nomenclator, To jest Gmenowatel, Aneb Rozličných Gmen gak w České, Latinské, lub y w Německé Řeči Oznamitel*. I–IV. Prag, 1764–1768 и др.

Переходя к словарям, которым посвящено данное исследование, необходимо подчеркнуть знание и использование авторами словарей эпохи НВ, начиная с К. И. Тама (первый по времени издания словарь периода НВ — «*Deutsch-böhmisches Nationallexikon <...>*» [Tham 1788]) и заканчивая Й. Юнгманном («*Slownjk česko-německý*» [Jungmann 1835–1839])⁸¹, предшествующих лексикографических трудов и основных принципов работы их создателей. Однако у каждого из них эта предшествующая лексикографическая традиция по-разному осмыслялась и преломлялась. Непосредственными свидетельствами знания и использования достижений чешской лексикографии являются:

Во-первых, указания на используемые произведения, в том числе и словари, предшествующих периодов в предисловиях к своим словарям:

а) например, у К. И. Тама среди первых названы Велеславин и Я. А. Коменский [Tham 1805b: LXVIII], в юнгманновском предисловии к его словарю также перечислены все основные авторы и составители словарей от Велеславина до Й. Добровского, включая в том числе Я. А. Коменского и В. Я. Росу [см.: Jungmann 1835: IV–VII];

б) иногда даже в названии на титульном листе, например, как у К. И. Тама: «Новый подробный и полный чешско-немецкий синонимическо-фразеологический национальный лексикон или словарь <...> На основе обработанного *Sylva quadrilinguis* Велеславина <...>» [Tham, <Tomsa> 1805–1807: титульный лист].

Во-вторых, пусть и не всегда последовательно, пометы к отдельным словарным статьям как указание на источник. В данной связи приведем в качестве примера весьма показательную словарную статью из «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна для лексемы *až*. Сама статья является одной из самых объемных в данном словаре и занимает полторы страницы, что обусловлено большим количеством примеров. Приведем некоторые из них:

⁸¹ См. хронологию появления словарей в эпоху НВ в § 1 п. 1.1. третьей главы.

Až potud přirozené věci: uměň řemeslná gsau, hactenus. *Com. jan.* 377 (= *Comenii janua linguarum*), Wogsko přitáhlo až dvě mjle od Atén. *W.* (= *Adam z Weleslawjna (zvláště biblj)*), Až dotud, až potud, t. až na ten čas. *Wq.* 348 (= *téhož Sylva quadrilinguis*), Až do smrti, až do skonánj swěta. *D.* (= *Dobrowsky's Deutsch-böhmisch Wörterb.*), Psal, že až s nědele přigde, t. teprw. *Us.* (= *Usus*), Dwa štjty mocná (dual.) w bogi zahubil, až se wjc nemohli opraviti. *Dal. c.* 73 (= *Dalimilowa kronika, dle Procházky vydaná, djlem dle Rkp. Hankowa*), Než se wyprawili, až Němci wsi zapálili. *Hág.* (= *Hágkowa kronika česká*), Nebyl doma, až teprwé dnes přišel. *Us. Toms.* (= *Usus a Tomsůw slownjk česko-něm. 1791*), Počkey, až přigdu. *D.* (= *Dobrowsky's Deutsch-böhmisch Wörterb.*) [Jungmann 1835–1839: I, 54–55].

Также следует указать на список сокращений по именам и произведениям, цитируемым в словаре (в приведенных выше примерах расшифровки сокращений взяты именно из этого списка). Этот список, далеко не являющийся полным⁸², но тем не менее насчитывающий 316 наименований, приведен после предисловия к словарю [см.: Jungmann 1835: <IX–X>].

В-третьих, характерной чертой нового этапа в становлении чешской лексикографии в эпоху НВ является критический разбор предшествующих как грамматических, так и лексикографических трудов. Так, Й. Добровский в предисловиях к словарю Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791] и позже к первому тому своего «Немецко-чешского словаря» [Dobrowsky 1802–1821] представил первые краткие очерки по истории чешской лексикографии и современному ее состоянию, в том числе подверг критике словари XVIII в., особенно же «досталось» от Добровского словарям его современника — К. И. Тама [Dobrowsky 1791a: 3–10; Dobrowsky 1802: <3–12>]⁸³.

Сам К. И. Там в предисловии к своему «Немецко-чешскому словарю» 1788 г. также перечисляет основных своих предшественников и современников по лексикографической работе, называя главными недостатками всех словарей их «несовершенство», т. е. неточность немецких переводов, и «недостаточность», т. е. малый объем; сожалеет Там и о неизданных уже в течение ста лет словаря В. Я. Росы и в течении двадцати лет словаря И. Зеберера (Johann Zeberer) [Tham 1805b: LXVII], о которых также с положительной оценкой и с сожалением по поводу неосуществленных изданий, как и о неопубликованном словаре Я. Прокопиуса, пишет Й. Добровский [см., в частности: Dobrowsky 1791a: 4–6].

Традиционно первым лексикографом, труд которого обозначил качественный переход от устаревшего и признанного неэффективным напра-

⁸² О сложностях, возникающих при расшифровке некоторых указаний на источники и авторов эксерпций в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна, см., например: [Šmilauer 1974: 50–51].

⁸³ Подробнее о дискуссии Й. Добровского с К. И. Тамом см. в третьей главе данной работы.

вления В. Я. Росы к формированию новых научных лексикографических принципов работы, считается Ф. Я. Томса, который издал в 1791 г. свой «Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache <...>» [Tomsa 1791]⁸⁴. Предопределяющим в таком отношении стал факт непосредственного участия в работе над словарем Й. Добровского, прежде всего в качестве создателя теоретических основ для этого словаря и в определенной степени в качестве редактора. Он же стал автором предисловия к словарю Ф. Я. Томсы [Dobrowsky 1791a: 3–10; Dobrowsky 1791b: 11–32]. Ввиду того, что Й. Добровский является основателем научного направления в изучении языка, в том числе и в его лексикографическом описании, и поскольку, несомненно, по праву его теоретические постулаты были в дальнейшем приняты, по сути, за непререкаемый закон, а словарь Томсы базировался, несмотря на все недостатки, на теории Добровского, именно лексикографическую работу Ф. Я. Томсы 1791 г. считают первым (по качественным характеристикам) возрожденческим словарем. Кроме того, это первый словарь, где в качестве исходного языка представлен чешский, а не немецкий язык [см. также, например: Páta 1911: 200].

Следуя хронологии, необходимо указать еще на несколько лексикографических работ рассматриваемого периода, оставивших след в истории чешской лексикографии и в той или иной степени повлиявших на главный труд этой эпохи — «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна [Jungmann 1835–1839]. Это

- 1) «Böhmisch-Deutsch-Lateinisches Wörterbuch, mit Beifügung den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten <...>» Й. Палковича (Jiří / словц. Juraj Palkovič), изданный в 1820–1821 гг.,
- 2) «Lateinisch-böhmisch-deutsches Wörterbuch <...>» Й. Хмелы 1830 г. издания,
- 3) а также посмертное издание словаря А. Бернолака (Anton Bernolák) — «Slovár Slowenský, Česko-Latínsko-Nemecko-Uherský» [Bernolák 1825–1827]⁸⁵.

Как и в случае уже рассмотренных выше словарей эпохи НВ, все перечисленные лексикографические работы также тесно связаны с предшествующей традицией во всех ее проявлениях — от формата словаря как дву- или многоязычного с опорой на иноязычные словари, прежде всего на словари немецкого языка, до построения словарных статей с определенным (но варьируемым!) набором информативных показателей для каждого слова.

Самое ценное лексикографическое наследие эпохи НВ, оставшееся на долгие годы главным источником чешской лексики — «Чешско-немецкий

⁸⁴ Следует также отметить, что до этого, в 1789 г., этот же составитель издал «Malý německý a český slovník <...>».

⁸⁵ См. также § 2 п. 2.2. данной главы.

словарь» Й. Юнгманна, — по праву является логическим завершением многолетних исканий оптимального решения в деле фиксации лексического состава чешского языка и его феноменальных словообразовательных возможностей; но, как истинный продолжатель традиции, не обозначает конец в процессе формирования и усовершенствования чешской лексикографической теории и практики⁸⁶.

§ 2. Влияние западноевропейской и инославянской лексикографической традиции

Как уже неоднократно подчеркивалось, эпоха НВ в Чехии является начальным периодом формирования научного (в современном понимании) подхода к изучению языка, в широком смысле — периодом зарождения славянской филологической науки, свидетельством чего служит и тот факт, что любая деятельность на этом поприще базировалась на серьезном историческом и сравнительно-сопоставительном исследовании той или иной проблемы и прежде всего на изучении истории вопроса. В нашем случае такой историей вопроса становились знание и анализ предшествующего лексикографического опыта или традиции. В первом параграфе речь шла в основном о национальной традиции в деле создания словарей чешской лексики, о ее активном и плодотворном использовании лексикографами эпохи НВ. При этом многочисленными являются факты учета западноевропейского «лексикографического контекста», а также свидетельства сотрудничества и взаимовлияния славянских лексикографов того времени. Все эти факты также позволяют проследить процесс становления чешской лексикографии как раздела языкознания, возможно, в большей степени, чем другие, требующего межличностного и шире — международного сотрудничества, знания традиций и обмена опытом. Как следствие, авторы словарей вырабатывали более или менее универсальные теоретические основы для формирования лексикографических принципов и получали стимул для сложного, кропотливого, длительного и нередко неблагодарного лексикографического труда⁸⁷.

⁸⁶ Как уже отмечалось во Введении все последующие чешские составители словарей, несомненно, использовали достижения Й. Юнгманна и подчеркивали неразрывную связь с лексикографической традицией эпохи НВ [см., например: PSJČ, Předmluva 1937: XI; ср. также: Poldauf 1971: 258–259, 267; Filipec 1958a: 212–214; Helcl 1958: 45; Petr 1989: 29–31].

⁸⁷ В данной связи интерес представляют удивительные совпадения в работе лексикографов того времени, связанные, в частности, с обработкой лексического материала, а также с изданием и распространением своих словарей. Практически все они — и Й. Х. Аделунг, и С. Б. Линде, и А. Бернолак, и Й. Юнгманн — работали над созданием своих словарей 20 и более лет. И у всех, в той

2.1. Европейский «лексикографический контекст»

Нередко период с конца XVII в. и до начала XIX в. исследователи определяют как классический в истории лексикографии [см., например: Filipec 1958a: 212]. А с конца XVIII в. и особенно в XIX в. в Европе и вообще наблюдается своеобразный лексикографический бум.

С одной стороны, уже с XVII в. во многих европейских странах появляется ряд словарей национальных языков, признанных в последствии фундаментальными сокровищницами лексического богатства того или иного языка и ставших, как справедливо заметил Б. Гавранек, основанием для возникновения многочисленных грамматических исследований в XIX в. [Havránek, Filipec 1958: 189; Filipec 1958a: 212], а также образцами для будущих европейских лексикографов. Важно отметить, что среди этих трудов есть словари, в создании которых был задействован целый штат сотрудников: это словарь, созданный лексикографами флорентийской Accademia della Crusca — «Vocabolario della Crusca» (1612 г.), словарь французской академии «Le dictionnaire de l'Académie françoise» (1694 г.) и шеститомный «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг.; второе издание было осуществлено уже в 1806–1822 гг.); а также авторские словари: словарь английского языка С. Джонсона (Samuel Johnson) — «A Dictionary of the English Language; in which The Words are deduced from their Originals, Explained in their Different Meanings and authorized by the Names of the Writers in whose Works they are found» (1755 г.), и уже упоминавшийся словарь немецкого языка Й. Х. Аделунга — «Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches Der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen» (1774–1786 гг.). Таким образом, сформировалось два направления в лексикографической деятельности — коллективное и индивидуальное, — нашедшие своих сторонников и в будущем, в том числе и среди славянских лексикографов [см., например: Flajšhans 1895: 97–99, 113–115, 131–132; Pastrnek 1906: 208–209; Orłóś 1998: 41–50].

С другой стороны, начиная с последних десятилетий XVIII в., в Европе происходят активные исторические процессы становления отдельных наций и их языков, вошедшие в историю под названием национальных, в том числе и славянских, Возрождений. Самыми яркими проявлениями этого движения стали интерес к родному языку и его активное изучение, свидетельством чему послужило и стремительное развитие лексикографии. В Чехии, например, в данный период было издано около 20 словарей⁸⁸, авто-

или иной степени, возникали различного рода трудности, связанные с поиском приемлемых, в том числе и с финансовой точки зрения, издательских услуг [см. об этом, например: Orłóś 1998: 43–44; Смирнов 1998a: 202].

⁸⁸ Подробнее см. § 1 п. 1.1. третьей главы, где представлена хронология появления словарей в эпоху НВ.

ры которых также использовали «международный», европейский лексикографический опыт, о чем свидетельствуют, в частности, и упоминания самых значимых словарных изданий в предисловиях к чешским словарям (см. далее); а также известные исследования более позднего времени, посвященные истории чешской лексикографии эпохи НВ, прежде всего «Чешско-немецкому словарю» Й. Юнгманна [см., например: Pastrnek 1906: 201–216; Petr 1989: 13 и 16; Orłóś 1998: 41–50]. Несомненно, что как лексическое наполнение, так и многие лексикографические приемы, использованные в перечисленных словарях европейских языков, стали эталоном для последующих лексикографов, в том числе и чешских. Кроме того, именно в эпоху чешского НВ начинается активное и непосредственное сотрудничество с зарубежными лексикографами, прежде всего немецкими, словацкими и польскими.

Приведем некоторые факты и свидетельства. В частности, еще раз напомним о тесном сотрудничестве К. И. Тама с выдающимся немецким филологом Й. Х. Аделунгом, воодушевившим Тама на создание словаря чешского языка [см. об этом, в частности: Dobrowsky 1798a; Fljašhans 1896: 6], ставшим автором предисловия к «Немецко-чешскому словарю» К. И. Тама 1788 г. и его консультантом прежде всего по немецкой части этого словаря⁸⁹. Также в предисловии ко второму изданию своего словаря от 13 мая 1799 г. К. И. Там отмечает, что теперь им был взят за основу «законченный» словарь Аделунга⁹⁰ [Tham 1805c: LXXI].

Несомненно, хорошо знал и учитывал европейский опыт в деле составления словарей и Й. Юнгманн. Так, к примеру, в начале Предисловия к своему словарю он отмечал, что «каждая просвещенная нация издавна заботилась о том, чтобы богатство ее языка было бы собрано воедино <...>, чтобы был создан словарь национального языка» и назвал страны — Италия, Франция и Россия, — где эта работа уже выполнена, подразумевая под этим перечислением указанные выше академические словари XVII–XVIII вв. Далее с чувством огромного уважения и даже восхищения Й. Юнгманн говорит об индивидуальных лексикографических трудах и их авторах, указывая в хронологическом порядке на словарь английского языка С. Джонсона, словарь немецкого языка Й. Х. Аделунга и словарь

⁸⁹ Кстати, подобные консультации получал в свое время и автор словаря польского языка — С. Б. Линде. Известно, что в 1792–1794 г. Линде занимал должность лектора польского языка в Лейпциге, и в это время там же, будучи библиотекарем лейпцигской библиотеки, работал над переизданием своего словаря Й. Х. Аделунг. Более того, по мнению исследователей, именно Аделунг стал тем, кто вдохновил и направил С. Б. Линде на работу по созданию словаря польского языка [Orłóś 1998: 44].

⁹⁰ Т. Орлось не без основания отмечает, что славянские лексикографы использовали скорее всего второе издание словаря Й. Х. Аделунга, которое было осуществлено в г. Брно в 1788 г. [Orłóś 1998: 43].

польского языка «Słownik języka polskiego» (1807–1814 гг.) С. Б. Линде [Jungmann 1835: III]. Последний, как известно, стал главным образцом для словаря самого Юнгманна. Стоит отметить, что словари С. Джонсона и Й. Х. Аделунга Юнгманн использовал еще до работы над своим словарем, когда занимался переводами западноевропейской литературы на чешский язык, в частности «Рая» Дж. Мильтона и произведений Ф. Шиллера и И. В. Гете⁹¹.

В данной связи особый интерес представляет уже упоминавшаяся статья Т. Орлось [Orłóš 1998: 41–50], посвященная взаимосвязям между трудами выдающихся славянских лексикографов (С. Б. Линде, Й. Юнгманна и В. Караджича) и влиянию на их работу европейской лексикографической традиции [см. в данной связи также: Pastrnek 1906: 208–216]. В частности, автор представляет основные лексикографические принципы, которых придерживались С. Джонсон и Й. Х. Аделунг, и в сопоставительном плане выявляет степень влияния словарей указанных авторов на труды славянских лексикографов, учитывая при этом возможные опосредованные формы воздействия через словари уже славянских языков. Так, по мнению Т. Орлось, влияние словаря Й. Х. Аделунга на лексикографическую работу Й. Юнгманна осуществлялось через посредство словаря С. Б. Линде [Orłóš 1998: 47]. В данной связи можно также сопоставить размышления Й. Юнгманна о структуре словаря. В предисловии к словарю Юнгманн задается вопросом о том, каким должен быть его словарь — двуязычным (чешско-немецким, как у Ф. Я. Томсы и Й. Палковича, или чешско-латинским, как неизданный словарь Я. Прокопиуса⁹²) или же одноязычным, т. е. словарем только чешского языка, как то предлагала более развитая европейская лексикография, а именно словари С. Джонсона, Й. Х. Аделунга, И. Г. Кампе (Joachim Heinrich Campe)⁹³ и Академический словарь русского языка. От-

⁹¹ При этом Й. Юнгманн в своей переводческой деятельности использовал так наз. метод контаминации: рассматривал одновременно оригинал и его перевод на другие, в том числе и славянские языки (например, на немецкий, польский или русский). Эти переводы давали Й. Юнгманну своеобразный импульс для работы над чешскими версиями текстов классической европейской литературы и помогали ему в поиске средств для решения одной из основных своих задач: создания чешского поэтического языка [см. об этом, например: Filipeš 1974: 157–168; Orłóš 1998: 47].

⁹² Й. Юнгманн формулирует данную мысль следующим образом: «... на каком языке необходимо представить разъяснение значений чешских слов, на латинском, как в рукописном словаре Прокопиуса, или на немецком, как у Томсы и Палковича <...>» [Jungmann 1835: VII]. Здесь необходимо уточнить, что словари Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791] и Й. Палковича [Palkowitsch 1820–1821] были не дву-, а трехязычными — чешско-немецко-латинскими.

⁹³ Отметим также, что Й. Юнгманн планировал использовать в своем словаре подробную систему помет, которой располагает пятитомный «Wörterbuch der

лично осознавая все преимущества одноязычного словаря, выход которого несомненно мог бы повысить статус чешского языка среди других европейских языков, Й. Юнгманн весьма прагматично и логично решает этот вопрос в пользу двуязычного чешско-немецкого словаря, вновь объявляя, что главным образцом для него послужил словарь польского языка С. Б. Линде, в котором каждая словарная статья на польском языке имеет свой немецкий (иногда латинский) эквивалент или перевод [Jungmann 1835: VII].

Необходимо также отметить, что и западноевропейские лексикографы следили за развитием славянской лексикографии, т. е. наблюдалась и «обратная» связь между славянскими и западноевропейскими лексикографами. Так, например, в предисловии к первому тому знаменитого словаря немецкого языка братьев Grimm (*Deutsches Wörterbuch* von Jakob Grimm und Wilhelm Grimm, 16 Bd., Leipzig, 1854–1960) Я. Grimm весьма высоко оценил словари польского и чешского языков С. Б. Линде и Й. Юнгманна [см. об этом, например: Filipec 1958a: 212–213]. Таким образом, в XIX в. славянская лексикография была признана полноправной частью европейской лексикографической традиции и включена в европейский «лексикографический контекст».

2.2. Сотрудничество славянских лексикографов как фактор становления чешской лексикографии в эпоху НВ

Особую роль в процессе становления национальных славянских языков, а также в развитии лексикографии в эпоху НВ приобретают межславянские отношения. В данной связи не лишним будет еще одно упоминание о становлении славянской филологической науки, которое стимулировало активные контакты славистов разных стран, изучение ими различных славянских языков и диалектов с обязательным, как правило, посещением славянских земель. Достаточно вспомнить путешествие Й. Добровского в Россию (1792–1793 гг.)⁹⁴ или начавшиеся с 30-х гг. XIX в. многочис-

deutschen Sprache» И. Г. Кампе (1807–1812 гг.) [Jungmann 1835: VII; Šmilauer 1974: 47; Petr 1989: 16 и 19]. См. также § 2 третьей главы.

⁹⁴ «Непосредственной целью поездки было изучение в библиотеках Петербурга и Москвы древней славянской письменности...» [Лилич 1982: 12; ср. также Kubka 1926: 58; Мыльников 1982: 77–79]. Знакомство же с русским языком побудило Й. Добровского к систематическому сопоставительному исследованию русского и чешского языков, результатами которого стали, в частности, такие работы как «Сравнение русского и чешского языков. По Петербургскому Сравнительному словарю всех языков» (*Vergleichung der Russischen und Böhmischen Sprache. Nach dem Petersburger Vergleichungs-Wörterbuche aller Sprachen*, 1796) и изданный в 1799 г. «Учебник русского языка для чехов» (*Neues Hilfsmittel die Russische Sprache leichter zu verstehen, vorzüglich für Böhmen, zum Theile auch für Deutsche. Selbst für Russen, die sich den Böhmen verständlicher*

ленные учебные и исследовательские экспедиции по славянским странам российских ученых — таких, как О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, В. И. Григорович, П. И. Прейс и др.⁹⁵

Также огромное влияние на различную лингвистическую деятельность оказывала активно разрабатываемая и обсуждаемая в то время идея славянской взаимности, которая иногда напрямую, иногда опосредованно влияла на процессы развития, пополнения лексического состава многих славянских языков. В первом параграфе уже упоминалось, в частности, что некоторые составители чешских словарей в эпоху НВ использовали лексические возможности других славянских языков, зафиксированные, в том числе и в соответствующих словарях, в качестве непосредственного источника пополнения чешского лексического фонда, или как образец для создания собственных чешских соответствий. В любом случае, особое значение в данный период приобретают как непосредственное сотрудничество славянских филологов, в том числе и лексикографов, так и активное использование достижений друг друга, т. е. словарей славянских языков, созданных в то время.

2.2.1. Использование достижений польской лексикографии

Наиболее показательной в данной связи является история создания «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна. Пожалуй, самым известным фактом, свидетельствующим о знании и учете Й. Юнгманном славянского лексикографического опыта, является использование «Словаря польского языка» С. Б. Линде в качестве образца для построения словарной статьи и самого словаря в целом (как двуязычного и составленного по алфавитному принципу), а также в качестве источника для пополнения лексического запаса чешского языка. Этот аспект изучения словаря Юнгманна, как и анализ польского воздействия на чешскую культуру эпохи НВ в целом, привлек многих исследователей. Особое значение приобрели работы польских филологов М. Шийковского [Szykowski 1931; Szykowski 1935; Szykowski 1948] и Т. Орлось [Orłóś 1967; а также в определенной степени: Orłóś 1968; Orłósová 1974: 147–156; Orłóś 1980; Orłóś 1998: 41–50 и др.]⁹⁶. По-

machen wollen <...>) [подробнее об этом см., например: Францев 1923; Kubka 1926: 42–105; Лилич 1982: 11–15; ср. также: Kudělka, Šimeček 1972: 85–86]

⁹⁵ Кстати, почти все российские слависты в ходе своих научных поездок посещали Чехию и налаживали научные связи с чешскими учеными [см. об этом, например: Смирнов 1979: 35–51; ср. также: Францев 1902].

⁹⁶ Помимо перечисленных работ стоит упомянуть рукописную диссертацию Л. Янского (Janský L. *Jungmannova práce lexikografická*. Praha, 1952), о которой говорилось во Введении; а также указания на использование Й. Юнгманном словаря С. Б. Линде и анализ определенных аспектов воздействия труда Линде на лексикографическую концепцию Юнгманна, представленные в других исследованиях [см., например: Zelený 1873: 297; Pastrnek 1906: 201–216; Jedlička

сколькo данный вопрос является хорошо изученным, в рамках настоящей работы перечислим лишь основные аспекты воздействия «Словаря польского языка» С. Б. Линде на «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна, основной акцент при этом придется на историю формирования отношения Юнгманна и других деятелей чешского НВ к словарю Линде и к возможности его использования, т. е. к обсуждению данной проблемы в связи с созданием чешской лексикографической теории.

Важно подчеркнуть, что, в отличие от немецкого воздействия на чешский язык и его научное изучение, славянское влияние, например, русское и в большей степени польское, воспринималось достаточно органично. М. Шийковский, в частности, отмечал, что воздействие польской литературы, науки, а также личные отношения между представителями польской и чешской культур имели характер абсолютной гармонии [Szykowski 1935: 62]. А исходя, например, из работ Т. Орлось, можно охарактеризовать отношения между польским и чешским языками в процессе их развития как попеременную «взаимопомощь» и «взаимовыручку». Несомненно, особую роль в такого рода отношениях сыграл факт особой генетической и географической близости, но определяющим фактором стала волнообразная историческая и языковая эволюция. Более развитый чешский язык старшего периода (вплоть до начала XVII в.) стал образцом и источником для польского языка, например: письменность на польском языке получила импульс для развития от чешской письменной традиции, таким же образом польский язык обрел фактически готовую религиозную терминологию, поскольку письменность на национальном языке вначале возникла в Чехии, так как чехи приняли христианство на 100 лет раньше, чем поляки, и раньше, чем поляки, соприкоснулись с западноевропейской культурой; чешские словари XIV в. (словари Кларета) повлияли на дальнейшие польско-латинские лексикографические работы; «*Orthographia bohémica*» Я. Гуса также оказала влияние на развитие польского письма; а военные орудия гуситов и, соответственно, их названия способствовали развитию польской военной терминологии. В XIX в. наблюдалась обратная ситуация: в частности, нередко по образцу польских слов создавались чешские термины, а также синонимы для пополнения и разнообразия поэтического языка [подробнее см., например: Orłóś 1980; Orłóś 1993; ср. также: Cuřín 1985: 55–56].

Главным и неоспоримым свидетельством воздействия польской лингвистической традиции на чешскую в эпоху НВ стало особое отношение, прежде всего Й. Юнгманна, к лексикографическому труду С. Б. Линде. Интерес в данной связи представляет история формирования подобного

1948: 25; Šmilauer 1974: 48–49; Havránek 1979: 202; Лилич 1982: 62–65; Cuřín 1985: 86–87, Petr 1989: 13; Orłóś 1998: 47–49].

отношения, о которой известно в основном из переписки чешских будителей, в том числе и с самим Линде⁹⁷.

Как известно, «Słownik języka polskiego» С. Б. Линде издавался с 1807 по 1814 гг. Первая часть словаря, вышедшая в 1807 г., была снабжена проспектом или введением, основная идея которого сводилась к определению исключительной важности общеславянской тенденции словаря, поскольку его составитель придавал первостепенное значение приведенным в словаре соответствиям из славянских языков⁹⁸, а также собственным, правда, не столь многочисленным, неологизмам, сконструированным по образцу инославянских [Szykowski 1931: 149; Orłóś 1998: 45–46]. Эти идеи, как и проект Линде о создании общеславянского языка, нашли понимание и среди чешских филологов. Особо подчеркнем тот факт, что слависты разных стран начинают активно обсуждать различные теории и подходы, делиться собранным языковым материалом и советами, помогать друг другу в приобретении литературы и т. п. Так, например, С. Б. Линде высоко ценил славистические работы и непосредственную помощь в виде словарных материалов от Й. Добровского. В частности, называл теоретическое предисловие к «Чешско-немецко-латинскому» словарю Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791], написанное Добровским [Dobrowsky 1791b: 11–32], введением в славянскую этимологию (геср. морфологию); использовал словарные материалы профессора чешского языка из Вены Й. В. Злобичского⁹⁹. Также чешскую лексику черпал Линде из рукописного словаря В. Я. Росы и из упомянутого словаря Ф. Я. Томсы¹⁰⁰ [Pastnek 1906: 202; Szykowski 1931: 149; Orłóś 1998: 46].

М. Шийковский справедливо полагает, что словарь С. Б. Линде можно считать одним из главных достижений славянской культуры первых десятилетий XIX в. [Szykowski 1931: 150]. В Чехии внимательно следили за изданием словаря Линде и обсуждали выход каждой его части. Для Й. Юнгманна этот словарь имел решающее значение в нелегком поиске оптимальной формы и содержания словаря чешского языка, т. е. в становлении юнгманновских лексикографических принципов. Й. Юнгманн работал над своим словарем во время выхода словаря С. Б. Линде. Активно участвуя в дискуссиях по поводу «Словаря польского языка», он все более

⁹⁷ Анализ этого исторически достоверного материала представлен, в частности, в работах М. Шийковского [Szykowski 1931; Szykowski 1935].

⁹⁸ В определенном смысле можно говорить о попытке создания С. Б. Линде сравнительного словаря славянских языков [см. также: Pastnek 1906: 203; Лилич 1982: 63; Orłóś 1998: 45].

⁹⁹ Можно предположить, что эти материалы С. Б. Линде получил через посредство Й. Добровского, поскольку именно таким образом данное лексическое собрание в свое время попало к Й. Юнгманну [см., например: Petr 1989: 12].

¹⁰⁰ Скорее всего, к этим словарям С. Б. Линде обратился также по совету Й. Добровского.

утверждался в мысли взять за основу и образец именно словарь своего польского коллеги, о чем часто писал в письмах А. Мареку (Antonín Marek), особенно в 1812–1813 гг.¹⁰¹ [Szykowski 1931: 151]. Хотя в ходе этих споров он и «потерял» некоторую часть своих соратников. Так, не нашел понимания принятый Й. Юнгманном по образцу словаря С. Б. Линде алфавитный способ представления лексики в словаре у А. Пухмайера, который, будучи одним из главных учеников и последователей Й. Добровского, ратовал за этимологический (resp. гнездовой) принцип построения словаря. Эта проблема стала непреодолимой и повлияла на решение Пухмайера и Юнгманна приостановить в 1816 г. сотрудничество по созданию словаря [см., например: Szykowski 1931: 151 и 154; Лилич 1982: 62]. Кроме того в одном из писем 1816 г. А. Пухмайер писал Й. Юнгманну: «Вы выписываете почти всего Линде, Гейма <имеется в виду «Полный русско-немецкий словарь» И. Гейма 1801 г. — *И. А.*> и другие инославянские словари, что я никогда не смогу принять. Ведь это будет скорее не чешский, а все-славянский словарь». При этом А. Пухмайера волновал и вопрос финансирования. Он вполне оправданно выражал сомнение по поводу получения денежных средств для издания такого словаря, в том числе и в связи с его большим объемом [Szykowski 1931: 154; Orłóš 1967: 13; Лилич 1982: 62]. В. Шмилауэр предполагает также, что одним из возможных препятствий в работе над словарем послужила болезнь А. Пухмайера. Чуть позже в 1820 г. в возрасте 51 года он скончался [Šmilauer 1974: 44]. Разногласия в подходе к созданию чешской философской терминологии с опорой на соответствующий лексический материал, представленный в словаре С. Б. Линде, возникли у Й. Юнгманна даже с одним из самых верных его друзей и коллег А. Мареком [Szykowski 1931: 150].

При этом, несмотря на разные взгляды по отношению к возможности использовать определенные аспекты лексикографической концепции С. Б. Линде, Й. Добровский, например, делился с Й. Юнгманном собранным словарным материалом, а также необходимой литературой [Petr 1989: 12], в частности, помог (правда, на недолгий срок) воспользоваться экземпляром первых частей словаря Линде, полученным Пражским ученым обществом [Szykowski 1931: 151]. В мае 1814 г. Й. Юнгманн даже решился напрямую обратиться к С. Б. Линде с просьбой о высылке экземпляра «большого лексикона» (des grossen Lexicon), отправив Линде написанное по-немецки письмо, в котором он ссылался на слова Й. Добровского о том, что С. Б. Линде с огромным удовольствием подарил бы свой словарь тому, кто бы хотел проработать его с точки зрения представления в нем слов чешского диалекта [подробнее см.: Szykowski 1931: 151–154; а также: Orłóš 1967: 13]. Все части словаря С. Б. Линде попали к Й. Юнгманну лишь в июне 1816 г. «Теперь, наконец, держу в руках весь словарь Линде

¹⁰¹ См.: [Listy I 1881–1884; Listy II 1886; Listy III 1888–1892].

и с новым рвением погружаюсь в работу», — писал в это время Й. Юнгманн А. Мареку [Szyjkowski 1931: 154].

Таким образом, камнем преткновения среди чешских филологов того времени стал в основном способ представления лексики в словаре¹⁰². Несмотря на неприятие некоторыми позиции Юнгманна по отношению к «Словарю польского языка» С. Б. Линде как к главному образцу для создания словаря чешского языка, автор «Чешско-немецкого словаря» последовательно и аргументированно отстаивал свою точку зрения, а выходом своего словаря и последовавшим научным резонансом доказал ее состоятельность. При этом заслуживает внимания факт признания, а в последствии и обязательного, по мысли Й. Юнгманна, воплощения в жизнь проекта создания словаря, построенного по гнездовому принципу, как то отстаивал Й. Добровский и А. Пухмайер. Об этом Юнгманн пишет еще в 1813 г. в одном из писем [Petr 1989: 12–13]. В Предисловии к своему словарю, рассуждая о выборе способа представления лексики, кстати, с опорой на лексикографическую традицию (Юнгманн перечисляет в качестве образцов лучшие словари европейских языков — как гнездовые, так и алфавитные), он отмечает, что гнездовой способ, несомненно, является более совершенным и полезным с научной точки зрения, а алфавитный принцип будет более удобным для обычных пользователей; кроме того, именно такой словарь, по мнению Юнгманна, станет более востребованным [Jungmann 1835: VI; см. также: Šmilauer 1974: 46; Petr 1981: 81; Červéná a kol. 1982: 240–241; Petr 1989: 13]. В условиях того времени, несомненно, подход Й. Юнгманна был наиболее оправданным. Тем не менее Й. Юнгманн признавал необходимость составления «словаря и для исследователей языка <слова Юнгманна. — И. А.>», т. е. словаря, построенного по гнездовому принципу на разработанной Й. Добровским теоретической основе. Эта работа была поручена Ф. Л. Челаковскому, о чем также пишет Й. Юнгманн в Предисловии к словарю [Jungmann 1835: VI]. К сожалению реализовать эту работу до конца не удалось. Хотя, известно, что Ф. Л. Челаковский поначалу активно занимался составлением второй, «корневой» версии «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна и, судя по переписке, в 1837 г. начал расписывать словарь Й. Юнгманна на отдельные листы и систематизировать собранный материал, выделяя как корневую часть лексе-

¹⁰² Кстати, данный спор тоже имеет, можно сказать, европейскую «традицию». Так, например, известно, что знаменитые авторы словарей немецкого языка Й. Х. Аделунг и братья Гримм придерживались разных лексикографических концепций. В частности, Аделунг сознательно создавал словарь одного языка — все толкования значений в его словаре представлены по-немецки, а в словаре братьев Гримм применен переводческий прием — словарные статьи снабжены латинскими эквивалентами [см. об этом, например: Filipes 1958a: 213].

мы, так и конец слова, т. е. словообразовательные форманты¹⁰³. Однако эта рукопись так и не была подготовлена к печати и издана. Среди возможных причин Я. Петр, например, называет переезд Ф. Л. Челаковского во Вроцлав в 1840 г., а также отсутствие необходимого финансирования [подробнее см.: Petr 1988: 5–62; ср. также: Zelený 1915: 316–317; Orloš 1967: 14; Šmilauer 1974: 54; Petr 1981: 81; Červená a kol. 1982: 240; Petr 1989: 13; Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku]. Позже, в 1851 г., как уже отмечалось во Введении, были опубликованы лишь «Дополнения к словарю Й. Юнгманна» Ф. Л. Челаковского [см. об этом, например: Nonnenmacher 1960: 347–355; Petr 1981: 82; Petr 1989: 25].

При этом необходимо отметить, что и Й. Добровский на самом деле не был столь категоричен в этом вопросе. Так, в предисловии к «Чешско-немецко-латинскому словарю» Ф. Я. Томсы 1791 г. (ставшему, кстати, отправной точкой в работе Й. Юнгманна над «Чешско-немецким словарем») Й. Добровский, совершенно в духе будущих аргументов Й. Юнгманна, отмечал, что «составитель <Ф. Я. Томса. — И. А.> избрал алфавитный порядок <представления лексического материала в словаре. — И. А. > с учетом производных и сложных слов по хорошей причине», поскольку он заботился о том «чтобы словарь был подходящим и для тех, кто еще не в состоянии найти корень слова» [Dobrowsky 1791a: 8]. И далее: «да и кто бы из тех, кто еще не достаточно хорошо знает принципы чешской этимологии <словообразования. — И. А.>, стал бы искать *obrátiiti, obaliti* под *wrátiiti, waliti* <...>?» [там же]. Данный факт ярко свидетельствует о вполне естественном, особенно для творческого человека, возникновении разнообразных идей, причем не застывших, а продолжающих свое развитие и получающих различное преломление. Данное обстоятельство постоянно необходимо иметь в виду, особенно обращаясь к «хорошо» известным фактам и их трактовкам.

Помимо принципиального вопроса о способе построения словаря, Й. Юнгманн «склонился в пользу» словаря С. Б. Линде и по ряду других лексикографических показателей. Среди них необходимо назвать:

- 1) обязательный перевод каждой словарной статьи на немецкий язык (иногда и с латинскими соответствиями, например, для терминов)¹⁰⁴;

¹⁰³ Примеры данной работы Ф. Л. Челаковского см. в: [Petr 1989: 13; Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku].

¹⁰⁴ В первом параграфе уже были выяснены основные причины возникновения двуязычных немецко-чешских и чешско-немецких словарей в эпоху НВ. В данной связи небезынтесным является и тот факт, что и автор «Словаря польского языка» С. Б. Линде, прекрасно владея немецким языком, решил оформить свой словарь как двуязычный, в том числе и с вполне прагматической целью — для увеличения числа пользователей [Orloš 1998: 45]. О функциях немецкого языка в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна подробнее см. § 2 третьей главы.

- 2) библиографические указания на источники цитат (с обозначением имени автора, названия произведения и номеров страниц)¹⁰⁵;
- 3) построение словарной статьи (способ толкования значений, подбор иллюстративного материала, в том числе и фразеологического, приведение примеров из других славянских языков, нередко с краткой этимологической справкой)¹⁰⁶ [Pastrnek 1906: 204–208; Orłóś 1967: 14–17; Orłóś 1998: 47–49; Petr 1989: 25].

Кроме того, из «Словаря польского языка» Й. Юнгманн черпал лексический материал, т. е. использовал лексикографический труд С. Б. Линде и в качестве источника для пополнения лексического состава чешского языка, и в качестве необходимых близкородственных лексических сопоставлений [см. об этом, например: Pastrnek 1906: 201–216; Jedlička 1948: 25; Šmilauer 1974: 48–49; Navránek 1979: 202; Cuřín 1985: 86–87, Petr 1989: 19 и 21; Orłóś 1998: 48–49]. Так, например, В. Шмилауэр отмечает, что среди основных источников лексики словарь С. Б. Линде занимает третью позицию после словарей Велеславина и Й. Добровского [Šmilauer 1974: 50; см. также: Petr 1989: 18; Orłóś 1998: 48]¹⁰⁷; а Т. Орлось пришла к заключению, что в словаре Юнгманна представлено 1064 заимствования из польского языка, которые в основном были взяты из словаря Линде (до сегодняшнего дня чешский язык сохранил лишь 23% от этого количества польских слов) [Orłóś 1967: 93, 108; см. также Šmilauer 1974: 48; Лилич 1982: 63].

Интересно, что словари Линде и Юнгманна очень похожи и по типографскому оформлению. Й. Пастрнек, а позже и Т. Орлось подробно представили сопоставительные данные об издательских параметрах обоих словарей и пришли к выводу о поразительном сходстве двух изданий в выборе формата, в оформлении страниц и даже в объеме словников [см.: Pastrnek 1906: 204; Orłóś 1967: 14]. Данный факт свидетельствует, по нашему мнению, в большей степени об успешном техническом решении, воплощенном при издании «Словаря польского языка», что было удачно использовано и издателями «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна.

Тем не менее не стоит полагать, что словарь Й. Юнгманна стал просто чешской версией «Словаря польского языка» С. Б. Линде. Основное, на

¹⁰⁵ Стоит отметить, что в данном случае речь идет о первоначальном плане Й. Юнгманна, который не удалось воплотить в полной мере. О библиографических неточностях в «Чешско-немецком словаре» см., например: [Šmilauer 1974: 50–51]. См. также § 2 третьей главы.

¹⁰⁶ Примеры и сопоставительный анализ некоторых словарных статей из словарей С. Б. Линде и Й. Юнгманна см.: [Pastrnek 1906: 205–208; Szyjkowski 1931: 226–228; Orłóś 1967: 15; Лилич 1982: 63–65].

¹⁰⁷ Стоит отметить, что данные выводы В. Шмилауэр сделал не на основе анализа всего словаря Й. Юнгманна, а лишь на материале 1000 статей на букву *M* и *Ž* [Šmilauer 1974: 48]. Хотя несомненно, в определенной степени выводы этого исследователя носят обобщающий характер.

наш взгляд, принципиально важное отличие в концепциях авторов этих словарей сформулировал Б. Гавранек: С. Б. Линде придерживался классических, традиционных принципов в своей работе, поэтому в его словаре отражена только зафиксированная в письменных источниках лексика¹⁰⁸; Й. Юнгманн являлся ярким представителем романтизма и в отличие от С. Б. Линде «не оглядывался на прошлое, а в большей степени смотрел в настоящее и будущее», поэтому его основной целью при составлении словаря чешского языка стало дополнение и расширение чешского лексического состава [Havránek 1974: 202].

2.2.2. Учет словацкой лексикографической традиции

Особые отношения связывали чешских и словацких составителей словарей эпохи НВ. История этих взаимосвязей отражает как различные подходы отдельных деятелей к дальнейшему чешско-словацкому языковому развитию: либо в статусе единого языка, за что ратовали и Й. Добровский и Й. Юнгманн, либо в качестве двух самостоятельных литературных языков, что отстаивал, в частности, А. Бернолак¹⁰⁹; так и стремление и тех и других собрать, зафиксировать и даже дополнить, в том числе и взаимными заимствованиями, лексический запас этого славянского региона. Однако сторонники обеих точек зрения непосредственно ощущали проблемы дифференциации чешской и словацкой лексики [подробнее об этом см.: Мойсеенко 1988б: 59–65]. Как отмечает В. Е. Моисеенко, «главная трудность здесь заключается в размытости, а порой и полном отсутствии видимой границы между исконной лексикой, собственными новообразованиями и инославянскими заимствованиями» [Моисеенко 1992: 85; см. также: Будовичова 1983: 255]. При этом, зачастую придерживаясь диаметрально противоположных взглядов на вопрос дальнейшей языковой эволюции, чешские и словацкие лингвисты активно сотрудничали, нередко спорили, но учитывали и использовали достижения друг друга, тем самым пытались выполнить главную задачу — пусть и с разными целями, но собрать и зафиксировать лексику обоих языков.

¹⁰⁸ С такой точкой зрения не соглашается Т. Орлош, которая со ссылкой на работу Т. Левашкевича «Panslawistyczne osobliwości leksykalne S. B. Lindego i jego projekt stworzenia wspólnego języka słowiańskiego» (Wrocław, 1980), отмечает, что в словаре С. Б. Линде представлено около 5 000 общеславянских «лексических особенностей», т. е. слов общеславянского фонда, представленных во многих славянских языках, что, по мнению этого исследователя, можно сравнить с неологизмами в словаре Й. Юнгманна [Orłóš 1998: 45–46, 48–49].

¹⁰⁹ Причем эта проблема никогда не была напрямую связана с национальной принадлежностью того или иного деятеля. Многие словаки (самые известные — П. Й. Шафарик (Pavel Jozef Šafárik/ чеш. Šafařík) и Я. Коллар (Jan Kollár)) считались яркими представителями как словацкого, так и чешского НВ и выступали за развитие единого литературного языка, под которым подразумевали чешский язык [см., например: Kamiš 1964: 102].

В данной связи вполне оправданным является изучение истории чешской и словацкой лексикографии (как и в целом истории чешского и словацкого языков) эпохи НВ в едином контексте. Так, в частности, в истории словацкой лексикографии представлены рукописный словарь Я. Прокопиуса, и словарь Й. Палковича [Hayerková 1979: 63–68]. По тем же причинам в данной диссертации рассматриваются, например, словари Й. Палковича и А. Бернолака как органичные составляющие истории чешской лексикографии¹¹⁰. Отметим также, что и главный лексикографический труд того времени — «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна — можно по праву считать значимым вкладом в развитие словацкого языка и словацкой лексикографии, что отмечал уже современник Й. Юнгманна П. Й. Шафарик [Paul 1937a: 277; Моисеенко 1992: 84]. Так же, например, оценивает включенный в словарь Юнгманна словацкий лексический материал и К. Пауль. По его данным, в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна насчитывается порядка 15 000 словацких слов, что составляет около четверти от общего количества словарного материала, представленного в этом словаре [Paul 1946–1948: 253, см. также: Kamiš 1974: 70–71]; а Я. Петр отмечает, что словакизмы в словаре Й. Юнгманна составляют 16% [Petr 1989: 21].

Сопоставляя вклад польской и словацкой лексикографии в чешскую лексикографическую работу эпохи НВ, а также оценивая факты сотрудничества славянских лексикографов, необходимо подчеркнуть принципиальную разницу в подходах и оценке «Словаря польского языка» С. Б. Линде и словарей словацких авторов чешскими лексикографами: «Словарь польского языка» С. Б. Линде интересовал их в первую очередь с точки зрения того, как он сделан, т. е. обсуждалась его лексикографическая концепция, а словари словацких авторов использовались прежде всего как источники чешской, словацкой и другой диалектной лексики. Концепции же чешских и словацких лексикографов, особенно в решении вопроса дифференциации чешского и словацкого языкового материала и соответствующего его представления в словаре, нередко были заведомо противопоставлены, поэтому, видимо, при разработке лексикографических принципов особо не обсуждались. Эта полемика касалась взглядов на языковое развитие чешско-словацкого ареала, а не на выработку лексикографических приемов, которые, как уже отмечалось в начале этого параграфа, базировались на более или менее универсальных теоретических предпосылках. Так, например, Й. Палкович, как и Й. Юнгманн, при работе над своим словарем опирался на теорию Й. Добровского, для построения словарной статьи за образец взял «Словарь польского языка» С. Б. Линде, а при выборе слов использовал метод Й. Х. Аделунга [Hayerková 1979: 67]. Опирались на европейскую лексикографическую традицию и А. Бернолак. Правда, исследователи в отсутствие прямых свидетельств нередко пишут об этом с

¹¹⁰ См. далее § 1 п. 1.1.1. третьей главы данной работы.

большой долей осторожности [см., например: Hayerková 1979: 102–103; Смирнов 1998а: 203].

О тесном сотрудничестве чешских и словацких составителей словарей свидетельствуют многочисленные факты — от непосредственной совместной работы по сбору словарного материала до взаимного использования собранных материалов и словарей чешского и словацкого языков в качестве источников пополнения лексики¹¹¹. Если следовать хронологии издания словарей эпохи НВ, где в качестве исходной выступает чешская и словацкая лексика в той или иной последовательности, то первыми были словари, составленные словаками¹¹² Й. Палковичем¹¹³ и А. Бернолаком [Bernolák 1825–1827], затем вышел «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна [Jungmann 1835–1839]. Известно, что Й. Юнгманн использовал в качестве источников, прежде всего словацкой лексики, словари своих словацких предшественников и современников А. Бернолака и Й. Палковича, о чем свидетельствуют и упоминания, в частности, о словаре Й. Палковича в предисловии к словарю Й. Юнгманна [Jungmann 1835: V и VII], а также дальнейшие исследовательские работы, посвященные уже самому словарю Юнгманна [см., например: Paul 1946–1948: 234–253; Kamiš 1974: 70–71]. Однако отношение к этим лексикографическим трудам, как и к их составителям, было различным, что было связано, на наш взгляд, в том числе и с фактом личных контактов и возникших разногласий по поводу сотрудничества между Й. Юнгманном и Й. Палковичем. При этом стоит упоминания признание вклада Й. Юнгманна (прежде всего в использовании его словарных материалов) в создание словаря Й. Палковича, о чем последний тоже упоминает в предисловии к своему словарю [Paul 1946–1948: 240].

В связи с рассмотрением истории формирования взаимоотношений и сотрудничества чешских и словацких лексикографов того времени важен факт того, что шеститомный словарь А. Бернолака «*Slowár Slowenský, Česko-Lat'insko-Nemecko-Uherský*» был готов к изданию гораздо раньше двух-

¹¹¹ Все эти аспекты рассмотрены, в частности, в статье К. Пауля «Jungmannův Slovník česko-německý a Slovensko» [Paul 1946–1948: 234–253; см. также: Paul 1937b: 46–54; Kamiš 1974: 70–71].

¹¹² Хотя здесь необходимо также упомянуть предварительную лексикографическую работу по сбору лексического материала Й. Добровского и издание его «Немецко-чешского словаря» в 1802–1821 гг. (подробнее об этом см. § 1 третьей главы), поскольку Й. Добровский тоже проявлял интерес к словацкому лексическому материалу, который позднее использовал и Й. Юнгманн [Paul 1946–1948: 235].

¹¹³ Причем Й. Палкович является автором чешско-немецко-латинского словаря, но в нем отчасти представлена также словацкая и моравская диалектная лексика, что отражено и в названии этого словаря — «*Böhmisch-Deutsch-Lateinisch mit Beifügung der den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten zunächst für Schulen bearbeitetes Wörterbuch*».

томного словаря Й. Палковича¹¹⁴, но начать работу по изданию этого весьма объемного лексикографического труда стало возможным лишь через 12 лет после смерти его составителя [Paul 1946–1948: 237; Смирнов 1988: 61]. Однако об этом подготовленном к изданию словаре знали многие языковеды в Чехии и после его публикации стремились получить экземпляр, в том числе и с целью проведения выборки словацкого языкового материала. Так, например, Й. Юнгманн, узнав от П. Й. Шафарика об осуществленном издании словаря А. Бернолака, сразу предпринял попытку через Я. Коллара достать этот словарь, о чем писал Коллару в письмах конца 1827 – начала 1828 гг. Конечно, у Й. Юнгманна были «претензии» к словарю А. Бернолака. Он считал его, кроме прочего, и недостаточным (об этом он написал Я. Коллару уже после начала публикации собственного словаря в 1837 г.), но не умалял его достоинств прежде всего в качестве источника словацкой лексики [Paul 1946–1948: 237]. Стоит отметить, что, производя экскерпции словацкого лексического материала из этого источника, Й. Юнгманн поступал достаточно осторожно, использовал только те слова, которые считал правильными и реально употребляемыми, причем в данной работе у Й. Юнгманна был великолепный помощник — П. Й. Шафарик¹¹⁵ [Paul 1946–1948: 237], который также участвовал в редактировании словаря Юнгманна [Jungmann 1835: VI; Zelený 1873: 317; Paul 1937a: 276; Paul 1937b: 46–47].

История создания «Чешско-немецко-латинского словаря» Й. Палковича была более тесно связана с историей возникновения «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна, так как работа этих двух языковедов шла фактически параллельно и даже могла вылиться в совместный проект, однако, этого не произошло. Причем разногласия, возникшие между Й. Юнгманном и Й. Палковичем, никогда не носили идеологического характера (в связи с возможным различным отношением к кодификации словацкого литературного языка). Речь шла, с одной стороны, о разнице в подходах к возможности введения в язык лексических новообразований, в том числе и посредством фиксации подобных слов в словаре; с другой стороны, можно сказать, что Й. Юнгманн и Й. Палкович не смогли договориться о «доле»

¹¹⁴ Рукопись словаря, по данным Л. Н. Смирнова, была готова уже в 1806 г., но и после этого А. Бернолак еще вносил уточнения и дополнения [Смирнов 1998a: 202; см. также: Смирнов 1995: 40–42].

¹¹⁵ В данной связи, возвращаясь к вопросу о сотрудничестве славистов разных стран, нелишним будет упоминание о переписке между П. Й. Шафариком и М. П. Погодиным, в ходе которой Шафарик делился информацией в том числе и о работе Й. Юнгманна над «Чешско-немецким словарем». Так, в письме от 21 октября 1836 г. П. Й. Шафарик писал об использовании Й. Юнгманном словаря А. Бернолака в качестве источника словацкой лексики [Paul 1946–1948: 237]. Таким образом, формировалась, в частности, традиция научно-информационного обмена между учеными-славистами того времени.

вклада каждого из авторов в создание словаря [см. также: Šmilauer 1974: 44; Orłowski 1967: 12].

Начало взаимоотношений между Й. Палковичем и Й. Юнгманном было положено еще в 1810 г., когда Й. Юнгманн из письма от А. Марека узнал о подготовке к изданию словаря Й. Палковича¹¹⁶. Й. Юнгманн был готов предложить свои лексические материалы, а также непосредственное сотрудничество в этой работе, о чем он писал в последующих письмах к А. Мареку. При этом Й. Юнгманн делился с А. Мареком и своими опасениями по поводу «способностей» Й. Палковича [Boj 1948: 149; Paul 1946–1948: 238–239; Лилич 1982: 62]. Говоря о способностях, Й. Юнгманн, как нам кажется, подразумевал консерватизм Й. Палковича: его несогласие с обогащением лексического состава чешского языка за счет новообразований, что последовательно отстаивал Й. Юнгманн, а также с изменениями в области правописания, которые предлагал ввести Й. Добровский [Paul 1946–1948: 239; Kamiš 1964: 105; Jóna 1974: 143; Cuijn 1985: 80; ср. также: Šmilauer 1974: 44]. Точка зрения Й. Палковича базировалась на традиционном отношении к чешскому языку периода Гуманизма, как к непререкаемому авторитету, и именно чешский язык эпохи Велеславина был взят Й. Палковичем за основу для создания словаря, впрочем, как и многими его чешскими коллегами. Однако, в отличие от чехов, которые с конца XVIII в. пытались «возродить» фактически забытый ими чешский язык XVI в., словакам в определенной степени удалось сохранить вплоть до эпохи НВ велеславинскую традицию чешского письменного языка, который они использовали¹¹⁷ [Kamiš 1964: 102; Havránek 1979: 102]. Этим объясняется такая «непреклонная» позиция Й. Палковича в вопросе сохранения этой традиции, поскольку он, в отличие от чешских будителей, был ее активным носителем. Причем, при подобного рода консерватизме¹¹⁸ Й. Палкович не без основания сомневался в том, что и лексическое развитие чешского языка было закончено в XVI в., однако, не считал возможным вмешиваться в естественный ход языковой эволюции, предлагая, в частности, различного рода неологизмы, как это делал Й. Юнгманн и его сотрудники¹¹⁹. При этом интерес представляет, на первый взгляд, несовме-

¹¹⁶ Об этом Й. Юнгманн напишет позже и в Предисловии к своему словарю [Jungmann 1835: V].

¹¹⁷ Благодаря существованию этой традиции, чешскому языку эпохи НВ удалось, в частности, сохранить консервативную фонетическую кодификацию. Так, например, в чешском письменном литературном языке закрепились *ý* вместо разг. *ej* (*krásný*), *é* вместо разг. *í* (*mléko*), *o-* вместо разг. *vo-* (*oko*) и под. [Kamiš 1964: 102; Havránek 1979: 102].

¹¹⁸ М. Хайеркова оценивает словарь Й. Палковича с лингвистической точки зрения, как анахронизм, даже для времени его появления [Hayerková 1979: 67].

¹¹⁹ При этом Й. Палкович также отрицательно относился к неологизмам более раннего периода. В частности, не принял предложенные в свое время В. Росой и позже Й. В. Похлом (J. W. Pohl. *Grammatica linguae Bohemicae, oder der böhm-*

стимое с общей концепцией Й. Палковича включение словацких и моравских разговорных элементов в его словарь. Однако здесь нет противоречия. Введенные в словарь Й. Палковича словацкие и моравские лексемы и выражения, сам составитель в предисловии объясняет лишь чисто практической необходимостью для офицеров, служащих, купцов и др., которые, приезжая в Словакию, используют разговорный язык при общении. Й. Палкович подчеркивает, что данный пласт лексики он не намерен использовать для обогащения чешского литературного языка и включил его в словарь лишь потому, что в других словарях эта лексика не встречается [Kamš 1964: 107]. Хотя во многом, благодаря именно этому слою лексики, словарь Й. Палковича представлял интерес для его чешских коллег, прежде всего в качестве источника словацкой лексики, нередко и с целью ее заимствования в чешский язык.

Возвращаясь к истории личных взаимоотношений между Й. Палковичем и Й. Юнгманном, отметим, что Й. Добровский придавал большое значение их совместной работе, хотя также знал о возникших между ними принципиальных разногласиях. Обострение наступило, когда Й. Юнгманн и его единомышленники обратились к Й. Палковичу с предложением издать словарь как коллективный труд, а в предисловии к словарю рассказать об истории его возникновения с указанием имен всех, кто внес свою лепту в создание этого словаря [Paul 1946–1948: 239; Tyl 1983: 115; см. также: Jungmann 1835: V]. По мнению К. Пауля, отказ Й. Палковича от сотрудничества на выдвинутых условиях со стороны Й. Юнгманна объясняется эгоизмом Й. Палковича. Й. Добровский пытался исправить положение, убедив Й. Юнгманна не издавать словарь в коллективном соавторстве, а лишь назвать имена всех помощников в предисловии. Й. Юнгманн был готов и на таких условиях поделиться собранным к тому времени его командой материалом, о чем писал А. Мареку 22 февраля 1813 г. [Paul 1946–1948: 239]. Необходимо отметить, что и до этого момента оба лексикографа обменивались материалами и проводили из них взаимные excerpciones. Как бы то ни было, Й. Палкович в 1812 г. отказался от основных условий по сотрудничеству, хотя, как отмечает К. Пауль, не отказывался от присылаемых ему словарных материалов [Paul 1946–1948: 239; ср. также: Tyl 1983: 115]. Й. Юнгманн сосредоточился на обработке своего словаря, а после издания словаря Й. Палковича в 1820—1821 гг.¹²⁰ смог составить об этой работе свое мнение, которое в целом не было предвзятым. Главным недостатком, по мнению Й. Юнгманна, стал неболь-

mische Sprachkunst <...>. Wien–Prag–Triest, 1756) лексические новообразования, по большей части действительно неудачные, которые, однако, встречаются в словаре К. И. Тама 1788 г. [см. об этом, например: Kamš 1964: 105].

¹²⁰ Кстати, именно Й. Юнгманн способствовал изданию первого тома этого словаря, который вышел в Праге в 1820 г. (второй том был издан через год в Братиславе) [Jóna 1974: 143].

шой объем словаря¹²¹. Однако Й. Юнгманн никогда не отрицал, что использовал словарь Й. Палковича в качестве источника чешской литературной и в определенной мере диалектной лексики, а также лексики словацкого языка¹²² [Paul 1946–1948: 239–240; Petr 1989: 19].

Таким образом, если А. Бернолак остался в прошлом лишь идеологическим «противником» по взглядам на чешско-словацкое языковое развитие¹²³, то Й. Палковича и чешских лексикографов связывали личные отношения, в том числе и возможность совместной работы с Й. Юнгманном по созданию словаря, которая не была воплощена в жизнь из-за возникших между Й. Юнгманном и Й. Палковичем разногласий. В результате сначала появился словарь Й. Палковича, который «разочаровал» Й. Юнгманна и привел его к окончательному убеждению в необходимости доведения своей работы по созданию словаря до конца [Jungmann 1835: V], т. е. словарь Й. Палковича в определенном смысле стимулировал Й. Юнгманна на дальнейшую работу.

Помимо выборки лексического материала из уже изданных словарей, был еще один немаловажный аспект сотрудничества — это личные контакты и совместная работа чешских и словацких деятелей по сбору и обработке словарного материала. По ряду вполне естественных причин это сотрудничество было гораздо более тесным, чем сотрудничество со славистами других стран. Здесь, по нашему мнению, также первостепенным является не отношение к вопросу о дальнейшей чешско-словацкой эволюции и не принадлежность к той или иной национальности¹²⁴, а факт владения словацким языком и другими сопредельными диалектами теми или иными помощниками авторов словарей чешского языка. Особо стоит отметить лексические материалы словацкого лексикографа Ю. Рибай (Juraj/ Jiří Ry-

¹²¹ При этом стоит отметить, что сам Й. Палкович придавал своей лексикографической работе статус «хорошего школьного словаря», т. е. словаря среднего объема [Hayerková 1979: 66].

¹²² Более строгим критиком лексикографической работы Й. Палковича оказался Я. Коллар. Об истории возникновения и судьбе издания «критики» Я. Коллара и «антикритики» Й. Палковича см.: [Paul 1946–1948: 243; Jóna 1974: 143–144; Hayerková 1979: 66].

¹²³ При этом не стоит забывать, что Й. Юнгманн, например, восторженно отзывался о деятельности А. Бернолака особенно в деле становления словацкой поэзии, сожалея, правда, о том, что Бернолак не рассматривал языковое и литературное развитие чешско-словацкого региона как единое целое [Jungmann 1948: 72–73].

¹²⁴ Так, к примеру, одна из ключевых фигур чешского НВ словак П. Й. Шафарик, как уже отмечалось, весьма скептически относился к идее кодификации словацкого литературного языка и активно помогал Й. Юнгманну в его работе над словарем. О вкладе П. Й. Шафарика в создание и подготовку к изданию «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна, а также об их взаимоотношениях см. публикации К. Пауля: [Paul 1937a: 268–279; Paul 1937b: 46–54].

bai), который не смог издать собственный словарь¹²⁵, но охотно делился своими материалами и с Й. Добровским [Paul 1946–1948: 236; Hayerková 1979: 100] (от него впоследствии получил эти материалы и Й. Юнгманн, который упоминает имя Ю. Рибай в Предисловии к своему словарю [Jungmann 1835: IV]), и с Й. Палковичем [Kamš 1964: 102]. Также активно сотрудничал с чешскими составителями словарей словацкий пастор Ш. Лешка (Štěpán Leška), который участвовал в работе над словарями Й. Добровского (в частности, проводил экскерпции из лексикона Й. В. Злобицкого для словаря Й. Добровского [Paul 1946–1948: 234–235]) и Й. Юнгманна, который называет Ш. Лешку в предисловии к словарю одним из своих помощников [Jungmann 1835: VI], хотя об их непосредственных контактах ничего неизвестно [Paul 1946–1948: 235]. И несмотря на то, что Ш. Лешка, как и, к примеру, Я. Коллар, в противовес к Й. Палковичу предпринимал попытки обогатить чешский язык словацкими заимствованиями, Й. Палкович также использовал выписки Ш. Лешки при работе над своим словарем [Paul 1946–1948: 236; Kamš 1964: 102]¹²⁶. Уже упоминалось и о роли П. Й. Шафарика в работе над «Чешско-немецким словарем» Й. Юнгманна. Не столь однозначным, но не менее ценным оказался вклад Я. Коллара¹²⁷.

При этом, если в данной сфере сотрудничества возникали какие-либо разногласия, то чаще всего они носили характер творческой несовместимости в конкретной работе, не зависящей ни от национальности, ни от идеологических воззрений. Так, например, Й. Добровский был недоволен работой Ш. Лешки, о чем писал, в частности, Й. В. Злобицкому в письме от 2 марта 1799 г. [Paul 1946–1948: 235], а Й. Палкович не смог согласиться с коллективным соавторством, предложенным Й. Юнгманном (см. выше). При всех подобного рода «препятствиях» в личных контактах, главным достижением в их работе стала фиксация лексического наследия двух языков вследствие стремительного развития и взаимовоздействия чешской и словацкой лексикографии.

2.2.3. Использование словарей других славянских языков

В отношении лексикографических трудов (также двуязычных) по другим славянским языкам следует признать, что они использовались в основном,

¹²⁵ Словацко-немецко-латинский словарь Ю. Рибай «Idioticon Slovacicum» (1807–1808) так и остался в рукописи. Подробнее см.: [Hayerková 1979: 98–100; Бланар 1995: 36–39; Смирнов 1998а: 203; см. также: Jóna 1974: 140].

¹²⁶ Отметим также, что Ш. Лешка в 1825 г. издал собственный этимологический словарь «Elenchus Vocabulorum Europaeorum cum primis Slavicorum Magyarici usus» [Hayerková 1979: 68].

¹²⁷ Подробнее об этом см.: [Стемковская 1993: 42–52; Стемковская 1999: 161–182]. Об истории взаимоотношений и научных дискуссий Я. Коллара с Й. Юнгманном см.: [Paul 1946–1948: 234–253; Jóna 1974: 144–146].

как и словари словацкого языка, — в качестве источников для пополнения чешской лексики¹²⁸.

Так, известно, что заимствования из русского языка Й. Юнгманн черпал из «Полного российско-немецкого словаря» И. Гейма (1801 г.)¹²⁹ [Jedlička 1948: 25; Orłóš 1967: 106; Petr 1989: 19; Лилич 1982: 65; Стемковская 1999: 161–162] и в меньшей степени из «Словаря Академии Российской» (1789–1794 гг.), экземпляр которого был подарен Й. Юнгманну в 1828 г. адмиралом А. С. Шишковым [Лилич 1982: 66]. Также в личной библиотеке Й. Юнгманна имелся «Церковный словарь или истолкование речений славенских древних» П. Алексеева (1773 г.). По предположению Г. А. Лилич, пометы *eccl. slav.* в словаре Й. Юнгманна могут относиться к словам, взятым из этого лексикографического источника [Лилич 1982: 66]. В данной связи стоит упоминания и «Немецко-чешский словарь» Й. Добровского, из которого также были почерпнуты несколько десятков слов русского происхождения [Лилич 1982: 66]. Наконец, необходимо вновь упомянуть и о «Словаре польского языка» С. Б. Линде, поскольку он использовался как источник не только полонизмов, но и заимствований из русского и, в меньшей степени, из других славянских языков [Лилич 1982: 63–65; Petr 1989: 19]. Я. Петр считает, что состав чешской лексики за счет русизмов пополнялся Й. Юнгманном в первую очередь благодаря словарю С. Б. Линде, где, как уже отмечалось, к каждому польскому заглавному слову приводятся соответствия из других славянских языков [Petr 1989: 19].

Так же, как и С. Б. Линде, Й. Юнгманн учитывал лексические возможности южнославянских языков. В частности, известно о хорватских заимствованиях в словаре Й. Юнгманна, источником которых послужил «Lexicon Latino-Italico-Ilyricum» Й. Стулича (Joakim Stulić), выходивший в Будапеште (1801 г.) и в Дубровнике (1806 и 1810 гг.) [Petr 1989: 19]. Использовал Й. Юнгманн и «Сербский словарь с толкованием на немецком и латинском» Вука Караджича (Vuk Karadžić. *Srpski rječnik istumačen njemačkijem i latinskijem riječima*, 1818) [Стемковская 1999: 162]. Также в распоряжении Й. Юнгманна находился «Иллирийско-итальянско-немецкий словарь» Й. Вольтиджи (Josip Voltiggi/Voltić. *Ričoslovník iliričkoga, italijansko-*

¹²⁸ Еще раз подчеркнем, что в данном случае рассматриваются лексикографические источники и образцы, которые использовал Й. Юнгманн и другие чешские лексикографы того времени. При этом, несомненно, необходимо учитывать и огромный корпус текстов иных жанров, ставших источниками для пополнения словарного состава чешского языка, которое получило свое отражение, прежде всего, в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна [см., например: Лилич 1982: 66–73; Petr 1989: 17–18].

¹²⁹ К сожалению, словарь И. Гейма отсутствует в списке источников, приведенных в первом томе словаря Й. Юнгманна. Однако, в словарных статьях появляются ссылки на этот лексикографический источник в виде фамилии составителя словаря: *Нейт* [см. также: Лилич 1982: 65–66].

ga i nimačkoga jezika, 1802–1803) [Petr 1989: 19]. Однако стоит отметить, что заимствования из сербского, хорватского, словенского и серболужицких языков, появившиеся в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна, не смогли в дальнейшем закрепиться в чешском языке [Petr 1989: 20].

2.3. Влияние чешской лексикографической традиции эпохи Возрождения на развитие инославянских лексикографий XIX в.

В заключении данной главы считаем необходимым подчеркнуть общеславянское и даже общеевропейское значение «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна. Известно, что появление этого словаря стало одним из ярчайших событий не только в истории чешского языка и чешской лексикографии, но и получило весьма высокую оценку среди славистов других стран¹³⁰, а также внесло весомый вклад в создание инославянских лексикографических трудов того времени. В данной связи особый интерес приобретает история становления славянских языков и науки о них у славянских народов Габсбургской Австро-Венгрии в эпоху НВ. Изучению чешско-инославянских языковых связей этого периода, в том числе и становлению славянских лексикографий в XIX в. посвящены, в частности, труды В. Е. Моисеенко. Не останавливаясь подробно на рассмотрении данного вопроса, отметим лишь, что упомянутый исследователь прослеживает историю этих взаимоотношений, подчеркивает неперерекаемый авторитет словаря Й. Юнгманна для славянских лексикографов XIX в. и описывает факты воздействия и использования лексикографического труда Й. Юнгманна в качестве образца и источника заимствуемой близкородственной лексики для пополнения лексического запаса словацкого, верхнелужицкого, хорватского, сербского, словенского и украинского языков [см., например: Моисеенко 1988а: 69–79; Моисеенко 1988б: 59–65; Моисеенко 1989; Моисеенко 1992: 83–90; ср. также: Смирнов 1998б: 34].

Возвращаясь в данной связи к истории чешской лексикографии, можно вновь провести интересные типологические параллели. В данной работе уже упоминалось о взаимообогащающих связях чешского и польского

¹³⁰ Приведем известное высказывание И. И. Срезневского о лексикографическом труде Й. Юнгманна: «Имя Юнгмана у нас известно: кто и не видел его огромного «Словаря чешского языка», то по крайней мере слышал о нем; если кто и не может дать себе отчета о его достоинствах, то по крайней мере знает, что это — самый огромный из всех словарей наречий славянских, какие были до сего изданы. Тот же, кто пользовался этим словарем, и более того, кто следил за развитием лексикологии славянской и вообще европейской, знает и то, что творение Юнгмана есть одно из очень немногих превосходных произведений учености нашего времени...» (Архив АН СССР, ф. 216, оп. 1, ед. хр. 868, л. 1). Цит. по: [Смирнов 1979: 52; см. также: Лилич 1982: 61].

языков на разных этапах их развития, в частности, о влиянии чешских средневековых словарей (прежде всего словарей Кларета) на развитие польской лексикографии и на пополнение польского лексического запаса [см. также: Ластовецкая 1958: 13–14]. Чешские лексикографические достижения эпохи НВ также получили международное признание и распространение. Таким образом, описанные факты еще раз демонстрируют и подтверждают преемственность традиций в истории как чешской, так и общеславянской лексикографии.

Глава III

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕШСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В ЭПОХУ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

§ 1. История создания словарей в Чехии начального этапа национального Возрождения

В связи со всем вышеизложенным в данной главе необходимо сосредоточиться на решении двух основных задач: во-первых, представить историю возникновения словарей в Чехии периода НВ, т. е. предпринять попытку реконструкции в хронологическом порядке процесса создания и издания словарей с определением предпосылок, условий, целей и выявлением основных достижений этой научной деятельности, во многом способствовавшей дальнейшей эволюции чешского языка; во-вторых, после решения первой задачи и на основе полученных результатов определить и охарактеризовать основные этапы становления и развития чешской лексикографии в интересующий нас период.

1.1. Хронология появления словарей эпохи Возрождения до выхода в свет «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна включительно

История чешской лексикографии периода НВ берет свое начало уже с 80-х гг. XVIII в. Первым лексикографом эпохи НВ по времени появления словаря можно считать К. И. Тама, поскольку именно он в 1788 г. издал свой немецко-чешский словарь — «Deutsch-böhmisches Nationallexikon <...>» [Tham 1788]. Первым чешско-немецко-латинским словарем, изданным через три года, стал «Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch-und lateinischen Sprache <...>» Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791]. Самым же знаменитым и авторитетным по праву считается «Slovník Česko-Německý» Й. Юнгманна [Jungmann 1835–1839]. Это одни из самых известных словарей эпохи НВ. Однако для более адекватного представления проводимой в то время работы по созданию словарей необходимо учитывать весь корпус лексикографических трудов, написанных в период НВ, для чего целесообразно, на наш взгляд, представить хронологию появления основных возрожденческих словарей, которая позволит наглядно продемонстрировать достижения лексикографической деятельности того времени и сделать первоначальные предположения о характере проведенной работы.

Исходя из временных рамок культурно-исторического процесса «возрождения» чешской нации и ее языка, а также согласно фактическим датам издания того или иного словаря, предлагаемая ниже хронология охватывает период с 1788 г. (время выхода «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама [Tham 1788]) по 1839 г. (год издания последнего, пятого, тома «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна [Jungmann 1835–1839]). В качестве обоснования такого подхода к построению хронологии необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Во-первых, словарь К. И. Тама 1788 г. в исследовательской литературе нередко называют первым значительным (прежде всего по объему, а не по качеству) словарем периода НВ [см., например: Dobrowsky 1791a: 3; Flajšhans 1896: 4; Šmilauer 1974: 43; Petr 1989: 18]. Хотя и до выхода этого словаря во второй половине XVIII в., — являющейся начальным рубежом эпохи НВ, — лексикографическая работа в Чехии проводилась. Связана она была прежде всего с обеспечением учебного процесса, т. е. в основном составлялись учебные словари и пособия, причем чаще всего на латинском языке с немецкими и чешскими параллелями¹³¹. В данной связи можно назвать следующие словарные издания:

- 1) F. X. Kropf. *Index locuplex latinorum dictionum pro Germanicis, et Bohemicis vocibus delectarum* <...>. Prag, 1753;
- 2) J. K. Rohn. *Nomenclator, To jest Gmenowatel, Aneb Rozličných Gmen gak w České, Latinské, lub y w Německé Řeči Oznamitel* <...>. I–IV. Prag, 1764–1768 (в этом словаре представлены только существительные)¹³².

В данной работе также не случайно освещение истории возникновения словарей эпохи НВ и становления чешской лексикографической теории начинается со словаря К. И. Тама 1788 г., поскольку, как уже отмечалось, это первый наиболее полный словарь, а также в связи с тем, что развернувшаяся через десять лет, сразу после выхода первых листов второго издания этого словаря, полемика по поводу выработки научных принципов лексикографирования, а также формирования лексического состава возрождающегося чешского языка [см.: Dobrowsky 1798a; Dobrowsky 1798b; Dobrowsky 1798c; Dobrowsky 1802: [5–12]; Tham 1798a; Tham 1798b; Tham

¹³¹ Языком обучения в старших классах гимназии в то время была латынь. См. также § 1 первой главы.

¹³² Для сравнения стоит упомянуть, что и в первой половине XVIII в. ощущалась необходимость в такого рода словарях, о чем свидетельствуют, к примеру, трижды переизданные в течение первой половины XIX в. словари Вусина — C. Z. Wussin. *Dictionarium von dreyen Sprachen Teutsch, Lateinisch und Böhmisch* <...>. I–III. Prag, 1700–1706, — третье издание было осуществлено в 1740-ых гг.: немецко-латинско-чешская часть словаря вышла в 1742 г., латинско-немецко-чешская — в 1747 г. и чешско-латинско-немецкая — без указания года издания [см., например: Dobrowsky 1791a: 3].

1798с; см. также: Flajšhans 1896: 3–21], по нашему мнению, серьезно повлияла на дальнейшее развитие чешской лексикографии.

Во-вторых, хронология также сознательно заканчивается изданием словаря Й. Юнгманна (с учетом опубликованных в 1851 г. Ф. Л. Челаковским «Дополнений к словарю Й. Юнгманна» [Čelakovský, 1851]), поскольку это, несомненно, самый значимый лексикографический труд эпохи НВ и именно этот словарь является основополагающим источником изучения формирования и апробации лексикографических принципов, вырабатываемых в то время. Однако, разумеется, что и после выхода «Немецко-чешского словаря» Й. Юнгманна лексикографическая работа была продолжена. См., например:

- 1) J. F. Šumavský. *Vollständiges deutsch-böhmisches Wörterbuch/ Úplný německo-český slovník*. Praha, 1843–1847.

Необходимо отметить, что в этот словарь вошла часть материалов из «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна [Petr 1989: 29], а «первоначально Юнгманн сам хотел издать этот словарь как вторую большую часть своего труда» [Páta 1911: 202; см. также: Zelený 1873: 328; Flajšhans 1895: 99; Petr 1981: 81–82; Červená a kol. 1982: 240].

- 2) J. F. Šumavský. *Česko-německý slovník*. Praha, 1851.
- 3) J. N. Konečný. *Vollständiges Taschenwörterbuch der čechoslawischen und deutschen Sprache*. Wien, 1845;
- 4) J. P. Jordan. *Auplný slowníček českého i německého jazyka*. Lipsk/ Leipzig, 1847¹³³.

И далее словари уже второй половины XIX в., например:

- 5) F. L. Rieger. *Slovník naučný*. I–XI. Praha, 1860–1874;
- 6) F. Št. Kott. *Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický*. I–VII. Praha, 1878–1906;
- 7) а также большое количество терминологических и небольших карманных двуязычных словарей [подробнее см.: Páta 1911: 298–299].

Однако по общему мнению историков чешского языка все словари, изданные после юнгманновского, явно уступали ему по многим параметрам — прежде всего по качеству [см., например: Páta 1911: 202; Petr 1989: 29–30], и, на наш взгляд, еще и потому, что слишком долгим оказался путь становления и развития чешской «одноязычной» лексикографии — как уже неоднократно упоминалось, первый толковый словарь чешского языка начал выходить лишь через сто лет после издания словаря Й. Юнгманна [см.: PSJČ 1935–1957], хотя о необходимости создания такого словаря заявлял еще Й. Добровский в 1779 г.¹³⁴

¹³³ В дальнейшем вышло несколько переизданий этого словаря. В частности, 4-е издание датируется 1887 г.

¹³⁴ См. п. 1.3. данного параграфа, а также: [Flajšhans 1895: 97].

В-третьих, заметим, что в предлагаемой хронологии не представлены издания или переиздания словарей предшествующих эпох, которые принимались в то время и также использовались многими лексикографами в качестве источников обогащения лексического состава чешского языка. В данной связи упоминания заслуживает, например, предпринятое В. Ганкой в 1833 г. издание некоторых лексикографических трудов, созданных в Чехии в предшествующие эпохи: W. Hanka. *Zbírka nejdávnejších slovníků latinsko-českých* <...>. Praha, 1833. Эта работа, во-первых, ярко демонстрировала проявление научного интереса к наиболее значимым памятникам чешского языка, каковыми можно считать и старочешские словари или тезаурусы; а, во-вторых, стала использоваться для обогащения чешского языка эпохи НВ как источник, из которого проводил экцерпции словарного материала, например, Й. Юнгманн [см. об этом: Flajšhans 1921: 225–229]. Кроме того, в этом сборнике представлен первый, по определению В. Фляйшханса и позже Я. Петра, старочешский словарь на 73-х страницах, составленный самим В. Ганкой [Flajšhans 1921: 226; Petr 1989: 17].

В-четвертых, несмотря на то, что в приводимой ниже таблице находят свое отражение только изданные словари обоих периодов чешского НВ, для воссоздания полной картины лексикографического процесса того времени необходимо учитывать и большой корпус рукописных материалов, списков слов (например, сборники медика Я. Михаловского (Jan Michalovský), который оставил 23 тетради с выписанными им словами из произведений чешских писателей разных эпох [Dobrowsky 1791a: 5; Jungmann 1835: IV; Flajšhans 1896: 4]), и даже подготовленные к изданию, но так и не вышедшие словари (так, в частности, известно, что Й. Добровский высоко ценил оставшиеся в рукописи «Чешско-латинско-немецкий словарь» И. Зеберера и «Чешско-латинский лексикон» Я. Прокопиуса [Dobrowsky 1791a: 5, 6]). Кроме того, в предлагаемой ниже хронологии имеются лакуны, касающиеся небольших терминологических словариков, которые предназначались прежде всего для переводчиков, публиковались либо на страницах научных журналов, либо отдельными изданиями и являлись отражением подготовительного этапа создания большого словаря (resp. «Немецко-чешского словаря» Й. Юнгманна), включающего в себя все лексическое многообразие чешского языка. К ним относятся, к примеру, небольшой словарь терминов философии и эстетики Ф. Палацкого (1827), словарь юридических терминов В. Пеликана (1831), словарь медицинских терминов А. Юнгманна (1833), а также научные издания (книги), в которых впервые появлялась терминологическая лексика отдельных научных областей, например, логики (А. Марек), ботаники, химии и минералогии (Й. С. Пресл), литературоведения (Й. Юнгманн) и т. д. [Petr 1989: 9]. Еще раз подчеркнем, что эти и другие подобные источники активно использовались многими лексикографами того времени, которым удалось довести работу по созданию и изданию словарей до конца.

Хронология появления словарей эпохи чешского национального Возрождения (I ¹³⁵)		
год(ы) издания	автор(ы)	название словаря
1788 (2):	Tham K. I.	<i>Deutsch-böhmisches Nationallexikon</i> <...>. Prag und Wien, 1788; [2. Aufl., 1799; 3. Aufl. 1814].
1789:	Tomsa F. J.	<i>Malý německý a český slovník</i> <...>. Praha, 1789.
1791:	Tomsa F. J.	<i>Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache</i> <...>. Prag, 1791.
1799a:	Tham K. I.	<i>Deutsch-böhmisches Nationallexikon oder Wörterbuch</i> <...>. I–II. Prag, 2. Aufl., 1799.
1799b:	Tham K. I.	<i>Kleines deutsch-böhmisches Wörterbuch, oder Sammlung</i> <...>, zum Behufe der Deutschen. Ein Anhang zu dessen böhmischer Grammatik. Prag, 1799 (3).
1800:	Tham K. I.	<i>Neues deutsch-böhmisches topographisch-geographisch Wörterbuch oder Zeitungslexikon</i> <...> Ein Anhang zu dessen deutsch-böhmischen Nationallexikon. Prag, 1800 (4).
1802–1821:	Dobrowsky/Dobrovský J.	<i>Ausführliches und vollständiges deutsch-böhmisches synonymisch phraseologisches Wörterbuch</i> . I–II. Prag, 1802–1821.
1802:	Tham K. I.	<i>Neues kleines deutsch-böhmisches Wörterbuch oder auserlesene Sammlung</i> <...>, zum Behufe der Deutschen. Prag, 1802 (5).
1804:	Tham K. I.	<i>Neues kleines deutsch-böhmisches Wörterbuch</i> <...>, zum Behufe der Deutschen. Als ein Anhang zu dessen böhmischer Grammatik. Prag, 1804 (6).
1805–1807:	Tham K. I., <Tomsa F. J.> (7).	<i>Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phraseologisches Nationallexikon oder Wörterbuch</i> <...>. I–II. Prag, 1805–1807.
1807–1808:	Tham K. I.	<i>Neynowěgssj auplný Česko-Německý Slovník, aneb přijhodný weyběrek slow</i> <...> (<i>Neuestes vollständiges böhmisch-deutsches Wörterbuch</i> <...>). I–II. Praha, 1807–1808.
1808:	Tham K. I.	<i>Okus česko-německého právnického a jednateleského slovníku s auplným německým ukázadlem</i> <...> (<i>Versuch eines böhmisch-deutschen juristischen und geschäftsmännischen Lexikons</i> <...>). Praha, 1808.

¹³⁵ См. далее пояснения к таблице.

1814:	Tham K. I.	<i>Neuestes ausführliches und vollständiges deutsch-böhmisches synonymisch-phraseologisches Nationallexikon oder Wörterbuch</i> <...>. I–II. Prag, 3. Aufl., 1814. + здесь же: <i>Neues deutsch-böhmisches topographisch-geographisch SUPPLEMENT oder Ergänzungs-anhang zu dessen deutsch-böhmischen Nationallexikon</i> <...>.
1814–1818:	Tham K. I.	<i>Neuestes möglichst-vollständiges deutsch-böhmisches und böhmisch-deutsches Taschen-Wörterbuch</i> . I–II. Prag, 1814–1818. [2. Aufl., 1837].
1815:	Tham K. I.	<i>Neuester möglichst ausführlicher und vollständiger deutsch-böhmischer geographisch-topographisch-mithologischer Taschen-Nomenklator</i> <...>. Prag, 1815.
1820:	Palkowitsch G./ Palkovič J.	<i>Böhmisch-Deutsch-Lateinisches Wörterbuch, mit Beifügung den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten</i> <...>. I–II. Prag – Prešpurk ¹³⁶ , 1820–1821 (8).
1825–1827	Bernolák A.	<i>Slowár Slowenský, Česko-Latínsko-Ňemecko-Uherský</i> . I–VI. Buda, 1825–1827 (9).
1830	Chmela J.	<i>Lateinisch-Böhmisch-Deutsches Wörterbuch nach I. J. G. Scheller's etymologischer Grundlage</i> . Hradec Králové, 1830 (10).
1835–1839: 1851:	Jungmann J. Čelakovský F. L.	<i>Slownjk česko-německý</i> . I–V. Praha, 1835–1839 (11). <i>Dodavky ke Slovníku Josefa Jungmanna</i> . Sebral a vydal dr. Fr. Lad. Čelakovský. Praha, 1851 (12).
1837	Tham K. I.	<i>Neuestes möglichst vollständiges deutsch-böhmisches und böhmisch-deutsches Taschenwörterbuch</i> . I–[II] (13). Prag, 2. Aufl., 1837.

Пояснения к таблице:

- 1) При составлении хронологии в основу были положены данные каталога «Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. století. Díl II. Tisky z let 1501–1800. Část VIII.» [Knihopis 1965], а также сведения грамматик, словарей чешского языка и каталогов некоторых библиотек (в частности, Национальной библиотеки в Праге, библиотеки РАН в Санкт-Петербурге и библиотеки Тартуского университета).
- 2) Данный словарь К. И. Тама выдержал три издания — в 1788, 1799 и 1814 гг. Все три издания представлены в таблице, согласно времени их публикации и в тех ячейках, где подчеркнут год выхода словаря из печати. Следует отметить, что многие словари этого наиболее продуктивного (по количеству изданных работ) чешского лексикографа периода НВ подвергались переиз-

¹³⁶ Старое название Братиславы.

- даниям, впрочем, как и его грамматики чешского языка (ср., например, «Малые немецко-чешские словари», вышедшие в 1799 и в 1804 г. в качестве дополнений к соответствующим грамматикам чешского языка)¹³⁷.
- 3) Этот немецко-чешский словарик на 128 страницах был составлен как дополнительное пособие к уже существующей грамматике и издан в 1799 г., т. е. ровно через год после ее публикации. Это было второе издание «Грамматики чешского языка для немцев» (*Böhmische Grammatik zum Gebrauche der Deutschen*, 1798), которая впервые вышла в 1785 г., а в последствии была переиздана еще несколько раз — в 1800 г, в 1801 и 1804 гг.¹³⁸ [Knihopis 1965: 273 и 280].
 - 4) Данный немецко-чешский словарик ономастической лексики (20 стр.) является дополнением ко второму изданию словаря «Deutsch-böhmisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>», вышедшего в 1799 г. В третьем издании, осуществленном в 1814 г., ономастика представлена непосредственно в словаре, в специально отведенном для этого разделе. Через год, в 1815 г., отдельным изданием вышел еще один карманный немецко-чешский словарь соответствующей лексики (64 стр.), в подзаголовке к которому К. И. Там отмечал, что это «необходимое дополнение ко всем немецко-чешским словарям» [Knihopis 1965: 279].
 - 5) Согласно сведениям каталога «Knihopis <...>» издание этого словаря, по крайней мере, в Чехии обнаружить не удалось [Knihopis 1965: 280].
 - 6) Вновь в качестве дополнения к учебнику — пятому изданию «Böhmische Grammatik zum Gebrauche der Deutschen» (1804) — был издан переработанный «Новый малый немецко-чешский словарь» [Knihopis 1965: 280]¹³⁹.
 - 7) Данный словарь, являющийся, по сути, вторым (дополненным и исправленным) изданием словаря Ф. Я. Томсы 1791 г., вышел под именем К. И. Тама. Лишь в начале второй части словаря (с. 341–781), появляется примечание о том, что лексический материал от буквы *P* до буквы *Ž* подготовлен Ф. Я. Томсой¹⁴⁰.
 - 8) К. Пауль отмечает, что первый том словаря Й. Палковича вышел в 1820 г. в Праге, а второй том — через год в Братиславе [Paul 1946–1948: 239; см. также: Jóna 1974: 143].
 - 9) Как уже было заявлено во второй главе данной работы, словарь А. Бернолака и особенно словарь, составленный Й. Палковичем, являются неотъемлемой частью истории как словацкой, так и чешской лексикографии, а также источниками по изучению развития лексики этих двух близкородственных языков с давними традициями взаимообогащения. Поэтому есть все основания считать необходимым включение эти двух значимых лексикографических трудов в представленную хронологию чешских словарей (а соответственно, и в историю чешской лексикографии) в связи с указанными выше причинами, а также потому, что эти словарные издания активно использо-

¹³⁷ См. также *пояснения 3 и 6* к данной таблице и далее п. 1.2.2.

¹³⁸ См. далее «Краткий обзор творческого наследия К. И. Тама» (п.1.2.2. данного параграфа).

¹³⁹ См. также *пояснение 3*.

¹⁴⁰ Подробнее см. п. 1.3. данного параграфа.

вались другими авторами словарей, особенно Й. Юнгманном, как одни из основных «поставщиков» словацкой и в определенной степени чешской лексики¹⁴¹.

- 10) Об этом словаре, составленном по гнездовому принципу, сведения представлены, в частности, в энциклопедии Я. Отто и в публикации Й. Паты, в которых также упоминается о двух томах алфавитных указателей к этому словарю (на чешском и немецком языках), вышедших в 1834 г. [Chmela. *Ottova encyklopedie <1888–1909>*; Páta 1911: 201].
- 11) Хорошо известно, что первые части первого тома «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна стали выходить еще осенью 1834 г., однако в дальнейшем на титульном листе первого тома словаря появилась другая дата — 1835 г. [см. об этом: Helcl 1959: 238–240]. Специально оговорив данный момент, восстанавливающий историческую справедливость, нами, тем не менее, было принято решение соблюсти правила библиографического описания, согласно которым отмечается указанная на титульном листе дата. Таким же образом решен вопрос о датировке второго издания «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама [Tham 1799], хотя его публикация и активное обсуждение начались еще весной 1798 г. (см. далее).
- 12) Поскольку это издание, объем которого ограничен всего 66 страницами, выполняет факультативную функцию по отношению к словарю Й. Юнгманна и не является самостоятельным, отдельным лексикографическим трудом, оно, несколько нарушая принцип хронологии, помещено непосредственно вслед за «Немецко-чешским словарем» Й. Юнгманна.
- 13) В Национальной библиотеке г. Праги и в библиотеке РАН в Санкт-Петербурге находится лишь первая немецко-чешская часть второго издания этого словаря, опубликованная в 1837 г. (первое издание было осуществлено в 1814–1818 гг.). Когда была издана — и была ли издана вообще — вторая чешско-немецкая часть, нам на данный момент, к сожалению, не известно. Й. Пата, например, упоминал о переиздании данного словаря К. И. Тама в 1837 г., правда, без указания на количество томов [Páta 1911: 201].

* * *

Представленная хронология появления чешских словарей периода НВ позволяет в общих чертах охарактеризовать процесс создания этих лексикографических трудов следующим образом:

1) Все словари эпохи НВ являются дву- или более язычными, причем в качестве опорного выбирается либо немецкий, либо чешский язык. Такое положение дел было связано прежде всего с ситуацией чешско-немецкого (а для того времени, как уже упоминалось в первой главе, скорее даже немецко-чешского) языкового сосуществования в пределах Чешских земель;

¹⁴¹ См. об этом подробнее: [Paul 1946–1948: 234–253; Kamiš 1964: 101–108]; а также § 2 п. 2.2.2. второй главы данной работы.

кроме того, влияние оказывала предшествующая как чешская, так и инославянская и шире — европейская лексикографическая традиция¹⁴².

2) Несомненно, идея языкового «возрождения» явилась серьезным импульсом для весьма активной лексикографической деятельности в Чехии, поскольку,

во-первых, в течение полувека появилось несколько значительных как по объему, так и по содержанию словарей: [Tham 1788; Tomsa 1791; Dobrowsky 1802–1821; Tham, <Tomsa> 1805–1807; Palkowitsch 1820–1821] и, наконец, наверное, самый знаменитый словарь чешского языка, составленный Й. Юнгманном [Jungmann 1835–1839];

во-вторых, в силу разных обстоятельств повысилась потребность практического изучения чешского языка, что стало причиной возникновения большого количества (в том числе и с переизданиями) учебных пособий, грамматик по чешскому языку, предназначенных для немцев (а также немеченных чехов) и двуязычных словариков: [Tomsa 1789; Tham 1799b; Tham 1802; Tham 1814–1818; Tham 1837]. Основными авторами таких пособий и словарей в первый период НВ были Ф. Я. Томса и К. И. Там;

в-третьих, уже на начальном этапе НВ стали также появляться небольшие словарные издания, которые представляли собой первые попытки создания двуязычных, переводных ономастических и терминологических словарей: [Tham 1800; Tham 1808; Tham 1815]. Автором этих лексикографических работ вновь выступил К. И. Там.

3) Словарные работы К. И. Тама не случайно как бы обрамляют составленную хронологию. Он является первым и самым активным лексикографом периода НВ в Чехии, судя по количеству словарей и переизданий многих из них (всего 13). Однако известно о К. И. Таме (как, впрочем, и о Ф. Я. Томсе) и его лексикографической и лингвистической деятельности в целом не так много. Вероятнее всего, такое положение дел можно объяснить прочно закрепившейся «традиционной» (начиная с Й. Добровского), скорее негативной, нежели позитивной, оценкой деятельности К. И. Тама [см. об этом, например: Flajšhans 1896: 3–21]. Однако заметим, что именно К. И. Там, а также Ф. Я. Томса стали первопроходцами в весьма сложном и всегда неоднозначно оцениваемом деле по созданию словаря, тем более что эта деятельность проходила в период кризисного, по оценке будителей, состояния чешского языка и науки о нем. Кроме того дальнейшая лексикографическая деятельность Ф. Я. Томсы и К. И. Тама осуществлялась в рамках противопоставления, в которые они были вовлечены прежде всего благодаря Й. Добровскому: Там через десять лет опубликовал второе издание своего «Немецко-чешского словаря» [Tham 1799], который вызвал острую критику со стороны Й. Добровского, также работавшего в то время над «Немецко-чешским словарем» [Dobrowsky 1802–1821], а в ре-

¹⁴² Имеется в виду традиция составления двуязычных и многоязычных словарей. См. также вторую главу данной работы.

дакторскую группу первого тома словаря Добровского входил Ф. Я. Томса [Flajšhans 1896: 5]. Позже К. И. Там и Ф. Я. Томса совместно работали над вторым изданием «Чешско-немецкого словаря» [Tham, <Tomsa> 1805–1807], впервые изданного Ф. Я. Томсой в 1791 г. Однако вряд ли эту работу можно назвать сотрудничеством¹⁴³.

В любом случае, необходимо, по нашему мнению, выяснить, в чем заключается подлинное значение первых лексикографических трудов эпохи НВ и какова их роль в деле становления чешской лексикографии.

4) Привлекает внимание и следующий факт. Работа по подготовке к публикации и самому изданию словарей шла в большинстве случаев весьма стремительными темпами — даже по сравнению с нашим временем. В этом отношении вновь весьма показательной является деятельность К. И. Тама, чьи словари (и учебные пособия) выходили из печати почти каждый год. Оставив на данный момент в стороне оценку качества этих изданий, необходимо отметить высокую трудоспособность и творческую активность этого автора. И, конечно, особое внимание стоит обратить на сроки издания больших, многотомных лексикографических трудов — прежде всего пятитомного «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна, вышедшего в феноменально короткие сроки — всего за 5 лет [Jungmann 1835–1839]¹⁴⁴. Особое положение в данной связи занимает двухтомный «Немецко-чешский словарь» Й. Добровского, второй том которого был издан лишь через девятнадцать лет после выхода первого тома [Dobrovský 1802–1821]. Как известно, словарь патриарха славянской филологии Й. Добровского относится, как и все его лингвистические работы, к корпусу классических трудов по богемистике (особенно его первая часть, подготовленная к печати в основном самим Й. Добровским). Однако пальму первенства по значимости занимает все же словарь Й. Юнгманна. Тому есть много причин, но, видимо, не последнее место в их перечне занимает и тот факт, что издание второго тома словаря Добровского (при стечении ряда обстоятельств, в том числе и субъективного характера) слишком затянулось и шло уже под руководством других авторов — Ш. Лешки, А. Пухмайера и позже В. Ганки [см. об этом, например: Flajšhans 1896: 21].

5) Известно, каким непререкаемым научным авторитетом до сих пор пользуется «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна [Jungmann 1835–1839]. Видимо, неслучайно самым значительным во всех отношениях оказался последний, согласно хронологии, словарь эпохи НВ. Ключевая роль в возникновении такого результата лексикографической деятельности Й. Юнгманна отводится самому автору словаря, который, несомненно, был незаурядной личностью и талантливым лингвистом; но, вероятно, не последнее значение имел и тот факт, что Й. Юнгманн не только учел кри-

¹⁴³ Подробнее см. далее п. 1.3. данного параграфа.

¹⁴⁴ Ср. также период издания словаря А. Бернолака: шесть томов за три года [Bernolák 1825–1827], правда, лишь через 12 лет после смерти автора словаря.

тику в адрес словарей своих непосредственных предшественников, но и активно и весьма продуктивно использовал их достижения.

В заключение отметим, что идея языкового «возрождения» в Чехии нашла яркое преломление в лексикографической деятельности, которая в период НВ отличалась достаточно высокой активностью и типологическим разнообразием.

Для представления и анализа процесса становления чешской лексикографической теории и практики в эпоху НВ, а также для определения и характеристики основных этапов истории чешской лексикографии этого периода необходимо предпринять более детальное изучение вопроса.

1.2. Первые возрожденческие словари и их авторы

Как уже отмечалось во Введении и в первой части данного параграфа, исследователи нередко рассматривают работы К. И. Тама и Ф. Я. Томсы в едином контексте¹⁴⁵, ограничиваясь при этом лишь констатацией факта создания ими первых грамматик [например: Tomsa 1782] и первых немецко-чешского и чешско-немецко-латинского словарей эпохи НВ [Tham 1788; Tomsa 1791], ставших предшественниками знаменитого «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна [Jungmann 1835–1839]¹⁴⁶. Причем, эта констатация практически всегда сопровождается оценочными комментариями, суть которых сводится к противопоставлению по качеству лингвистических трудов обоих авторов в пользу работ Ф. Я. Томсы, нередко с уточнением о «хорошем» знании чешского языка Томсой и о якобы несоответствующем уровне владения чешским языком К. И. Тамом. Закрепление подобной «расстановки сил» и соответствующих оценок берет свое начало с Й. Добровского и фактически до сих пор является общим местом всех немногочисленных упоминаний о К. И. Таме и Ф. Я. Томсе¹⁴⁷, например: «Уже в 1786 г. <опечатка, правильно — в 1788 г. — И. А.> Карел Игнац Там издает первый немецко-чешский словарь. Словарь свидетельствовал о том, что Там хорошо чешским языком еще не владел, за что Добровский его беспощадно критиковал. Однако Там издавал свои словари снова и снова, постоянно их совершенствуя и чередуясь с Фр. Томсой, который как уроженец Турнова имел лучшие основы <здесь подчеркивается «деревенское», а значит «правильное» происхождение чешской речи Томсы. — И. А.>» [Šmilauer 1974: 43].

Данные оценки об уровне владения чешским языком не являются, на наш взгляд, убедительными, поскольку речь идет о периоде НВ, ознамено-

¹⁴⁵ В этом смысле данная работа тоже не стала исключением.

¹⁴⁶ См., например: [Dobrovský 1955: 124; Dobrovský 1940: 16–19; Páta 1911: 200; Šmilauer 1974: 43; Hauser 1980: 178; Petr 1989: 10].

¹⁴⁷ См., например: [Jungmann 1849: 360; Havránek 1974: 196; Šmilauer 1974: 43; Cuřín 1985: 73–76, 79].

ванном фактически языковой «революцией», пришедшей на смену языковой стагнации. И это лишь повторение оценок тех, кто непосредственно пытался проводить языковые изменения, устанавливал их закономерности и т. д. Законодателем в этом вопросе по праву стал Й. Добровский. Высказанные им тезисы о «хорошем или правильном» чешском языке, конечно, не могли соответствовать реальной языковой ситуации того времени, чего сам Добровский, кстати, никогда и не требовал, поскольку в своих размышлениях он нередко подчеркивал, что он рассуждает об идеальном, в его понимании, чешском языке, не питая, кстати, иллюзий по поводу достижения этого идеального состояния в действительности [см., например: Jedlička 1948: 11; Havránek 1979: 88–89; Cuřín 1985: 76–77, 82; Petr 1989: 7–8; ср. также: Dobrovský. *Ottova encyklopedie <1888–1909>*]. Поэтому здесь было бы более уместным говорить о том, что язык, отраженный в произведениях Ф. Я. Томсы, более соответствовал представлениям об этом «идеальном» чешском языке, чем пражская чешская речь того времени, которой владел К. И. Там, но, которая, изначально вновь по мнению Й. Добровского, не могла стать основой для нормализации и кодификации чешского литературного языка нового времени.

Также следует обратить внимание на факты «небрежного» отношения, в частности, к словарям как К. И. Тама, так и Ф. Я. Томсы, продемонстрированные в некоторых публикациях, посвященных тем или иным аспектам развития чешской лексикографии, а также «Чешско-немецкому словарю» Й. Юнгманна. При изучении истории чешской лексикографии начальной фазы НВ автор данной работы неоднократно сталкивался с путаницей в датировках первых лексикографических изданий эпохи НВ, прежде всего «Чешско-немецко-латинского словаря» Ф. Я. Томсы, и при определении авторства словарей. Объяснение этому, на наш взгляд, кроется

с одной стороны, опять-таки в традиционно «пренебрежительном» отношении к данным лексикографическим изданиям и их авторам. Так, нередко издание первого чешско-немецко-латинского словаря эпохи НВ [Tomsa 1791] датируется 1799 г. [см., например: Orłóš 1967: 12; Podlauf 1971: 258; Slownjk.cz <2005–2008>]. Самым простым решением найти «виновника» в данной ситуации является обращение к Предисловию к «Чешско-немецкому словарю» Й. Юнгманна, где автор отмечает, что «когда в 1800 г. составитель <resp. Й. Юнгманн. — И. А.> словарь Томсы (1799) начал дополнять собранием слов, полученных от покойного профессора Пельця <...>» [Jungmann 1835: IV]. По нашему мнению, именно эта ошибка (или, скорее, даже опечатка) стала отправной точкой для дальнейших ее повторов. Так, например, в известной работе Т. Орлось также цитируется приведенный отрывок из Предисловия к словарю Й. Юнгманна без каких-либо разъяснений по поводу года издания словаря Ф. Я. Томсы [Orłóš 1967: 12], хотя на предыдущей странице приводятся правильные библиографические сведения об этом словаре, в том числе и год издания, а именно: 1791 г. [Orłóš 1967: 11]. З. Тыл в 1983 г. делает примечание к при-

веденной цитате из Предисловия к словарю Й. Юнгманна: «По-видимому, ошибка, вероятно 1791 г. В 1799 г., согласно «Истории чешской литературы» Юнгманна < [Jungmann 1825 или 1849]. — *И. А.*>, Фр. Томса никакого словаря не издавал» [Tyl 1983: 114]. При этом в дальнейшем, в работах, опубликованных уже после статьи З. Тыла, 1799 г., как год издания словаря Ф. Я. Томсы, продолжает фигурировать даже в качестве «исправления»: «... Юнгманн начинал вносить дополнения в первое однотомное издание словаря Томсы 1791 г., resp. 1799» [Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku]. Последнее вызывает еще большее удивление и в связи с тем, что в этой публикации названа и правильная датировка словаря Ф. Я. Томсы, а также есть ссылки на указанную статью З. Тыла. При этом остается непонятным, почему исследователи не обратились в данной связи к таким авторитетным изданиям, как к уже упомянутой З. Тылом «Истории чешской литературы» [Jungmann 1849], а также к ее дополнению — «Knihopisný slovník česko-slovenský, aneb seznam kněh <...>» Ф. Доухи [Doucha 1865: 270–271], или, например, к вышедшему уже в XX в. библиографическому каталогу «Knihopis českých a slovenských tisků <...>» [Knihopis 1965: 306–310]. В данном случае можно также вспомнить и об известном и часто цитируемом в исследовательской литературе предисловии Й. Добровского к словарю Ф. Я. Томсы [Dobrowsky 1791b: 11–32] и, конечно, обратиться к другим исследовательским работам [см., например: Páta 1911: 200; Šmilauer 1974: 43; Petr 1989: 10; Hladká, Martincová <2007>].

С другой стороны, рассматриваемое положение дел связано с уже упомянутым, также традиционно устанавливаемым, но не объясняемым, противопоставлением К. И. Тама и Ф. Я. Томсы и их работ. В данном случае, речь идет о «Чешско-немецком словаре», изданном в 1805–1807 гг. [Tham, <Tomsa> 1805–1807]. Этот словарь вышел под именем К. И. Тама, но являлся вторым изданием «Чешско-немецко-латинского словаря» Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791]. Без объяснения причин возникновения данной ситуации, в исследовательской литературе встречаются две возможности для библиографического описания этого словаря: 1) авторами словаря считаются и К. И. Там, и Ф. Я. Томса [см., например: Flajšhans 1896: 4; Tyl 1983: 113; Petr 1989: 10, 16, 18]; 2) в качестве автора словаря называется только Ф. Я. Томса [см., например: Szykowski 1948: 14; Růžička 1957: 139–140]. Считаем поэтому необходимым, прояснить историю возникновения данного лексикографического труда и выявить причины разной трактовки вклада Ф. Я. Томсы и К. И. Тама в появление этого словаря (см. далее п. 1.3 данного параграфа).

Далее возникает, по крайней мере на первый взгляд, еще два момента, вызывающих некоторое недоумение:

1) Лаконичность и прямолинейность суждений при оценке первых лексикографических работ эпохи НВ, сводящихся к двум полюсам: К. И. Там написал «плохой» словарь, а Ф. Я. Томса — более качественный, поэтому

его использовали последующие авторы словарей¹⁴⁸. Как уже неоднократно подчеркивалось, впервые таким образом акценты при оценке трудов К. И. Тама и Ф. Я. Томсы были расставлены Й. Добровским, вслед за которым исследователи чаще всего указывали на то, что К. И. Там придерживался при создании своих словарей пуристических приемов, характерных для предшествующей эпохи Барокко, и не исключал неологизмы [см., например: Dobrowsky 1798a; Dobrowsky 1798b; Dobrowsky 1798c; Dobrowsky 1802: [5–12]; Páta 1911: 200; Bělič 1953: 194; Šmilauer 1974: 43, 49; Hauser 1980: 178; Cuřín 1985: 79]. Такой метод был признан (прежде всего Й. Добровским) устаревшим и неперспективным¹⁴⁹. Однако стоит отметить, что в данной связи из поля зрения исследователей был исключен тот факт, что данный метод, несомненно, на более качественном уровне был позже применен Й. Юнгманном. Также незамеченным осталось то немаловажное обстоятельство, что первое издание немецко-чешского словаря К. И. Тама [Tham 1788] было встречено в целом весьма положительно и, кстати, прежде всего самим Й. Добровским. Разногласия между Добровским и Тамом возникли гораздо позже — лишь через десять лет при публикации и активном обсуждении второго издания немецко-чешского словаря К. И. Тама [Tham 1799] (см. далее текст данного параграфа).

При этом, как нам кажется, нет особой необходимости противопоставлять лексикографические труды К. И. Тама и Ф. Я. Томсы, поскольку словарь Ф. Я. Томсы на тот момент был единственным двуязычным словарем с опорным чешским языком, что и послужило вполне естественной причиной обращения к этому лексикографическому источнику авторов, намеревающихся создать также чешско-немецкий словарь. Второй (а по значимости, скорее, первой) причиной особого отношения к словарю Ф. Я. Томсы стали написанное самым авторитетным филологом того времени, Й. Добровским, предисловие, в котором была предложена трактовка основных принципов морфологии и словообразования славянских языков [Dobrowsky 1791b: 11–32], а также сам факт сотрудничества автора словаря с Й. Добровским.

Вполне обоснованно, таким образом, полагать, что словари К. И. Тама и Ф. Я. Томсы были важны как отправная точка для дальнейшей более совершенной работы по созданию словарей чешской лексики, поэтому они, собственно говоря, и стали первыми словарями периода НВ. Один (словарь К. И. Тама) методом от противного стимулировал работу по созданию «хорошего», качественного словаря, а второй (словарь Ф. Я. Томсы)

¹⁴⁸ Уже отмечалось, что из словаря Ф. Я. Томсы 1791 г. проводил эксперпции чешского лексического материала С. Б. Линде (см. § 2 п. 2.2.1. второй главы). В качестве основы и образца использовали лексикографическую работу Ф. Я. Томсы Й. Палкович, А. Пухмайер, Й. Юнгманн (подробнее см. также п. 1.3. данного параграфа и следующий § 2).

¹⁴⁹ См. также § 1 второй главы данной работы.

являлся исходным пунктом этой работы. При этом, еще раз подчеркнем, что несмотря на практически диаметрально противоположную оценку работ Ф. Я. Томсы и К. И. Тама, исследовательский интерес к этим двум представителям первой фазы чешского НВ, ставшим также и первыми лексикографами нового времени, одинаково мал.

2) Наряду со словарями указанных авторов также всегда упоминаются «получившие» своих исследователей лексикографические работы прежде всего Й. Добровского [Dobrowsky 1802–1821], а также, например, Й. Палковича [Palkowitsch 1820–1821]¹⁵⁰, значение которых в истории чешской лексикографии, а также их влияние на главный словарь эпохи НВ — словарь Й. Юнгманна — оцениваются в целом позитивно, что, несомненно, справедливо. При этом существуют, говоря условно в данном контексте, и позитивные «белые пятна», например, словарь Й. Хмелы «Lateinisch-Böhmisch-Deutsches Wörterbuch nach I. J. G. Scheller's etymologischer Grundlage», изданный в 1830 г. Несмотря на то, что данный словарь является самым непосредственным «предшественником» словаря Й. Юнгманна — алфавитные указатели к словарю Й. Хмелы вышли в 1834 г. [Chmela. Ottova encyklopedie <1888–1909>; Páta 1911: 201], т. е. в тот же год, когда начал издаваться «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна, — об отношении того же Й. Юнгманна к лексикографическому труду Й. Хмелы, к сожалению, мы информацией не располагаем¹⁵¹. Хотя известно, что Й. Юнгманн упомянул имя Й. Хмелы в числе своих друзей и помощников в Предисловии к своему словарю [Jungmann 1835: VI]. Также, к примеру, Й. Пата называет словарь Й. Хмелы «необычайно основательным и содержательным» [Páta 1911: 201]. Таким образом, хотя этот лексикографический труд и оценивался весьма положительно, в отличие, например, от словарей К. И. Тама, но, по всей видимости, он не получил широкого распространения, причиной чему, скорее всего, явился изданный практически следом и мгновенно ставший, говоря современным языком, бестселлером «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна. Также можно предположить, что способ представления лексики в словаре занимал не последнее значение в восприятии большинством пользователей этих двух лексикографических работ. Во второй главе уже шла речь о возникших разногласиях при обсуждении вопроса о способе расположения словарного материала в словаре: Й. Юнгманн принял вслед за С. Б. Линде решение в пользу алфавитного способа

¹⁵⁰ См. также § 2 п. 2.2.2. второй главы.

¹⁵¹ Это обстоятельство повлияло на включение словаря Й. Хмелы в хронологическую таблицу, представленную в п. 1.1. данного параграфа, лишь на последнем этапе работы уже после выхода статьи по данной проблематике, где этот словарь не фигурирует (см.: И. Абисогмян. *К вопросу об истории чешской лексикографии эпохи национального Возрождения: опыт хронологии*. Микроязыки. Языки. Интерязыки. In honorem professori Alexandro D. Dulicenko. Tartu, 2006, с. 242–251).

(кстати, в том числе и как более удобного для пользователя), Й. Хмела написал свой словарь, используя гнездовой способ представления лексики с приложением алфавитного указателя. Кроме того издан словарь Й. Хмелы был не в Праге, а в провинциальном Градце Кралове, что, по всей видимости, также несколько снизило возможность его распространения.

Исходя из вышеприведенных доводов, из поля зрения, к сожалению, фактически исключается словарь Й. Хмелы. Не будут рассмотрены и рукописные словари Я. Прокопиуса и И. Зеберера — по тем же причинам недоступности (причем, не только для нынешних исследователей, но и для современников авторов словарей, поскольку они так и не были изданы). При этом особое место в рассуждениях о становлении лексикографической теории и практики в первый период НВ занимает, несомненно, фигура Й. Добровского; необходимо также помнить о словацком и польском «вкладе» в развитие чешской лексикографии того времени¹⁵². Начать же на этом фоне следует с выяснения истории создания первых возрожденческих словарей.

1.2.1. Об авторах¹⁵³

В меньшей степени принимая за цель «реабилитацию»¹⁵⁴ первых лексикографов эпохи НВ К. И. Тама и Ф. Я. Томсы, а также не ставя перед собой задачи, представить исчерпывающие биобиблиографические сведения о

¹⁵² Об этом шла речь во второй главе данной работы.

¹⁵³ Биографические справки составлены на основе кратких изложений жизненного пути Ф. Я. Томсы и К. И. Тама с библиографией их работ, представленных в следующих энциклопедиях и справочниках: «Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. století. Díl II. Tisky z let 1501–1800. Část VIII.» (о Ф. Я. Томсе: [Knihopis 1965: 306–310]; о К. И. Таме: [Knihopis 1965: 271–280]) и электронная версия энциклопедии Я. Отто (Ottova encyklopedie obecných vědomostí), включающая в себя «Ottův slovník naučný» (1888–1909) и «Ottův slovník naučný nové doby» (1930–1943) [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>; K. Thám. Ottova encyklopedie <1888–1909>]. Несовпадения, замеченные в этих источниках, оговорены специально, а факты биографии, получившие подтверждение или опровержение в других работах или почерпнутые из иных источников, снабжены в тексте соответствующими ссылками.

¹⁵⁴ Прежде всего имеется в виду малая изученность данного вопроса. Нам известны лишь две отдельные публикации, посвященные тем или иным аспектам деятельности К. И. Тама и Ф. Я. Томсы: В. Фляйшханс восстановил историю полемики Й. Добровского и К. И. Тама по поводу второго издания «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама, вышедшего в 1799 г. [Flajšhans 1896: 3–21]; а Я. Пруха представил анализ грамматической концепции Ф. Я. Томсы [Průcha 1963: 57–61]. Также следует указать на библиографию основных трудов этих двух деятелей чешского НВ, представленную в библиографическом справочнике «Knihopis <...>» [Knihopis 1965: 271–280, 306–310].

Ф. Я. Томсе и К. И. Таме¹⁵⁵, попытаемся, тем не менее, собрать воедино все известные нам на данный момент (в том числе и противоречивые¹⁵⁶) факты их биографий, а также представить краткий обзор основных трудов этих авторов с целью прояснения существующей в богемистике ситуации восприятия этих авторов лишь через призму сложившегося мнения о них (прежде всего о К. И. Таме) их же современников, а не посредством выяснения причин и последствий такого восприятия, а также их реальных заслуг в развитии чешского языка и языкознания и/или определения недочетов в их работе. Кроме того знание основных моментов биографии указанных авторов, а также общее представление об их творческом наследии являются основополагающей информацией при исследовании отдельных трудов¹⁵⁷ и особенно истории их создания. Также необходимо разобраться в сложном, но нередко многое предопределяющем вопросе личных и научных взаимоотношений чешских языковедов того времени, т. е. восстановить «внешнюю» историю появления первых словарей в Чехии эпохи НВ и определить их роль в дальнейшем развитии чешской лексикографии.

Thám Karel Hynek / Tham Karel Václav Ignác¹⁵⁸ (*4.11.1763 – †7.03.1816)

Карел Игнац Там родился в Праге, в Старом Месте, 4 ноября 1763 г. в семье повара, находящегося на службе в доме князей Вальдштейнов [см. также: Havránek 1974: 196].

В 1775–1780 гг. К. И. Там вместе со своим младшим, ставшим в последствии более известным, братом В. Тамом¹⁵⁹ учился в пражской Акаде-

¹⁵⁵ В том числе и потому, что в использованных в данной работе биографических справках нет сведений об изначальных источниках информации, а также в связи с тем, что мы, к сожалению, не имели возможности обнаружить подобные источники и свидетельства.

¹⁵⁶ Здесь вновь необходимо обратить внимание на скудость и зачастую противоречивость сведений о жизненном и творческом пути К. И. Тама и Ф. Я. Томсы. Особенно сложно разобраться с фактами биографии Ф. Я. Томсы. Так, например, даже даты рождения и смерти по разным источникам существенно различаются (см. далее биографическую справку о Ф. Я. Томсе).

¹⁵⁷ В данном случае словарей.

¹⁵⁸ В данной работе используется немецкий вариант имени, поскольку он чаще встречался как на титульных листах его трудов, так и в исследовательской литературе.

¹⁵⁹ *Václav Jan Šimon (Václav Alois) Thám* (*26.10.1765 – †около 1816), поэт, драматург, актер и режиссер. В 1785 г. издал первый чешский поэтический альманах в двух частях «Стихи в речи складной» (*Básně v řeči vázané*), в котором были представлены примеры чешской поэзии старшего периода, чешские переводы современной немецкой поэзии, а также поэтические произведения самого В. Тама и других чешских поэтов того времени. В. Там известен как переводчик немецких драматических произведений, как автор около 50 оригинальных пьес для чешского театра (к сожалению, кроме трех опубликованных драм, рукописи его текстов не сохранились), как известный актер и активный театраль-

мической гимназии. Затем оба брата изучали философию в Карловом университете. Согласно каталогу «Knihopis <...>», 21 августа 1782 г. К. И. Там, как и его брат В. Там, стал магистром свободных искусств и философии [Knihopis 1965: 271, 281], а исходя из данных словаря Я. Отто, К. И. Там получил степень доктора философии [K. Thám. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>; см. также: Vodička 1948: 258]. Последнее, по всей видимости, не соответствует действительности, о чем свидетельствует, в частности, подпись работы «*Ueber den Karakter der Slawen*» (1803 г.) — von Karl Ignaz Tham, der freyen Künste und Philosophie Magister.

В 1783 г. К. И. Там получил интересное предложение о работе от директора университетской библиотекой К. Р. Унгара¹⁶⁰, который поручил молодому специалисту провести опись и каталогизацию старых чешских книг, находящихся в сформированном в 1781 г. чешском отделении этой библиотеки. В этой, продолжавшейся два года работе К. И. Таму помогал его брат В. Там. 18 мая 1785 г. К. И. Там получил от К. Р. Унгара специальное свидетельство с благодарностью за проделанный труд. Получив доступ к сокровищнице чешской литературы, К. И. Там воочию познакомился с лучшими произведениями чешской литературы, обрел практические навыки исследовательского труда, и, вероятнее всего, именно эта работа дала ему необходимый импульс для дальнейшей творческой, педагогической и научной деятельности. Этот период, видимо, был самым счастливым, а при более удачном стечении обстоятельств мог бы стать прекрас-

ный деятель, участвовавший, в частности, в создании знаменитого театра «Будка» (Bouda) и способствовавший объединению авторов, пишущих для театра на чешском языке. Одной из главных заслуг В. Тама считают тот факт, что он первым из чешских авторов за основу сюжетов рыцарских драм брал события чешской истории [см., например: Dobrovský 1955: 123; V. Thám. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>; Knihopis 1965: 281; Мыльников 1982: 60–61; Rapoport 1994: 96–98; Никольский 1997: 139; Šťastný 2001: 375]. Следует также отметить, что В. Там во всех своих начинаниях находил поддержку помощь у своего брата К. И. Тама.

¹⁶⁰ Karel Rafael Ungar (*12.4.1743 – †14.7.1807), чешский литературовед, профессор, а с 1790 г. — ректор Пражского университета. До этого занимал должность библиотекаря Страховской библиотеки (Strahovská knihovna), а с 1780 г. и до конца своих дней являлся первым управляющим (директором) публичной университетской библиотеки в Праге. Известен, в частности, как основатель чешского отделения этой библиотеки, получившей название «Национальная библиотека» (Bibliotheca nationalis – Národní knihovna), а также как создатель чешской научной библиографии (*Allgemeine Böhmische Bibliothek*, 1786). Из изданных им работ выделим также публикацию с дополнениями и пояснениями произведения историка XVII в., иезуита Б. Бальбина — Bohuslav Balbín. *Bohemia docta*, 1776, — вызвавшую острую научную дискуссию, в том числе и с Й. Добровским (см. в этой связи далее текст данной диссертации) [см., например: Ungar. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>; Мыльников 1982: 68–69].

ным стартом для успешной карьеры. Однако этому не суждено было случиться.

Долгое время К. И. Там зарабатывал на жизнь частными уроками — преподавал чешский, немецкий и французский языки. Поскольку известно, что К. И. Там часто испытывал материальные трудности, можно с большой долей уверенности предположить, что репетиторством он занимался в течение всей своей жизни. Неоднократно Там пытался получить место преподавателя в различных учебных заведениях, но практически всегда получал отказ. Так, 5 октября 1784 г., видимо, в то время, когда заканчивался срок работы над каталогом чешских книг в библиотеке, К. И. Там безуспешно принял участие в конкурсе на место учителя чешского языка в Терезианской рыцарской академии в Вене. С 1789 г. некоторое время занимал место практиканта в пенсионном ведомстве г. Праги. Однако, поскольку профессиональные устремления К. И. Тама всегда были связаны с педагогикой, он продолжал участвовать в конкурсах на место учителя чешского языка. Известно, что дважды, в 1792 и 1801 гг., он подавал заявку на участие в конкурсе на место преподавателя чешского языка и литературы в Пражском университете, и вновь его постигла неудача. В дальнейшем К. И. Таму все же удалось осуществить свою профессиональную мечту: в 1802 г. он преподавал чешский язык в гимназии в г. Брно, а в 1803 г. — в Академической и Малостранской гимназиях в Праге. Й. Юнгманн в данной связи отмечал, что занятия по чешскому языку в гимназии на Старом Месте К. И. Там проводил трижды в неделю, имея на то разрешение высшего управления и получая жалование [Jungmann 1849: 355; Jungmann 1947: 160]. Однако также осталось неизвестным, как долго он занимал должность учителя в пражских гимназиях. Сведения о дальнейших поисках работы датируются 1811 г., когда К. И. Там подавал прошение о месте слуги в университетской библиотеке, в чем ему также было отказано. Последний раз и, к сожалению, вновь безрезультатно, живший в постоянной нужде и, вероятно, будучи уже серьезно больным, К. И. Там пытался получить место хранителя и писаря за год до своей смерти — в 1815 г.

В начале 1816 г. К. И. Там перенес тяжелейшее легочное заболевание, от которого он уже не оправился. 6 февраля К. И. Там был помещен в больницу братьев милосердия, где через месяц, 7 марта 1816 г., скончался. Несмотря на практически по сей день закрепившуюся весьма нелестную научную репутацию, которую К. И. Там «заслужил» во многом благодаря острой и далеко не всегда истинно научной полемике с Й. Добровским, на последнем, самом тяжелом жизненном этапе он получал поддержку (прежде всего материальную), в значительной мере именно от Й. Добровского, который также уже после смерти К. И. Тама купил гроб для похоронной церемонии, поскольку, в противном случае, К. И. Там был бы погребен в общей могиле, как большинство пациентов подобных учреждений [Flajšhans 1896: 21].

Tomsa František Jan (*4.10.1751 –†1.11.1814)

Указанные даты рождения и смерти Ф. Я. Томсы приводятся в каталоге «Knihopis <...>» [Knihopis 1965: 306], те же годы указаны в биографической справке о Ф. Я. Томсе, приведенной в статье Я. Прухи [Průcha 1963: 57]. По сведениям словаря Я. Отто, Ф. Я. Томса родился на два года позже, но на день раньше — 3 октября 1753 г., а умер не 1-го, а 17-го ноября 1814 г. [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>; ср. также, например: Jungmann 1849, 642; Томса 1901: 481–482]. Однако недавно были опубликованы сведения, подтверждающие указанные в справочнике «Knihopis <...>» даты. В 2006 г. в ноябрьском выпуске газеты, издаваемой в чешской деревне Вшень (Všeň), находящейся в округе Семилы (Semily), была опубликована небольшая заметка о Ф. Я. Томсе, приуроченная к 255-ой годовщине со дня (вернее, года) его рождения. В публикации, в частности, отмечалось, что дата рождения Ф. Я. Томсы неизвестна, а днем крещения стало 4-ое октября 1751 г., о чем сохранилась запись в метрической книге. Крещение произошло в храме св. Филиппа и Якова, находящемся в деревне Вшень. Также здесь представлены сведения о том, что умер Ф. Я. Томса 1-го ноября 1814 г. в Праге, однако место его захоронения осталось неизвестным [Obecní poviny 2006].

Франтишек Ян Томса родился в местечке Мокре у Турнова (Mokré u Turnova). Закончил среднюю школу под патронажем пиаристов в Космонашах (Kosmonoše), а последние классы гимназии посещал уже в Праге. Там же с 1772 г. изучал философию [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>; Knihopis 1965: 306] или/и немецкий язык, греческий и латынь [Průcha 1963: 57]¹⁶¹. Я. Пруха отмечает также (правда, без каких-либо указаний на место и время обучения), что, помимо гуманитарного, Ф. Я. Томса получил образование и в области естественных наук [Průcha 1963: 57].

Интересно, что и сведения о владении Ф. Я. Томсой чешским языком также несколько расходятся. Кажется, не должно быть особых сомнений, что родным языком для Ф. Я. Томсы был чешский язык, так как он родился и вырос в сельской местности [см., например: Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>; Průcha 1963: 57; Havránek 1974: 196]. Это обстоятельство, кстати, любил подчеркивать Й. Добровский, поскольку для последнего Ф. Я. Томса, как ученик и коллега, был особо ценен именно в связи с его «естественным» знанием родного языка, а не более поздним изучением языка как иностранного, что было характерно для большинства деятелей НВ, включая самого Й. Добровского, выучившего чешский язык в школьном возрасте, но не «осмеливавшегося» долгое время его применять¹⁶².

¹⁶¹ Что не является особым противоречием, поскольку изучать философию без знания классических языков в принципе невозможно.

¹⁶² Как нам кажется, не только по идеологическим соображениям, связанным с его концепцией положительного восприятия неполного функционального спектра чешского языка, но и в связи с чисто психологическими причинами,

Однако в биографической справке, сопровождающей библиографию трудов Ф. Я. Томсы в справочнике «Knižopis <...>», по поводу знания Ф. Я. Томсой чешского языка представлена следующая информация: в четвертом классе средней школы под влиянием некоего И. Бирфройнда (Ildefons Birfreund) изучил чешский язык [Knižopis 1965: 306]. Скорее всего в данном случае имеется в виду обретение навыков чтения и письма на родном языке.

Около 1775 г. Ф. Я. Томса поступил на службу в типографию «Normální knihtiskárna v Praze», занимавшуюся изданием школьных учебников и пособий [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>], где либо с 1777¹⁶³, либо со следующего 1778 г. [Knižopis 1965: 306] занимал должность переводчика на чешский язык и корректора [Průcha 1963: 57; Knížopis 1965: 306], и позже, став уже управляющим (директором), проработал там всю свою жизнь [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>]. 16 августа 1813 г. Ф. Я. Томса вышел на пенсию [Knižopis 1965: 306]. Умер (по одному из свидетельств, в страданиях и всеми забытый [Průcha 1963: 57]) в Праге 1 ноября 1814 г.

Стоит отметить, что в целом сложная судьба, которую в той или иной мере разделили и Ф. Я. Томса, и К. И. Там, не стала исключением, поскольку практически все деятели НВ, в большинстве своем являвшиеся представителями научных и литературных кругов, прошли весьма тяжелый (как в моральном, так и материальном отношении) жизненный путь. Яркими свидетельствами тому могут служить известные факты биографий Й. Добровского или Й. Юнгманна, а также многих других. Так, например, Й. Добровский долгое время страдал тяжелым душевным недугом, а Й. Юнгманну пришлось пережить потерю единственного сына. И в профессиональной сфере также не всегда удавалось достичь желаемого. Так, Й. Добровский (как и К. И. Там, а также, кстати, как и Ф. Я. Томса) неоднократно участвовал в конкурсе на место профессора чешского языка и литературы на открывшейся кафедре в Пражском университете. Однако выбор пал в 1793 г. на его соратника Ф. М. Пельцля, а в 1801 г. кафедру возглавил Я. Нейедлы (Jan Nejedlý). Также не увенчались успехом попытки Й. Добровского получить место в библиотеках Вены (в 1783 г.) и Праге — после смерти К. Р. Унгара в 1807 г. университетскую библиотеку возглавил Ф. Ф. Прохазка (František Faustin Procházka) [см., например: Dobrovský. Ottova encyklopedie <1888–1909>].

нередко вызывающими определенное чувство неуверенности даже у тех людей, которые прекрасно владеют выученным языком.

¹⁶³ С опечаткой 1877 г. вместо 1777 г. в: [Průcha 1963: 57]. Я. Пруха отмечает, что с этого года Ф. Я. Томса был принят на работу в школьную типографию в качестве переводчика и типографского представителя.

1.2.2. Краткий обзор творческого наследия К. И. Тама¹⁶⁴

Чаще всего, представляя краткую справку о К. И. Таме, исследователи выделяют два аспекта его деятельности — публицистический и лингвистический: во-первых, К. И. Там был создателем первой «Защиты чешского языка» (1783 г.), написанной на чешском же языке; во-вторых, он являлся автором большого количества учебников чешского языка и двуязычных немецко-чешских и чешско-немецких словарей. При этом обычно отсутствует информация о других работах К. И. Тама, а ведь за более чем тридцатилетний творческий путь он написал и издал более 30-ти различных произведений (учитывая переиздания словарей и учебных пособий).

Свою творческую карьеру К. И. Там начал довольно рано, но при этом с очень значимого и характерного для тех лет произведения — в 20-летнем возрасте он опубликовал достаточно объемную (48 страниц) «Защиту чешского языка против злобных его хулителей»: *Obrana Gazyka Českého proti zloblivým geho utrhačům, též mnohým vlastencům w cwičenj se w něm liknowým a nedbalým sepsaná od Karla Hynka Thama. Praha, 1783.*

Особо примечательно, что это первая «Защита чешского языка», написанная по-чешски¹⁶⁵. По свидетельству А. С. Мыльников, этот манифест стал «программным документом чешской просветительской мысли» [Мыльников 1982, 67; ср. также: Мыльников 1973: 18–19] с традиционным

¹⁶⁴ Библиографические сведения о печатных работах К. И. Тама и Ф. Я. Томсы также собраны на основе данных библиографического справочника «Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. století. Díl II. Tisky z let 1501–1800. Část VIII.» [Knihopis 1965: 271–280, 306–310 с опорой на: Jungmann 1849; Doucha 1865: 264 и 270–271], с дополнениями из листовых и электронных каталогов некоторых библиотек (в частности, Национальной библиотеки в Праге, библиотеки РАН в Санкт-Петербурге и библиотеки Тартуского университета) и из электронной версии энциклопедии Я. Отта [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>; K. Thám. Ottova encyklopedie <1888–1909>]. Сведения из других источников снабжены соответствующими ссылками.

¹⁶⁵ Таким образом, утверждение о том, что представители первого поколения будителей не писали по-чешски, не имеет обобщающего характера. И речь идет не только о К. И. Таме, но и, например, о Ф. Я. Томсе. Также способствовали развитию письменного чешского языка издатель памятников древнечешской письменности Ф. Ф. Прохазка, поэт и переводчик В. Стах (Václav Stach), библиотекарь и историк журналистики Я. Б. Длабач (Jan Bohumír Dlabáč) и ряд других активных деятелей чешского НВ [см., например: Мыльников 1982: 67]. Да и устоявшееся мнение о Й. Добровском, как об авторе, никогда не писавшем по-чешски далеко от истины. Так, к примеру, в 1804 г. появился «Сборник чешских пословиц» (*Českých přísloví sbírka*), составленный на чешском языке Й. Добровским в соавторстве с А. Пишелы (A. Pišely). Этот сборник был снабжен также вводной статьей, впервые написанной Й. Добровским по-чешски [Dobrovský. Ottova encyklopedie <1888–1909>; Мыльников 1973: 38; ср. также: Szyjkowski 1948: 14].

для жанра обращением к истории народа и лингвистической аргументацией при его восхвалении и «защите», хотя по традиции или по причине плохого знания родного языка, возможно, изначально этот текст таковым и не воспринимался¹⁶⁶. Хотя, например, в «Энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона» приводятся, в частности следующие сведения: «Эта горячая филлипка, увидевшая свет лишь благодаря тому, что именно тогда император Иосиф II даровал полную свободу печати, вызвала необыкновенное движение в чешском обществе: одни, преимущественно молодежь, приняли ее с восторгом и стали смотреть на автора как на своего вождя и руководителя; другие, так или иначе затронутые ею, не скрывали своего раздражения» [Там 1901: 590].

Несомненно, что манифест был направлен «против шляхты и тех чехов, которые стеснялись родного языка и предпочитали употреблять немецкую речь» [Мыльников 1982: 67; см. также: K. Tham. *Ottova encyklopedie <1888–1909>*; Kačer 1918: 44–45; Очерки 1963: 30]. «К. И. Там страстно обрушивался на тех, кто не видел или не хотел видеть необходимости заботы о родном языке» [Мыльников 1973: 18].

Эмоционально-обличительный тон, в котором выдержан весь текст трактата, свидетельствует об агитационном таланте его автора. Неслучайно поэтому данную «Защиту чешского языка» называют самой радикальной и по содержанию, и по ее эмоциональному восприятию [Panorama 1994: 95]. Кстати, во многом благодаря именно последнему обстоятельству этот манифест звучал особенно актуально в период становления первой Чешской республики в 1918 г.¹⁶⁷ [Kačer 1918: 45], хотя составитель публикации тамовской «Защиты чешского языка» 1918 г. К. Качер отмечал и, на его взгляд, слабые стороны данного документа, заключающиеся в том, что автор «Защиты», имея достаточное филологическое образование, особенно в области чешской лексикографии¹⁶⁸, не смог научно обосновать свой манифест. Вместо этого К. И. Там, по мнению К. Качера, довольствуется цитированием «Защит» своих предшественников, не пытаясь избегать многочисленных примеров проявления наивного мышления [Kačer 1918: 44]. Тем не менее основную задачу по «пробуждению» чешской нации, закладываемую в тексты подобного жанра, «Защита» молодого

¹⁶⁶ Кроме того в том же 1783 г. вышла «Рекомендация чешского языка и литературы» Я. Ганке (Jan / Johann Alois Hanke. *Empfehlung der böhmischen Sprache und Literatur*. Wien, 1783), написанная по-немецки, а следовательно понятная большому числу читателей того времени.

¹⁶⁷ Текст «Защиты чешского языка» К. И. Тама был переиздан в XX в. тиражом в 300 экземпляров [Thám 1918]. Кроме того уже в начале нового тысячелетия, в 2006 г., отрывки из этого манифеста были опубликованы в переводе на английский язык [Thám 2006: 202–209].

¹⁶⁸ Здесь К. Качер несколько «поспешил», так как лексикографические работы К. И. Тама появились чуть позже — первый его словарь вышел в 1788 г.

представителя чешской интеллигенции первой фазы НВ прекрасно выполняла, о чем, в частности, свидетельствует оценка Й. Добровского, данная манифестам 1783 г.: «<данные произведения Я. А. Ганке и К. И. Тама. — И. А.> побуждали чехов к проявлению бóльшего внимания к их родному языку, а других посредством демонстрации разнообразных выгод поощряли к его <resp. чешского языка. — И. А.> изучению» [Dobrovský 1955: 123].

Написание «Защиты» неслучайно совпало по времени с началом работы К. И. Тама над созданием каталога чешских книг в университетской библиотеке. Есть все основания полагать, что именно знакомство с чешской литературой разных периодов стало главным импульсом к созданию манифеста в защиту чешского языка. Важно отметить в данной связи, что посвятил К. И. Там свое первое произведение, ставшее по сути программным, директору пражской университетской библиотеки К. Р. Унгару [Thám 1918: 5; см. также: Мыльников 1973: 19].

После такого многообещающего старта творческая деятельность К. И. Тама стала развиваться по следующим основным направлениям: лингвистика (в основном учебники и словари), переводы, издание памятников чешской письменности. Прежде чем представить работы по данным разделам, необходимо отметить еще две публикации:

- (1) *O stálé věrnosti, kterouž se národ Slovanský domu Rakouského po všec-ken čas přidržel. Přečteno dne 25. září 1791 v Karolině v shromáždění učeného českého tovaryšstva všelikých umění, v přítomnosti jeho císař. král. Milosti, Leopolda II. od kněze Jozefa Dobrovského; v češtinu uvedeno od Karla Tháma mistra umění mudrckého// Kraméryusové Cýsařské Král. Nowiny, 1792, № 1, 7. ledna, s. 7–8.*

Как свидетельствует обширное название данной публикации, речь идет о переводе с немецкого языка знаменитой речи Й. Добровского, произнесенной 25 сентября 1791 г. в Карловом университете на торжественном заседании Чешского общества наук и посвященной дню коронации императора Леопольда II древней короной чешских королей, которая проходила в этот день в Праге. Немецкий оригинальный вариант этого послания под названием «Über die Ergebenheit und Anhänglichkeit der slawischen Völker an das Erzhaus Österreich» был опубликован отдельно в 1791 г. [Kubka 1926: 55–58; Мыльников 1973: 27–29; Мыльников 1982: 76–77; Dobrovský 2006: 97]. Несомненный интерес в данном случае представляет сам факт перевода речи Й. Добровского на чешский язык именно К. И. Тамом, что не особо вписывается в закрепившуюся в исследовательской литературе установку, согласно которой К. И. Там не владел чешским языком на должном уровне [Havránek 1974: 196; Šmilauer 1974: 43 и др.]. С трудом верится, что решение о выборе переводчика столь значимого текста принималось без согласия Й. Добровского. Таким образом, есть все основания полагать, что профессиональные отношения между Й. Добровским и

К. И. Тамом не были однозначно негативными и не касались только лексикографических трудов. Также известно, как минимум, еще об одном примере их сотрудничества (см. далее раздел «Издание памятников чешской письменности»). Примечательно, что и более поздний опыт их совместной работы в 1814 г. осуществлялся также на чешском языке, о котором они так спорили при обсуждении немецко-чешского словаря К. И. Тама 1799 г. Причем в последнем случае по-чешски писал уже сам Й. Добровский.

- (2) *Ueber den Karakter der Slawen, dann über den Ursprung, die Schicksale, Vollkommenheiten, die Nützlichkeit und Wichtigkeit der böhmischen Sprache.* Vorgelesen den 31. May 1803 im Hörsaale der Poetika am k. k. Prager altstädter akademischen Gymnasium von Kar Ignaz Tham, der freyen Künste und Philosophie Magister, k. k. privil. Lehrer der böhmischen Sprachkunde und Literatur. Prag, 1803.

Известно, что в 1803 г. К. И. Там подавал прошение о месте преподавателя чешского языка в пражской Академической гимназии, которое он получил. Сведения о том, как долго он там преподавал, не обнаружены. Его курс начинался с прослушивания данной лекции, впервые прочитанной им в этой гимназии, судя по названию, 31 мая 1803 г. [см. также: Jungmann 1849: 355; Jungmann 1947: 160; K. Tham. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>]. Дополненная версия этого трактата позднее была включена «Вместо предисловия» [Tham 1805a: V–LXII] в «Чешско-немецкий словарь» [Tham, <Tomsa> 1805–1807].

Данный текст представляет собой краткий обзор истории и нравов славянских племен, написанный в духе панславянских идей, за которым следует экскурс в историю чешского народа и его языка с доказательствами «совершенства, пользы и значимости чешского языка». В целом риторика данного трактата сходна с «Защитой чешского языка» К. И. Тама. Этот текст является одним из классических примеров демонстрации будительской программы, во многом опирающейся на философские идеи Гердера¹⁶⁹ и включающей в себя описания главных бед и врагов чешской нации особенно после 1620 г. [Tham 1805a: XXIV–XXVIII], а также страстный призыв изучать родной язык и преумножать его достоинства для сохранения национальной идентичности, поскольку «ничто так не отличает одну нацию от другой, как язык» [Tham 1805a: XXX]. К. И. Там вновь демонстрирует хорошее знание чешской истории и литературы, о чем свидетельствуют ссылки на соответствующие хроники, документы, научные исследования и литературные памятники, а также перечисление основных чешских

¹⁶⁹ К. И. Там (впрочем, как и многие другие деятели чешского НВ; см. также первую главу) в данной работе неоднократно апеллирует к трудам немецкого философа, подчеркивая значимость общей идеи о национальном духе, заключенном в языке.

авторов, начиная с древнейших времен, сопровождаемое призывом к каждому чеху прочесть эти книги [Tham 1805a: XXX–XXXIII].

Особый интерес представляет лингвистическая аргументация при рассмотрении лексико-семантического, грамматического и словообразовательного уровней чешского языка с традиционным для работ того времени противопоставлением с немецким языком, «доказывающая» превосходство чешского языка по всем параметрам — от фонетических до синтаксических. Приведем несколько примеров.

Так, по мнению К. И. Тама, чешскому языку свойственно «изобилие слов для обозначения понятий, мыслей в их разнообразии» [Tham 1805a: XXXIII], которое он иллюстрирует внушительным перечнем словарных статей для лексем, образованных от глагола *býti* (данный список насчитывает 110 словарных статей). Здесь представлены слова различных частей речи (*byt*, *bytný*, *bydliti*), образованных несколькими способами: префиксальным (*dobýti*, *nabýti*, *přibýti*, *zbýti*), суффиксальным (*bylost*, *bytnost*), префиксально-суффиксальным (*dobývati*, *vydobývati*, *obývání*, *obyvač*, *odbývání*, *přebývatel*, *zbytečný*), способом сложения основ (*starobylý*, *starobylost*, *všudybylý*, *živobylost*) и т. д. [Tham 1805a: XXXIV–XXXVI].

Также, по определению К. И. Тама, даже «излишним богатством» чешского языка является наличие большого количества синонимов для обозначения одного и того же понятия «во избежание неприятного для ушей повторения слова» и для демонстрации «изящества и прелести» чешского языка, например: *kostel* и *chrám* ‘костел, церковь, храм’ – *die Kirche*; *vesnice* и *dědina* ‘село, деревня’ – *das Dorf*; *spěšný* и *rychlý* ‘быстрый, торопливый’ – *schnell* [Tham 1805a: XL].

Далее, одним из «преимуществ» чешского языка, согласно будительской программе по языковому возрождению, о котором также упоминает и К. И. Там, является его «простота» в тех случаях, где «греки и немцы используют сложные слова», например: *duha* ‘радуга’ – *der Regenbogen*, *zvonice* ‘колокольня’ – *der Glockenturm*, *pec* ‘печь, духовка’ – *der Backofen*, *hrdinny* ‘героический, доблестный’ – *heldenmütig*, *hanlivý* ‘оскорбительный’ – *schmähsüchtig* [Tham 1805a: XXXVII–XXXVIII].

Обширный перечень доказательств различных достоинств чешского языка посвящен его «гармоничности», «тактичности» и «красоте», а также «приятному звучанию» чешского языка с примерами из фонетики и грамматики [Tham 1805a: XL–XLVIII].

При этом К. И. Там не отрицает факт заимствования лексики, в том числе и из немецкого языка (а часто посредством немецкого из латыни), считая их такой же принадлежностью чешского языка, поскольку они «уже в далекие времена <...> в наш диалект вошли», тем более что «в Европе не существует языка, который не одалживал бы некоторые слова у других языков, изменяя их по своей аналогии и постепенно присваивая их», т. е. адаптировал и делал «своими», например: *kostel* ‘костёл, церковь’ – *die Kirche* < *castellum*; *oltář* ‘олтарь’ – *der Altar* < *altare*; *warhany* ‘орган’ – *die*

Orgel < *organa*; *kříž* ‘крест’ – *das Kreuz* < *cruх* [Tham 1805a: XXXVIII–XXXIX]. Примечательно, что, помимо заимствований, К. И. Там обращает внимание и на другую возможность возникновения в языках «похожих» слов, которые являются свидетельством родства всех европейских языков: «все европейские языки имеют один источник, из этого первичного диалекта получили сходно звучащие, в той или иной степени измененные, слова как латинский и греческий, так и немецкий и славянские языки»; а также приводит примеры подобных слов: лат. *camera*, нем. *Kammer*, греч. *καμαρα*, чеш. *komora*; лат. *corona*, нем. *Krone*, греч. *κορυνή*, чеш. *koruna*; лат. *mater*, нем. *Mutter*, греч. *μήτηρ*, чеш. *máteř*; лат. *nox*, нем. *Nacht*, греч. *νύξ*, чеш. *noc* [Tham 1805a: XXXIX].

Таким образом, характеристика всех языковых уровней (от фонетики до синтаксиса) подчинена одной цели — методом от противного (т. е. в выигрышном для чешского языка противопоставлении чешского и немецкого языков) доказать состоятельность и высокую степень развития родного языка, а значит и всего народа и его культуры. При этом К. И. Там демонстрировал знание европейской (прежде всего немецкой) лингвистической теории, ссылаясь на работы Ф. Фулды и Й. Х. Аделунга¹⁷⁰, что было характерно, на более самостоятельном, по отношению к чешскому языку, уровне и для Й. Добровского [см., например: Jedlička 1953: 174; Hauser 1959: 51–53].

В заключительном разделе своего трактата К. И. Там поясняет «пользу и значение или необходимость чешского языка для всех сословий, для служащих в Чехии, Моравии, Верхней Силезии и Верхней Венгрии» [Tham 1805a: LV]. Значительная часть данного текста является повторением (как это часто бывает в работах К. И. Тама) предисловия к первому изданию его «Немецко-чешского словаря» 1788 г. (см. далее раздел «Лингвистические труды»). Не останавливаясь на уже неоднократно представленной К. И. Тамом аргументации в пользу изучения чешского языка, нельзя не отметить один любопытный факт. Представляя информацию о постепенно начинающемся изучении чешского языка в различных районах Габсбургской империи, что, по мысли К. И. Тама, несомненно, будет способствовать развитию находящегося в кризисном состоянии чешского языка, К. И. Там сравнивает данную ситуацию с появляющимися фактами «содействия также упавшей духовной и моральной культуры <всего> славянского народа» и в данной связи сообщает о сведениях из Санкт-Петербурга, согласно которым «22 апреля 1803 г. в Дерптском университете также открыли кафедру русского языка и литературы» [Tham 1805a: LX].

¹⁷⁰ F. C. Fulda. *Sammlung und Abstammung germanischer Wurzelwörter, nach der Reihe menschlicher Begriffe*. Halle, 1776; J. Ch. Adelung. *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache*. Bd. 1–2. Leipzig, 1782.

Дальнейшие творческие планы К. И. Тама реализовывались в следующих областях¹⁷¹:

1) Переводы, которые можно условно разделить на два, причем, в известной мере, взаимосвязанных раздела:

а) Переводы драматических произведений западноевропейской литературы. Эта деятельность начального периода творческого пути К. И. Тама была связана, как нам кажется, прежде всего с искренней и заинтересованной поддержкой театральной деятельности его брата В. Тама. При этом братья Тама придавали особое значение драматическим произведениям не только по причине пропаганды театрального искусства как одного из самых демократичных способов просвещения широких слоев населения, но и с целью распространения чешского языка и создания оригинальных чешских драматических произведений. К. И. Там вместе со своим братом и его единомышленниками (П. Шедивым, В. Стахом, В. М. Крамериусом и другими) принимал активное участие в создании чешских театральных постановок [К. Thám. *Ottova encyklopedie <1888–1909>*]. В данной связи необходимо упомянуть и об одном поэтическом произведении К. И. Тама, написанном в соавторстве с братом В. Тамом и В. Стахом. Это стихотворение с характерным «возрожденческим» названием — «Праздник чешского языка (*Swátek českého jazyka dne 25. Ledna 1785*. Praha, 1785). Ода посвящена первой театральной постановке на чешском языке по пьесе австрийского драматурга Г. Штефания-младшего «Изменник любви сыновней», осуществленной 20 января 1785 г. на сцене немецкого Ностицкого театра [Dobrovský 1955: 124–125; Мыльников 1982: 60–61]. По мнению авторов этого стихотворения, событие, произошедшее на сцене театра в тот день, «побудило впервые детей Праги прийти в храм искусства»¹⁷².

Во второй половине 1780-х гг. К. И. Там перевел (в основном с немецкого) несколько драматических произведений для чешских постановок. Это переводы шекспировского «Макбета» и шиллеровских «Разбойников» (*Makbet. Truchlohra w 5. gedn. od Shakespeara. W Česstinu vwědená od Karla Hynka Tháma*. Praha, 1786; *Laupežnjcy. Smutnohra w 5. gedn. od Fr. Schillera*. Praha, 1786), издание которых сопровождалось предисловиями, где К. И. Там разъяснял значение творчества В. Шекспира и Ф. Шиллера для европейской литературы и театра, чем также обосновывал и свой выбор

¹⁷¹ Отметим, что К. И. Там являлся также автором нескольких небольших публикаций (в основном, переводов), посвященных, в частности, императору Иосифу II, которые были приурочены ко дню его смерти, например: *Píseň na smrt císaře Josefa II.* (1790); *Poděkování za loučení cis. Josefa od jednoho starého vojáka obětované* (1790); *Popsání života Josefa II. slavné paměti* (1790) [К. Thám. *Ottova encyklopedie <1888–1909>*].

¹⁷² *Dějiny českého divadla. Národní obrození*. Praha, 1969, t. 2, s. 23. Цит. по: [Мыльников 1982: 61].

этих произведений для перевода и призывал к поддержке театральных постановок на чешском языке [K. Tham. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>]. Также К. И. Там перевел либретто к музыкальной постановке «Медеи» Ф. В. Готтера (*Medea. Hra hudební*. Praha, 1787). Вновь отметим, что в отличие от устоявшегося мнения о «плохом» владении К. И. Тамом чешским языком, в энциклопедии Я. Отто, в частности, подчеркивается, что переводы К. И. Тама превосходят подобные попытки, выполненные его современниками, благодаря правильному языковому употреблению и стилистической выдержанности [K. Thám. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>].

б) Литература развлекательно-просветительского плана для широких слоев чешских читателей, состоящая в основном также из переводов. К. И. Там в течение всей своей активной творческой жизни особое внимание уделял просветительской деятельности. С этой целью он принимал участие в подготовке к публикации различной печатной продукции, направленной прежде всего на воспитание и просвещение молодежи, а также на побуждение читателя к изучению чешского языка. Назовем некоторые публикации этого раздела:

Stoletý Kalendář od roku 1797 až do 1900-ho <...>. Od K. H. Tháma z němčiny přeložený. Brno, <1796 ?>¹⁷³.

Starý Veršovec pro rozumnou kratochvíli. Praha, 1805.

Skušnosti stvrzené a vyzkoumané prostředky k zahánění much <...>. Praha, 1806.

Všeobecné naříkání na služebné děvečky zvlášť a na čeledíny vesměs <...>. Praha, 1804.

Kniha pro chudé řemeslníky, čeled' a lid venkovský. Praha, 1813.

Poučení o dobývání hedbáví v Čechách <...>. Praha, 1813.

Vyučování v křesťanské víře a dobromravnosti. Praha, 1813; 2. vyd., 1818.

2) Издание памятников чешской письменности.

Поддерживая одно из главных направлений деятельности чешских будителей — популяризацию истории чешского народа и родного языка, — К. И. Там осуществлял также издания исторических документов и памятников чешской литературы. Имеются сведения, по крайней мере, о трех таких публикациях. Две из них связаны с одними из ключевых для идеологии НВ фигур чешской истории — Яном Жижкой, а также философии и филологии — Я. А. Коменским. Во-первых, это шестое издание одного из важнейших произведений Я. Коменского: *Komenský J. A. Janua linguarum* <...>. Vydal Karl Ignaz Tham. 6. vyd. Praha, 1805. Во-вторых, также ныне

¹⁷³ Поскольку на титульном листе год издания не указан, в данных листового каталога Национальной библиотеки в Праге вполне оправданно сделано предположение об издании этой работы в 1796 г., так как отсчет в столетнем календаре начинается со следующего 1797 г.

хранящаяся в фондах пражской Национальной библиотеки публикация одного из посланий Я. Жижки, подготовленная к изданию К. И. Тамом и вышедшая уже после его смерти в 1817 г.: Thám Karel Hynek. *List Jana Žižky*. Praha, 1817.

Особого упоминания, в контексте данного исследования, заслуживают сведения о подготовке к изданию К. И. Тамом чешского литературного памятника XV в. «Совет различных зверей и птиц» (*Kniha užitečná a kratochvilná, jenž slove Rada všelikých zvířat i ptactva*. Praha, 1814). Информация об этой публикации содержится в энциклопедии Я. Отто [Dobrovský. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>] и в книге А. С. Мыльникова «Йозеф Юнгман и его время» [Мыльников 1973: 38], где отмечается весьма любопытный факт. Публикацию «Совета различных зверей» К. И. Там задумал еще в 1803 г., однако ее издание, видимо, пришлось отложить. Позже, уже в 1814 г., Й. Добровский написал, причем на чешском языке, предисловие к этому подготовленному К. И. Тамом переизданию литературного памятника XV в. [Dobrovský. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>; Мыльников 1973: 38]. По каким причинам Й. Добровского заинтересовало это издание нам, к сожалению, не известно. Однако можно с большой долей уверенности утверждать, что данный факт свидетельствует о том, что Й. Добровский остался верен своим принципам, согласно которым прошлые дебаты никогда не становились препятствием для сотрудничества со своими бывшими оппонентами при осуществлении важной и интересной для него работы¹⁷⁴.

3) Особое внимание, несомненно, следует уделить **лингвистическим трудам К. И. Тама** (прежде всего различным словарям и учебникам чешского языка), поскольку этот аспект деятельности Тама, как первого и самого активного лексикографа периода НВ, является одним из важнейших для выяснения вопроса о становлении чешской лексикографии эпохи НВ.

Свои нереализованные в должной мере педагогические устремления К. И. Там поддерживал и демонстрировал активной деятельностью по созданию учебников, грамматик и словарей, предназначенных для изучающих чешский язык немецкоговорящих жителей Габсбургской империи и прежде всего для самих чехов. Эту мысль подтверждает, в частности, посвящение К. И. Тама, высказанное в предисловии ко второму изданию учебника «*Böhmische Grammatik zum Gebrauche der Deutschen* <...>» (1798 г.): «Особое посвящение моим соотечественникам — чехам» [Knihopis 1965: 273].

Учитывая факт многочисленных переизданий этих трудов К. И. Тама, можно сделать заключение о том, что, во-первых, в Чехии того времени

¹⁷⁴ Ср., к примеру, историю возникновения разногласий между Й. Добровским и К. Р. Унгаром (см. далее п. 1.3. данного параграфа), не повлиявшую на установление между ними как профессиональных, так и личных дружеских отношений [см. также: Dobrovský. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>; Ungar. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>].

существовала большая потребность в подобной учебной литературе, а во-вторых, что К. И. Там, по-видимому, был одним из популярных авторов в этой области. Остановимся на некоторых изданиях.

Учебные пособия по чешскому языку:

(1) Первый и, пожалуй, самый известный учебник, написанный К. И. Тамом — *Kurzgefasste böhmische Sprachlehre nebst böhmischen, deutschen und französischen Gesprächen und Auszügen aus den besten böhmischen Schriftstellern*. Prag und Wien, 1785. [2. Aufl., 1798; 3. Aufl., 1800; 4. Aufl., 1801; 5. Aufl., 1804].

Указанные переиздания этого учебника выходили под названием «*Böhmische Grammatik zum Gebrauche der Deutschen* <...>» [Knihopis 1965, 273, 279; Cuřín 1985, 75–76]. Данное учебное пособие, по всей видимости, действительно пользовалось большой популярностью, поскольку почти через 40 лет после выхода первой версии учебника, в 1821 г. вышло еще и шестое издание, подготовленное В. Ганкой: *Thám Karel Hynek. Böhmische Sprachlehre*. Hg. von W. Hanka. 6. Aufl. Prag, 1821 [Jungmann 1849: 370; Doucha 1865: 264].

Спрос на этот учебник, как нам кажется, не в последнюю очередь был обусловлен и выполнением одного из основных постулатов языковых реформ, осуществлявшихся в эпоху чешского НВ: примеры для данного учебного пособия К. И. Там черпал из произведений лучших чешских авторов «золотого» XVI в.: из текстов В. Гайека из Либочан, Д. А. Велеслава, а также Я. А. Коменского и др. [К. Thám. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>]. Смело даже для эпохи НВ звучит предисловие к этому учебнику, в котором подчеркивается особое положение и значение чешского языка в Австрийской империи: «Чешский язык является одним из наиболее значимых языков Австрии. Славянская или чешская речь имеет распространение не только в Чехии и Моравии, но и в Венгрии, Польше, Силезии, Словении, Хорватии, Далмации, Каринтии и Штирии. Говорят, что об этом знал и император, когда в 1776 г. учредил кафедру чешского языка в Венском университете. А ведь недавно некоторые хотели чешский язык уничтожить» [Цит. по: Cuřín 1985: 75–76].

В качестве необходимого дополнения к данному учебнику К. И. Там, начиная со второго издания «Грамматики чешского языка» (1798 г.), выпускал также и учебные словари: *Kleines deutsch-böhmisches Wörterbuch, oder Sammlung der zum Böhmisch-sprechen nöthigsten Wörter, Redensarten und Sprichwörter, zum Behufe der Deutschen*. Herausgegeben von Karl Ignaz Tham. Ein Anhang zu dessen böhmischer Grammatik. Prag, 1799 [2. Aufl. 1802¹⁷⁵; 3. Aufl. 1804]. Два издания (причем, второе вышло через 21 год после смерти автора) выдержали и карманные двуязычные словари К. И. Тама, также предназначенные в первую очередь для практического изучения чешского

¹⁷⁵ Это издание обнаружить не удалось [Knihopis 1965: 280].

языка: *Neuestes möglichst-vollständiges deutsch-böhmisches und böhmisch-deutsches Taschen-Wörterbuch*. I–II. Prag, 1814–1818. [2. Aufl., 1837].

(2) Также несколько переизданий выдержало учебное пособие по чешскому языку для немцев с весьма многообещающим названием «Легкий и основательный метод за короткое время научиться говорить, читать и писать по-чешски»: *Leichte und gründliche Methode in kurzer Zeit ächt böhmisch auszusprechen, zu lesen und zu schreiben*, für Deutsche zweckmäßig eingerichtet und herausgegeben von Karl Ignaz Tham <...>. Prag, 1800 [2. Aufl., 1808¹⁷⁶; 3., Aufl. 1811]. Уже после смерти К. И. Тама было опубликовано еще один подобный учебник: *Kunst in drei Monaten Böhmisch lesen, verstehen, schreiben und sprechen zu lernen*. Nach den beliebten Hästnerschen Sprachgrundsätzen bearbeitet von Karl Ignaz Tham. Prag, 1815, — который можно рассматривать и как возможное четвертое, правда несколько сокращенное издание¹⁷⁷. В данном случае К. И. Там выбрал известную еще с древних времен форму обучения в виде диалога учителя с его учениками, задающими вопросы о чешском алфавите, основных правилах чешской орфографии и орфоэпии. Подробно представлены также различные типы склонений и спряжений с обязательным переводом всех примеров на немецкий язык и с обширными комментариями с разъяснениями.

(3) *Böhmische und Deutsche Gespräche oder gründliche Anleitung in der möglichsten Geschwindigkeit böhmisch sprechen zu lernen*. <...> für alle, welche des beständigen Umgangs mit gebornenen Böhmen, der Grammatik und des augenblicklichen Dollmetschers entbehren müssen; enthaltend eine Sammlung von böhmisch-deutschen Gesprächen, über alle nur mögliche Gegenstände des gesellschaftlichen Lebens, nebst einer vollständigen und fäßlichen Anweisung, die Aussprache gründlich zu erlernen, nach dem Muster der zu Strasburg und Paris herausgekommenen französisch deutschen Gesprächen eingerichtet, von Karl Ignaz Tham. Prag, 1811 [2. Aufl., 1814?¹⁷⁸]. При создании этого пособия К. И. Там воспользовался своим знанием французского языка и взял за основу француско-немецкий оригинал. Как и в предыдущих случаях, необходимо отметить умение К. И. Тама «расположить к себе» потенциального покупателя своих учебников: автор намеренно создает и успешно использует рекламу, заключенную уже в самих названиях учебников.

(4) Karl Ignaz Thams *Lehrbuch für Anfänger in der böhmischen Sprache in grammatischen und syntaktischen Uebungen*. Nebst den beliebten Langischen

¹⁷⁶ По сведения каталога «Knihopis <...>» данное издание не сохранилось [Knihopis 1965: 274].

¹⁷⁷ Объем «*Leichte und gründliche Methode <...>*» составляет 260 страниц, а «*Kunst in drei Monaten Böhmisch <...> zu lernen*» — 175.

¹⁷⁸ Известно, что существовало и второе издание этого разговорника, вышедшее, скорее всего, в 1814 г. Более точных сведений обнаружить не удалось, в том числе и потому, что не сохранился ни один экземпляр этого издания [Knihopis 1965: 272].

Gesprächen in böhmischer Sprache, wovon jedes mit Formeln und Nachahmungen zur Uebersetzung für Anfänger verstehen ist, sich richtig im Böhmischen auszudrücken, fast spielend beygebracht wird. Nach einem gleichartigen pohlischen Lehrbuche bearbeitet. Prag, 1817. Приблизительно половину учебника занимает разговорник под названием «Hundert sehr gemeinnützige Gespräche. Aus dem Pohlischen ins Böhmische übersezt, und zum Behufe der Anfänger mit Anmerkungen, Formeln und Nachahmungen verstehen». К сожалению, кроме библиографических сведений, другой информации об этом учебнике для начинающих обнаружить не удалось. Интерес представляет обращение К. И. Тама в данном случае к родственным славянским сопоставлениям (кстати, как к одной из главных на тот период составляющих процесса становления языкознания и самой языковой эволюции) — на этот раз К. И. Там в качестве образца использовал учебник польского языка для немцев, а не подобные французско-немецкие издания, как это было прежде.

Особое и далеко не однозначное отношение, в первую очередь у современников, вызывали лексикографические работы К. И. Тама, история создания которых, а также суть споров Й. Добровского с К. И. Тамом, вызванных разногласиями по поводу построения лексикографической концепции и не только, рассмотрены далее в разделе «Процесс становления лексикографической теории и практики в эпоху национального Возрождения»¹⁷⁹.

В целом же все работы К. И. Тама, на наш взгляд, подчинены однажды выбранной главной цели, заключающейся в воспитании и просвещении нового по-чешски думающего и говорящего поколения жителей Чехии¹⁸⁰, которое проводилось К. И. Тамом на фоне отношения к родному языку как к истинной ценности. Таким образом, вполне справедливым является отношение к трудам К. И. Тама как к практическим пособиям по изучению чешского языка *того периода*, а не как к теоретическим сочинениям, направленным на обоснование и формирование норм чешского литературного языка нового времени, тем более что прагматическая направленность¹⁸¹

¹⁷⁹ Хронологический список всех словарей К. И. Тама см. в таблице, представленной в п. 1.1. данного параграфа.

¹⁸⁰ Подчеркнем — именно жителей вне зависимости от их национальной принадлежности или родного языка, поскольку его учебники предназначались как для немцев, так и для чехов (по преимуществу онемеченных). Таким образом, можно говорить и об интеграционном значении работ К. И. Тама (впрочем, как и многих других авторов того времени), созданных в период, в течение которого господствовала идеология построенная, напротив, на основе национальной конфронтации.

¹⁸¹ Кстати, практически всегда указанная уже в самих названиях его работ и в предисловиях. Приведем строки из предисловия ко второму изданию «Немецко-чешского словаря» 1799 г.: «Поэтому я уже заранее уверен, что данное из-

основных работ К. И. Тама (в основном это учебная и развлекательная литература) свидетельствует об отсутствии целевой установки на создание какой-либо теории. Можно с полной уверенностью утверждать, что при всех возможных недочетах в его работе, касающихся прежде всего теоретических основ его научно-просветительской деятельности, с поставленной задачей К. И. Там вполне успешно справился, о чем свидетельствовал, в частности, спрос на его учебники и учебные словари и их многочисленные переиздания.

1.2.3. Краткий обзор творческого наследия Ф. Я. Томсы

Ф. Я. Томса, так же, как и его коллега и оппонент К. И. Там, являлся первопроходцем во многих областях зарождающегося чешского языкознания. Прежде всего он известен как автор первой грамматики чешского языка и первого чешско-немецко-латинского словаря эпохи НВ, а также как переводчик и составитель текстов развлекательно-просветительского и учебного характера, предназначенных для школьников и молодежи. Кроме того в период с 1809 по 1812 гг. Ф. Я. Томса, совместно с Й. Руликом (Jan Rulík), являлся редактором газеты «Krameriusovy c<ísařské> k<rálenské> vlastenec<ké Noviny» [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>; Knihopis 1965: 306]. Соответственно можно выделить два основных направления его творческой и научной деятельности:

1) Лингвистические труды.

Ф. Я. Томса — автор десяти работ, посвященных различным аспектам грамматики чешского языка, и трех словарей¹⁸². Общим местом практически всех упоминаний о Ф. Я. Томсе является факт его сотрудничества с Й. Добровским, в рамках которого Томсе, как правило, отводился лишь роль транслятора идей его великого учителя, что во многом предопределило исследовательскую «судьбу» многих его научных работ. В данной связи приведем характерную цитату: «Солидные работы Томсы возвышаются над более ранними и современными сочинениями такого рода <имеются в виду словари и работы по грамматике. — И. А.> главным образом из-за влияния Добровского, с которым он находился вплоть до смерти в дружеских отношениях. Добровский научил Томсу никогда не искать источники для грамматики и словаря в собственной голове, а только в хороших старых текстах и в живой народной речи, а все проверять и объяснять необходимо сравнением с другими славянскими языками. Томса стал практиче-

дание будет полностью отвечать не только пожеланиям и требованиям любителей, но и *будет соответствовать потребностям учащихся* <курсив наш. — И. А.>, и это будет наилучшей похвалой за мой труд, за мою пчелиную работу» [Tham 1805c: <LXXI>].

¹⁸² История создания и издания словарей Ф. Я. Томсы, как и словарей К. И. Тама, рассмотрена далее в контексте общей истории становления чешской лексикографии в эпоху НВ (см. п. 1.3. данного параграфа).

ским и популярным толкователем идей Добровского <...>» [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>].

Отметим, что основные области своих научных интересов Ф. Я. Томса определил в самом начале своего творческого пути, опубликовав в период с 1782 по 1789 гг. грамматику чешского языка (1782 г.), первую работу по чешской орфографии (1782 г.), первый малый немецко-чешский словарь (1789 г.), а уже через два года, в 1791 г., большой чешско-немецко-латинский словарь. При этом во многих трудах Ф. Я. Томсы прослеживались тенденции дальнейшего развития чешского языка и науки о нем, которые проявились или закрепились позднее. Учитывая большой корпус текстов, представленных также далее во втором разделе данного обзора трудов Ф. Я. Томсы, нельзя не подчеркнуть его невероятную трудоспособность и преданность своему делу.

(1) Первой лингвистической работой Ф. Я. Томсы был **учебник чешского языка** для немцев¹⁸³ — *Böhmische Sprachlehre*. Prag, 1782, — ставший первым учебным пособием такого рода эпохи НВ. Издана эта работа была, как и практически все произведения Ф. Я. Томсы (нередко за счет автора), в школьной типографии, в которой он проработал всю свою жизнь.

Ф. Цуржин перечисляет основные характеристики этого труда, дающие представление о грамматической концепции чешского языка, которой придерживался Ф. Я. Томса: знание национальной истории и старочешского языка (словоформам последнего отдавалось предпочтение); использование разговорных вариантов («того, как говорит „*der gemeine Mann*“ (простой человек)») и диалектных форм; приведение примеров из других славянских языков, в том числе и из старославянского; использование в качестве источников текстов классической чешской литературы [Cuřín 1985: 74]. Таким образом, предлагался не просто учебник чешского языка, а один из первых вариантов практического решения задачи по возрождению языка, который соответствовал основным параметрам как языковой концепции Й. Добровского, так и общей программе возрождения чешского языка и нации. При этом привлекает внимание проявление личностного фактора при работе над грамматикой, что было свойственно, например, для В. Я. Росы и будет характерно в той или иной степени для многих будителей уже второго поколения. Так, Ф. Я. Томса, в отличие от Й. Добровского не отказывался от приведения различных (например, словообразовательных) вариантов одного слова, но вместо теоретического обоснования наиболее приемлемой формы, нередко просто выделял понравившееся ему самому слово, например: «*koroptva, kuroptva, kuroptev* “*mir gefällt am besten kuroptev*”» [Цит. по: Cuřín 1985: 74].

¹⁸³ Есть основание полагать, что, как и в случае с учебниками К. И. Тама, по всей видимости, прежде всего для онемеченных чехов.

Эта грамматика Ф. Я. Томсы обычно рассматривается в сравнительно-сопоставительном аспекте с традиционно оцениваемыми (как три наиболее качественные) грамматиками Ф. М. Пельця (*Grundsätze der böhmischen Grammatik*. Prag, 1795) и Й. Добровского (*Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache*. Prag, 1809) [Gebauer 1894: IX–X; Havránek 1979: 88–90; Cuřín 1985: 73–77]. Главным в подобной оценке этих трудов вновь стал факт сотрудничества и Ф. Я. Томсы и Ф. М. Пельця с Й. Добровским, который всегда трактовался как следование предложенными Добровским принципам построения грамматической теории с некоторыми «несколько разняющимися подробностями» [Havránek 1979: 88]. В целом характеристика этих грамматик чешского языка сводится к тому, что «кодификация <чешского языка. — И. А.>, предложенная Томсой, является наиболее приближенной к современному узусу, а кодификация Пельця наиболее консервативна», поскольку Томса часто опирался на грамматики XVII–XVIII вв., а Пельць пытался возродить норму чешского языка XVI в. На этом фоне появившаяся в 1809 г. «Подробная грамматика чешского языка» Добровского, несомненно, демонстрировала «ясную рациональную систематизацию и безошибочное знание фактов» [Havránek 1979: 88; ср. также: Bělič 1953: 200; Jedlička 1959: 6–7]¹⁸⁴. Возникавшие же негативные оценки грамматики Ф. Я. Томсы, на наш взгляд, были связаны с распространенным особенно в первой половине XX в. неоднозначным и скорее даже негативным отношением к чешскому обиходно-разговорному языку (*obecná čeština*), поскольку грамматика Ф. Я. Томсы демонстрировала некоторые возможности сближения литературного и разговорного вариантов языка [Helcl, Svoboda, Hauptová 1954: 230; Průha 1963: 57–58].

Как уже отмечалось, работы Ф. Я. Томсы и К. И. Тама также часто рассматриваются в одном контексте. При этом практически все исследователи со ссылкой на оценку, данную опять-таки Й. Добровским, отмечают (к слову сказать, без какого-либо аналитического обоснования) более низкий качественный уровень грамматик К. И. Тама [см., например: Cuřín 1985: 75–76] и даже недоумевают по поводу переизданий работ именно К. И. Тама, а не Ф. Я. Томсы¹⁸⁵ [см., например: Průha 1963: 60].

В дальнейшем Ф. Я. Томса подготовил еще одно учебное пособие: *Elementarwerk der böhmisch-deutsch und lateinischen Sprache*, entworfen von

¹⁸⁴ Подробнее о кодификации чешского литературного языка, предложенной Ф. Я. Томсой, см.: [Cuřín 1985: 74], а также, правда, на наш взгляд, без достаточного анализа: [Průha 1963: 57–60], где, кстати, в заключительной части вдруг декларируется прямо противоположная точка зрения: «В “Böhmische Sprachlehre” <Ф. Я. Томсы. — И. А.> значительного влияния Добровского не обнаруживается» [там же: 60]

¹⁸⁵ О возможных причинах такого положения дел см. далее п. 1.3. данного параграфа.

Franz Johann Tomsa. Erstes Bändchen. Prag, 1784. Однако и его издание ограничилось лишь указанной первой частью.

В 1800 г. был опубликован еще один учебник чешского языка Ф. Я. Томсы, в котором особое внимание было уделено чешскому произношению и навыкам чтения: *Über die Aussprache der čechischen Buchstaben, Sylben und Wörter nebst Lesenübungen*. Von Franz Tomsa. Prag, 1801. Я. Пруха отмечал, что эта работа долгое время оставалась единственным пособием по чешской орфоэпии [Průha 1963: 57].

Активно занимаясь переводческой и редакторской деятельностью, а также создавая учебники для школ, Ф. Я. Томса, как любой творчески мыслящий преподаватель и/или переводчик, в первую очередь обращал внимание на самые сложные и специфические для изучаемого языка (или языка перевода) категории и реалии и пытался дать им наиболее адекватное объяснение. К публикациям такого рода, несомненно, относится работа «О значении, спряжении и употреблении чешских глаголов» — *Über die Bedeutung, Abwandlung und Gebrauch der čechischen Zeitwörter*. Mit dreißig čechischen und deutschen Gesprächen und Erzählungen; dann folgt etwas aus der Naturlehre, elf čechische Oden, endlich die Recension meines Werkchens über die Aussprache der čechische Buchstaben, Sylben und Wörter, aus den Annalen der ösrerreichischen Literatur. Von Franz Tomsa. Prag, 1804. Известно, что в этой работе Ф. Я. Томса не стал придерживаться предложенной его предшественником П. Долежалом¹⁸⁶ концепции спряжения глаголов согласно их распределению по форме инфинитива на 6 классов, которую Томса использовал в своей «*Böhmische Sprachlehre*». Здесь автор следует более унифицированной системе Й. Добровского, которая предусматривала лишь два типа спряжения чешских глаголов¹⁸⁷ [Průha 1963: 60].

Ф. Я. Томса был первым и в деле создания также столь значимой для периода НВ истории чешского языка, которую он продемонстрировал на текстах чешской литературы разных эпох: *Über die Veränderungen der čechischen Sprache, nebst einer čechischen Chrestomatie seit dem dreizehnten Jahrhunderte bis jetzt*. Von Franz Tomsa. Prag, 1805. Первая, теоретическая, часть работы (с. 9–62) состоит из пяти разделов, посвященных описанию изменений, произошедших в процессе эволюции чешского языка в алфавите, в словарном составе, в словоизменении (resp. морфологии) и синтаксисе, а также в орфографии. На следующих 200 страницах пред-

¹⁸⁶ P. Doležal. *Grammatica slavico-bohemica*, in qua praeter alia ratio accuratae scriptio-
nis et flexionis, quae in hac lingua magnis difficultatibus laborat, ex genuinis fun-
damentis demonstratur. Prešpurk, 1746.

¹⁸⁷ Хотя стоит отметить, что в дальнейшем сам Й. Добровский еще раз пересмо-
трел глагольную парадигму и в своей грамматике 1809 г. в глагольном слово-
образовании стал исходить из инфинитивной основы, а при формировании си-
стемы спряжения — из основы настоящего времени, в связи с чем было выде-
лено 7 групп разных спрягаемых форм [см., например: Průha 1963: 60].

ставлена «Чешская хрестоматия». Следует особо подчеркнуть, что чешские тексты разных эпох приводятся с сохранением графики оригиналов, каждый текст снабжен справкой об авторах и/или месте обнаружения и хранения того или иного литературного памятника и подробными комментариями.

Ф. Я. Томса также является автором одной из «Защит чешского языка»: *Von den Vorzügen der čechischen Sprache, oder über die Billigkeit und den Nutzen die čechische Sprache zu erhalten, empor zu bringen, und über die Mittel dazu*. Prag, 1812, — в которой традиционно для данного жанра подчеркивается необходимость сохранения и «приведения в хорошее состояние» (resp. преобразования) чешского языка [Tomsa. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>]. Интересно, что в отличие от К. И. Тама, начавшего свой творческий путь с подобного произведения, Ф. Я. Томса свою защиту пишет гораздо позже, как бы подводя итоги своей деятельности. При этом только декларативными заявлениями, характерными для подобных сочинений, Ф. Я. Томса не ограничивается. Данная работа, как нам представляется, действительно, являлась итоговой для Ф. Я. Томсы, поскольку он вновь заостряет внимание на своих «излюбленных» особенностях чешского языка, резюмируя свои предыдущие работы по правописанию и чешским глаголам. Так, здесь представлена фонетическая система чешского языка с большим количеством примеров передачи чешских звуков на письме; разъясняются значения чешских глаголов, демонстрируются богатые словообразовательные возможности чешского языка на материале глаголов с различными префиксами, а также употребление глагольных лексем, в том числе и в устойчивых оборотах.

(2) Особой областью научных интересов Ф. Я. Томсы, тесно связанных с его практической деятельностью в типографии, стала **чешская орфография**, которой посвящен целый корпус его текстов.

Каждодневная работа в типографии привела Ф. Я. Томсу к мысли о реорганизации чешского письма. Дело в том, что в то время использовался готический шрифт не только для текстов на немецком, но и на чешском языке. Ф. Я. Томса пытался вернуть, несомненно, наиболее приемлемый вариант чешского письма — так называемую «латинку» (латинское письмо), известную по чешским публикациям более раннего времени [Tomsa. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>; Томса 1901: 481–482; Průha 1963: 60]. В частности, он начал таким способом издавать буквари и школьные учебники, а также написал работу, которая внесла неоспоримый, хотя далеко не всеми и сразу адекватно оцененный вклад в развитие чешской системы письма и орфографии: *Uvedení k české dobropísemnosti v císařských královských zemích*. Praha, 1782. [2.vyd. 1784¹⁸⁸]. Существуют данные о том, что

¹⁸⁸ Я. Пруха пишет, что данная работа Ф. Я. Томсы была опубликована трижды в 1782, 1784 и 1788 гг. [Průha 1963: 60–61], хотя в справочнике «Knihopis <...>» речь идет лишь о двух задокументированных изданиях 1782 и 1784 гг.

первое издание этого пособия-рекомендации не сохранилось [Knihopis 1965: 309], а уже через два года вышло его переиздание. Данное обстоятельство, на наш взгляд, является ярким свидетельством возникшей необходимости в реорганизации чешского правописания, что, в свою очередь, было предопределено возрождением чешского письменного языка, начинающего свою новую жизнь в публицистике, художественной литературе и подготавливающего почву для функционирования в научной сфере. Так, в частности, именно в этой работе впервые было предложено использование буквы *í* вместо *j* или лигатуры *ij* для долгого *í*; буквы *j* вместо *g* для *j*; буквы *g* вместо *ǵ* для *g*; протетического *v-* вместо *u-* [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>; Průha 1963: 61].

Кроме того, чуть позже Ф. Я. Томса опубликовал также небольшое учебное пособие по чешской орфографии, предназначенное для чешских школ: *Naučení jak se má dobře česky psát. Pro české školy*. Praha, 1793. [2.vyd. 1800]. Была издана также немецкая версия этой работы — *Über die čechische Rechtschreibung mit einem Anhang, welcher dreizehn čechische Gedichte enthält*. Von Franz Tomsa. Prag, 1802.

В 1812 г. Ф. Я. Томса опубликовал свою последнюю работу по чешской орфографии, написанную по-немецки: *Grössere čechische Orthographie, gemeinlich böhmische Orthographie genannt; mit zwei Anhängen, der erste enthält zein alte čechische Fabeln, der zweite aber eine Probe, wie nach der hier vorgeschlagenen und größtentheils, eingeführten čechischen Orthographie alle slawische Dialekte geschrieben werden könnten*. Von Franz Tomsa. Prag, 1812. Этот труд вновь подтверждает поддерживаемую Ф. Я. Томсой стратегию языковых преобразований эпохи НВ и, что следует из названия работы, демонстрирует одну из возможностей воплощения в жизнь идеи славянской взаимности на примере системы чешского письма и орфографии. Последнее обстоятельство может служить одним из объяснений, почему эта работа была написана на немецком языке — языке-посреднике, которым в то время владели многие славянские народы.

Следует отметить, что предложенные и теоретически обоснованные Ф. Я. Томсой реформы в области графики и орфографии поначалу не вызвали одобрение и даже были официально запрещены. Также вплоть до 1848 г. основным шрифтом, используемым в типографиях, оставался готический шрифт [Průha 1963: 61]. Однако дальнейшее развитие чешского языка и языкознания подтвердило правоту Ф. Я. Томсы, равно как и, например, Й. Юнгманна и П. Й. Шафарика, которые также в свое время активно пропагандировали преобразования в области чешской орфографии, о необходимости которых впервые в эпоху НВ заявил Ф. Я. Томса.

2) Будучи приверженцем основных идей чешского НВ и работая всю свою жизнь в типографии, занимающейся публикацией в основном школь-

[Knihopis 1965: 310; см. также: Jungmann 1849: 368; Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>].

ной литературы, Ф. Я. Томса также не оставался в стороне от **просветительской деятельности**. С данной целью им был издан (нередко, как уже отмечалось, за собственный счет или на пожертвования) целый корпус текстов, среди которых можно выделить:

(1) Издание памятников чешской письменности, самым известным из которых является: *Tobolka zlatá*. Vyd. od Šimona Lomnického z Budče. Praha, 1791. Известно, что впервые это сочинение, посвященное осуждению греха скупости, было опубликовано в 1615 г. [Lomnický. Ottova encyklopedie <1888–1909>]. Кроме того Ф. Я. Томса переиздал еще одну книгу этого автора: *Koncyonál, aneb Písň nově hystorické, na dni sváteční přes celý rok*. V nově vřdaná 1595 od Šimona Lomnického z Budče. Praha, 1808.

Причем, помимо просветительской цели, в данном случае Ф. Я. Томса решал и другую не менее важную задачу по возрождению и стимуляции литературной деятельности на чешском языке [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>].

(2) Составление и издание учебной литературы для чешских школ (*školní knihy*), например:

Knihy čítací pro školy městské a venkovské; katechismus větší i menší, čtení a evangelia, slabikáře. Praha, 1777¹⁸⁹.

Bajky a povídky pro školy. Praha, 1777.

Nešťastné příhody k výstraze nezkušené mládeži. Praha, 1794; 2. vyd., 1820.

Knička mravná s 60 hystorijemi a povídkami pro dítky. Praha, 1810.

Здесь же стоит упомянуть оставшийся в рукописи перевод с немецкого учебника «*Přírodopis pro děti*», отрывки из которого публиковались в III и IV-ом номере журнала Я. Нейедлого «*Hlasatel*» [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>].

(3) Литература развлекательно-просветительского характера (так называемая литература для народа — *literatura pro lid*), в большинстве своем представляющая переводы с немецкого языка. Тематика этих изданий отчасти традиционна — это тексты религиозной и нравоучительной направленности. При этом значительную часть составляют произведения, отражающие интерес Ф. Я. Томсы к естественным наукам и стремление к их популяризации. Назовем некоторые публикации этого раздела:

Dobře miněné volání na všechny sedláky. Praha, 1785.

Laciny prostředek, jak se z špatných polí živná píce dostati může. Praha, 1787.

Kniha bídy a pomoci pro sedlský lid. Brno, 1789 a Praha 1791.

Katechyzmus o zdraví pro chrámy a školy. Praha, 1794.

Modlitby pro křesťany katolické. Praha, 1803.

¹⁸⁹ Эта работа выдержала несколько изданий, последнее из которых датировано 1812 г. [Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909>].

Křesťan při smrti. Kázání. Předmluva od J. Al. Schneidra. Přel. od F. J. Tomsy. Praha, 1803.

Spůsob, jak by se dal vypleniti všechen hmyz. Praha, 1810.

Особого упоминания заслуживает работа — *Měsíční spis pro poučení a obveselení lidu obecného*. 12. sv. Praha, 1787. Данная работа Томсы, по мнению авторов энциклопедии Я. Отто, является одним из лучших образцов чешской публицистики эпохи Просвещения [Tomsa. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>].

Главной заслугой Ф. Я. Томсы считают его (как нам кажется, не в должной мере оцененный) вклад в развитие чешского образования, в том числе и в обучение самому чешскому языку. Не менее важным, а нередко и «пророческим» (например, реформы в области правописания, тенденции по сближению письменной и разговорной форм языка) для дальнейшего развития как чешского языка, так и чешского языкознания явилось значение его лингвистических трудов [см., например: Tomsa. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>].

Исходя из существующих характеристик деятельности Ф. Я. Томсы, необходимо выделить два ключевых момента: 1) тесное сотрудничество Ф. Я. Томсы с Й. Добровским и 2) особо акцентируемый тем же Й. Добровским, а в последствии и другими учеными факт происхождения Ф. Я. Томсы из деревенской среды, что предопределило владение им «правильным» чешским языком. Как уже отмечалось, чаще всего об этом упоминается в контексте, связанном со знанием чешского языка К. И. Тамом, который был уроженцем Праги, а значит, владел далеким от первоначальной «чистоты» родным языком¹⁹⁰ [см., например: Navránek 1974: 196; Navránek 1979: 88; Šmilauer 1974: 43; ср. также: Průcha 1963: 59].

При этом, по нашему мнению, именно первое обстоятельство повлияло на в целом позитивное отношение современников и последующих исследователей к трудам Ф. Я. Томсы, как к лингвистическим работам довольно высокого научного уровня, и одновременно, как это ни парадоксально звучит, на «низкий» уровень исследовательского интереса к его работам. Основопологающим фактором такого положения дел — с другими акцентами, но по существу так же, как и в случае с К. И. Тамом, — вновь послужил авторитет Й. Добровского, поскольку, как уже неоднократно отмечалось, факт длительных и тесных научных контактов Й. Добровского и Ф. Я. Томсы практически всегда воспринимался исследователями односторонне, как отношения между учителем и его верным учеником и последователем. Как пытался (правда, весьма фрагментарно) показать Я. Пруха, многие работы Ф. Я. Томсы на самом деле отличались самостоятельным подходом к тем или иным языковым явлениям [Průcha 1963: 60–61]. Тем не менее, говоря, например, о его лексикографических трудах, все исследова-

¹⁹⁰ В данной связи см. также п. 1.2. данного параграфа.

тели прежде всего отмечают факт сотрудничества Ф. Я. Томсы с Й. Добровским в этой работе, который априори воспринимается как следование всем указаниям Добровского, при этом особое внимание уделяют предисловию к «Чешско-немецкому словарю» Ф. Я. Томсы 1791 г., написанному Й. Добровским и имеющему по сути значение отдельного от данной лексикографической работы научного труда по чешскому словообразованию и морфологии. Несомненно, эта работа Й. Добровского [Dobrowsky 1791b: 11–32] вошла в корпус основополагающих и ставших классическими работ по чешской грамматике, однако, как это нередко бывает, «затмила собой» первоначальную задачу данного издания — сам чешско-немецко-латинский словарь Ф. Я. Томсы, а в дальнейшем, как нам представляется, и все его научное наследие.

1.3. Процесс становления лексикографической теории и практики в эпоху национального Возрождения

Итак, в период НВ появилось немало различных по своей направленности и по качеству словарей, в основном двуязычных [см., например: Tham 1788; Tham 1799; Tomsa 1791; Dobrowsky 1802–1821; Tham, <Tomsa> 1805–1807; Palkowitsch 1820–1821; Jungmann 1835–1839 и др.]. Процесс создания этих словарей основывался с учетом предшествующей лексикографической традиции¹⁹¹ и на определенных теоретических предпосылках, направленных на формирование собственных лексикографических принципов, о которых речь пойдет ниже. Кроме того, словарь, как известно, является продуктом «эпохи»: «Его создание во многом зависит от конкретных культурно-исторических условий, от состояния теоретической лингвистики, от текстовых материалов, которыми пользуются лексикографы» [Дубичинский 1992: 140].

Для выявления основных этапов в истории чешской лексикографии эпохи НВ необходимо охарактеризовать общую ситуацию и воззрения некоторых представителей чешского языкознания этого периода, касающиеся формирования чешской лексикографической теории и практики до выхода в свет фундаментального пятитомного «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна [Jungmann 1835–1839], ставшего на долгие десятилетия практически единственным достоверным и до сих пор не утратившим своей научной актуальности источником чешской лексики (особенно средневекового периода).

Еще в 1779 г. в журнале «Böhmische Literatur auf das Jahr 1779» Й. Добровский высказал мысль о том, что явно назрела потребность в создании нового словаря чешского языка. Он предложил свой подход к решению

¹⁹¹ См. вторую главу данной работы.

данной проблемы, оговорив основные характеристики такого словаря и предложив методику для его составления [Flajšhans 1895: 97 и далее; Šmilauer 1974: 43; Petr 1989: 10]. Главной целью, по Добровскому, должно стать создание словаря чешского языка, а не традиционный перевод лексикографических работ с немецкого, латинского или других языков. Тщательной обработке и документации языкового материала должен предшествовать целесообразно упорядоченный сбор лексики для словаря. Выписки необходимо делать всегда самостоятельно и из первоисточников, также тщательно надо подходить к записям живой разговорной речи и стараться избегать лексических новообразований, если «мы хотим иметь словарь того языка, который существует в действительности, а не того, который мы хотели бы создать» [Цит. по: Flajšhans 1895: 113; см. также: Широкова, Нецименко 1978: 24]. В то же время Й. Добровский сомневался в возможности появления необходимого словаря в ближайшее время: «Нет надежды, что в ближайшее время мы получим полный <здесь: совершенный. — И. А.> чешский словарь <...>. Мы могли бы пожелать только, чтобы тот, кто на это <имеется в виду создание словаря. — И. А.> отважился, обладал бы всеми необходимыми для лексикографа качествами» [Цит. по: Flajšhans 1895: 98].

Однако уже в 1788 г. К. И. Там издал первый «Немецко-чешский словарь» [Tham 1788], второе издание которого было подвергнуто, в первую очередь именно со стороны Добровского, весьма жесткой критике (см. далее), что не помешало Таму в дальнейшем осуществить как переиздание этого словаря, так и издание новых. Под иным углом зрения рассматривался в различных публикациях и рецензиях «Чешско-немецко-латинский словарь» Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791], ставший, как уже упоминалось, отправной точкой в лексикографической работе таких авторов, как А. Пухмайер, Й. Палкович и Й. Юнгманн. Й. Добровский тоже издал первую часть своего «Немецко-чешского словаря» еще в 1802 г. Публикация второй части словаря была сначала поручена Ш. Лешке, затем ученику Й. Добровского, А. Пухмайеру, а появилась значительно позже — лишь в 1821 г. и уже под редакцией В. Ганки [см., например: Flajšhans 1896: 21; Páta 1911: 201; Szykowski 1948: 14]; планируемая же Добровским работа по созданию «Чешско-немецкого словаря» так и не была осуществлена. Совпал по времени издания с выходом второго тома словаря Й. Добровского еще один «предшественник» словаря Й. Юнгманна — «Чешско-немецко-латинский словарь» Й. Палковича [Palkowitsch 1820–1821]. Итак, даже простое перечисление некоторых лексикографических изданий эпохи НВ показывает высокую лексикографическую «активность»¹⁹², которая основывалась прежде всего на реально возникшей потребности в словарях чешского языка, т. е. обуславливалась прагматизмом.

¹⁹² См. также перечень чешских словарей эпохи НВ в п. 1.1. данного параграфа.

Разница в сроках издания словарей, а также наличие переизданий позволяет предположить зависимость работы над словарем от тех или иных факторов, в том числе и субъективного характера. Действительно, почему, несмотря на критические отзывы, К. И. Там издал 13 (с учетом переизданий) различных словарей, а сам Й. Добровский фактически не закончил работу над созданием одной части «Немецко-чешского словаря»? Другой лексикограф того времени, Ф. Я. Томса, напротив, получил доброжелательный отклик Й. Добровского (кроме того, именно Добровский являлся автором предисловия к словарю Томсы 1791 г.), но в дальнейшем его словарь был переиздан под руководством того же К. И. Тама [Tham, <Tomsa> 1805–1807]. И, наконец, особого внимания заслуживает фундаментальный пятитомный словарь Й. Юнгманна, который не только получил надолго закрепившийся за ним статус главного чешского лексикографического труда, но и был издан, как уже отмечалось, в течение лишь пяти лет [Jungmann 1835–1839].

На наш взгляд, разобраться в данной ситуации можно, сопоставив причины обращения к словарной работе каждого из авторов, условия этой работы, цели, которые они в этой связи перед собой ставили, методы сбора и обработки материала и т. д. Кроме того, необходимо учитывать субъективный фактор — индивидуальные возможности (образование, степень владения чешским языком и т. п.) и научные «пристрастия». Все перечисленные моменты в той или иной степени влияли (причем, видимо, не всегда осознанно) на целевую установку составителя словаря.

Как уже было отмечено выше, Й. Добровский изначально весьма скептически относился к самой возможности издания нового, «качественного» словаря чешского языка, необходимость в котором, однако, он остро ощущал. Скепсис Й. Добровского основывался в том числе и на вполне объективных обстоятельствах. Специфика ситуации заключалась в том, что, как уже неоднократно отмечалось, одновременно и весьма интенсивно проходили два взаимосвязанных процесса: «возрождение», т. е. (вос)становление и изучение чешского языка (процесс практической ориентации) и становление науки о нем (процесс прежде всего теоретической направленности). Й. Добровский принадлежал к «теоретикам», его научные интересы были связаны главным образом с разработкой лингвистической теории. Кроме того, именно такая работа, по-видимому, приносила ему большее удовлетворение [см., например: Flajšhans 1896: 5]. Поэтому основная заслуга Й. Добровского в деле становления чешской лексикографии заключается в первую очередь в разработке ее теоретических основ, а также в создании тесно связанной с ней грамматической, в том числе и словообразовательной теории. Й. Добровский неоднократно обращал внимание на лексикографический аспект развития науки о чешском языке [см. об этом, например: Flajšhans 1896: 3–21], при этом считал, что необходимо стремиться к созданию словаря чешского языка, а не нового немецко-чешского или чешско-немецкого. Однако для такого словаря время еще, видимо, не

пришло, подтверждением чему может являться и факт издания самим Й. Добровским именно двуязычного «Немецко-чешского словаря» [Dobrowsky 1802–1821]. В предшествующих разделах диссертации уже не раз отмечалось, что причина возникновения двуязычных словарей заключалась в том, что чешский язык к тому моменту являлся практически «забытым» прежде всего образованной частью этнических чехов. Для многих деятелей чешского НВ, в том числе и для Й. Добровского чешский язык не был первым, родным языком — его необходимо было изучать. Поэтому создание словарей с немецкими параллелями было вынужденной необходимостью.

Ключевое значение имел также вопрос об отношении чешских филологов того времени к дальнейшему развитию чешского языка, прежде всего к способам формирования и пополнения лексического состава и разработке основных правил чешского словообразования, к расширению функциональных возможностей чешского языка¹⁹³, что было также тесно связано с выработкой принципов лексикографирования.

С учетом факта параллельного прохождения процессов языкового «строительства» и возникновения лингвистической теории, в том числе и лексикографической (как ее теоретических предпосылок, так и принципов непосредственного написания словарей), далее будет предпринята попытка реконструкции истории становления чешской лексикографии в эпоху НВ.

1.3.1. Начальный этап

Известно, что Й. Добровский уже с конца 1770-ых гг. активно занимался сбором лексического материала для будущего словаря: собирал и изучал памятники древнечешской письменности, в том числе и словари, и создал команду собственных корреспондентов, которые также производили выписки. Как отмечает В. Фляйшханс, первоначально эта работа носила спонтанный характер. Й. Добровский еще не определился с тем, кто и каким образом начнет обработку собранного материала и написание словаря, поскольку основной сферой его научной деятельности была в то время грамматика. Однако Й. Добровский активно помогал (и советами, и материалами¹⁹⁴) участникам возникшего в 1784 г. общества студентов, которые начали работу по созданию словаря чешского языка. Как уже отмечалось, в 1788 г. один из членов этого общества, К. И. Там, издал первый немецко-чешский словарь [Tham 1788], а еще через 3 года, в 1791 г., другой участник, Ф. Я. Томса, опубликовал первый чешско-немецко-латинский словарь [Tomsa 1791]. Появление этих лексикографических изданий знаменовало начальный этап становления чешской лексикографии нового времени.

¹⁹³ См. об этом также, например: [Havránek 1963: 198–199; Havránek 1979: 89, 91 и далее; Jedlička 1953: 175; Šmilauer 1974: 45].

¹⁹⁴ См. также § 2 второй главы.

1.3.2. Немецко-чешский словарь К. И. Тама (1788 г.)

Словари К. И. Тама, как уже неоднократно упоминалось, вызвали острую дискуссию с самым авторитетным языковедом той эпохи Й. Добровским. Главным «виновником» этих споров стало второе издание «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама, осуществленное в 1799 г. Первое издание вышло десятилетием раньше, в 1788 г. (*Deutsch-böhmisches Nationallexikon* <...>. Mit einer Vorrede begleitet von J. Ch. Adelung, kurfürstlich sächsischen Hofrathe und Oberbibliothekar. Prag und Wien, 1788) и было встречено знаатоками, в том числе и Й. Добровским, весьма благосклонно. Так, например, с одобрения этой лексикографической работы К. И. Тама, начинается предисловие к словарю Ф. Я. Томсы 1791 г., написанное Й. Добровским: «Целесообразно построенный словарь должен являться средством для лучшей оценки богатства языка и, особенно, в качестве вспомогательного средства, как для изучения языка, так и для его лучшего и досконального понимания. Создан ли таковой, если первым или вторым¹⁹⁵ таким считать вышедший уже в 1788 г. Немецко-чешский национальный лексикон госп<одина> Карла Тама, так это решение надо оставить на суд осведомленных читателей. По моему мнению, если таковому, как беспристрастному, согласны доверять, заслуживает он <словарь К. И. Тама. — И. А.> со всеми своими преимуществами, чтобы его рекомендовать взамен всем другим уже существующим» [Dobrowsky 1791a, 3].

О целях и принципах, которых придерживался К. И. Там при создании своего первого словаря, а также о трудностях, с которыми он столкнулся, можно судить по Введению (resp. предисловию) к словарю, написанному 26 сентября 1787 г. Обосновывая необходимость в новом словаре чешской лексики, К. И. Там избрал одновременно и идеологическое, и прагматическое объяснение, отмечая, с одной стороны, необходимость знания чешского языка для представителей состоятельных сословий, для судей, юристов и чиновников, для лиц духовного сана, для военных, полковых врачей, торговцев по всей Австрийской империи и подчеркивая заинтересованность в изучении чешского языка, проявляемую правителями государства — Марией Терезией и позже Иосифом II, при содействии которых уже с середины XVIII в. началось изучение чешского языка в различных учебных заведениях Вены [Tham 1805b: <LXV–LXVI>]. С другой стороны, К. И. Там объясняет значимость своего словаря для чехов, изучающих немецкий язык, поскольку «для чеха, который старается говорить на не-

¹⁹⁵ Скорее всего, такая формулировка свидетельствует о том, что словари К. И. Тама и Ф. Я. Томсы [Tham 1788; Tomsa 1791] создавались с подачи Й. Добровского как единый проект, состоящий из двух частей — немецко-чешской и чешско-немецкой [ср. также: Flajšhans 1896: 4]. Первой по времени издания стала немецко-чешская версия К. И. Тама. Возможно, что, используя союз *или*, Й. Добровский хотел подчеркнуть большую значимость словаря с опорным чешским языком, который создал Ф. Я. Томса.

мецком языке, тем более что теперь на нем, как на единственном государственном языке, производится все в школах, а также в канцеляриях, данный <словарь> будет очень полезным и практически необходимым справочником» [Tham 1805b: <LXVIX>].

Далее в кратком представлении лексикографических трудов своих предшественников К. И. Там перечисляет самых известных авторов от Я. Воднянского и Д. А. Велеславина до К. Вусина, критикуя последнего за недостаточность и неполноту, за ошибки в толковании и отсутствие разграничения значений у многозначных слов. Также К. И. Там обращает внимание на существенный для пользователей факт создания словарей в основном с исходным латинским языком, которые, по определению Тама, «для немца или для чеха, изучающего немецкий и не владеющего латынью, не годятся» [Tham 1805b: <LXVI>]. Впрочем, и немецкие соответствия в словарях того же Вусина не всегда являются, по его мнению, соответствующими и верными. Подобную оценку словарям К. Вусина дал и Й. Добровский, в частности, в предисловии к словарю Ф. Я. Томсы 1791 г., отмечая при этом весьма существенный для выяснения причин возникновения новых (в том числе и созданных на новых теоретических основах) словарей факт неудовлетворенного потребительского спроса на словари, в которых в качестве одной из языковых параллелей выступает чешская лексика: «В книжных магазинах уже невозможно найти ни одного экземпляра даже самого нового третьего издания словаря Вусина <...>» [Dobrowsky 1791a, 3]. При этом К. И. Там пытается выяснить причину отсутствия «основательного совершенного немецко-чешского лексикона» (вернее, причину невозможности издания такового, поскольку к тому времени так и не были изданы, по мнению Тама, «действительно хорошие уже существующие словари» В. Я. Росы и И. Зеберера), в качестве которой он называет прежде всего отсутствие финансовой поддержки со стороны «активных и успешных людей и издателей» [Tham 1805b: <LXVII>].

Также из этого предисловия становится ясным, что К. И. Там посвятил семь лет работе по сбору, упорядочению лексического материала и подготовке словаря к изданию [Tham 1805b: <LXVII–LXVIII>]. Таким образом, о создании словаря Там задумывался уже с начала 1780-х гг., во время обучения в Пражском университете. Есть все основания полагать, что основной лексический материал был им собран в 1783–1785 гг., во время работы над каталогом старых чешских книг в университетской библиотеке. Перечень основных источников, из которых черпался чешский лексический материал¹⁹⁶, также является свидетельством достаточно серьезной подго-

¹⁹⁶ Произведения Д. А. Велеславина, Я. А. Коменского, В. Гайека с Либочан, Г. Грубого с Елени, Я. Гуса, Й. Констанца, хроники Пулкавы, Далимила, и многие другие, а также тексты других хроник, анналов, сборники предписаний и юридических прав городов; переводы библейских текстов и произведений

товительной работы, которую можно было провести только в университетской библиотеке, о чем пишет и сам К. И. Там: «Пражская и<мператорская> к<оролевская> библиотека стала в 1783 году богатейшим источником, настоящей золотой сокровищницей для моей работы, потому что <...> я использовал хорошую возможность и находил время делать выписки из редчайших и старейших как печатных, так и неизданных чешских произведений и рукописей, для моего собственного пользования, чтобы теперь они стали полезными и другим» [Tham 1805b: <LXVII>].

Необходимо отметить ряд заявленных К. И. Тамом аспектов, которые в дальнейшем стали одними из важнейших принципов в работе чешских языковедов эпохи НВ при поиске и/или создании наиболее адекватных чешских лексических эквивалентов. Так, говоря о переводах, К. И. Там поясняет, что наряду с чешским вариантом он всегда для сравнения привлекал и оригинальный текст (например, при рассмотрении переводов на чешский язык произведений Эзопа¹⁹⁷, Петрарки и других) [Tham 1805b: <LXVIII>]. Типологически сопоставимый подход к переводу вообще был характерен, в частности, для Й. Юнгманна, который, занимаясь переводами классических произведений западноевропейской литературы на чешский язык, рассматривал наряду с оригиналом переводы на другие, прежде всего славянские языки и таким образом подбирал наиболее приемлемый для чешского языка вариант [см., например: Filipeš 1974: 157–168; Orloš 1998: 47]. Также важно отметить стремление К. И. Тама приводить в словаре устаревшие, «но хорошие слова», «чтобы освободить их от забвения, а со временем возобновить их лучшее <resp. новое — И. А.> использование» [Tham 1805b: <LXVIII>]. Как известно, подобное отношение к устаревшей лексике было характерно и для Й. Добровского, и для Й. Юнгманна.

При обработке немецкой части словаря К. И. Там пользовался советами ставшего в последствии автором предисловия к его словарю, создателя одного из самых известных словарей немецкого языка Й. Х. Аделунга, а также ряд других словарей немецкого языка [см.: Tham 1805b: <LXIX>]. Факт сотрудничества с Й. Х. Аделунгом, несомненно, должен был повысить статус словаря К. И. Тама, поскольку лингвистические труды немецкого ученого высоко ценились, в том числе и ведущими языковедами Чехии. Так, уже упоминалось о том, что, например, Й. Добровский опирался при создании своих трудов по чешской морфологии и словообразованию

античной и более поздней европейской литературы [см.: Tham 1805b: <LXVIII>].

¹⁹⁷ Однако по поводу произведений Эзопа Й. Добровский, в частности, отмечал, что К. И. Там не мог ссылаться на издание произведений Эзопа, датированное 1480 г., поскольку не сохранился ни один экземпляр этого издания [Dobrowsky 1802: [11]; см. также: Flajšhans 1896: 20].

на работы Й. Х. Аделунга, а также Ф. Фулды, правда, во многом их переосмыслив [см., например: Jedlička 1953: 174; Hauser 1959: 51–53].

В заключение вводной статьи К. И. Там определяет статус своего «Немецко-чешского словаря» как «минимум первого полного немецко-чешского лексикона» и традиционно призывает к поддержке своего издания дополнениями и исправлениями, обещая в дальнейшем после проверки все исправления и дополнения издать отдельным приложением к своему словарю [Tham 1805b: <LXIX>].

1.3.3. Словари Ф. Я. Томсы

Первый небольшой «Немецко-чешский словарь» — *Malý německý a český slovník*. Praha, 1789 — вышел через год после первого и большего по объему «Немецко-чешского словаря» эпохи НВ, автором которого был К. И. Там, поэтому выход словаря Томсы оказался несколько в тени. Однако осуществленное уже через два года издание «Чешско-немецко-латинского словаря» с чешским языком в качестве опорного — *Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch und lateinischen Sprache*. Mit einer Vorrede begleitet von Herrn Rektor Joseph Dobrowsky, ordentlichen Mitgliede der königl. Gesellschaft der Wissenschaften. Prag, 1791 — вновь, как и в случае с его грамматикой чешского языка, дало Ф. Я. Томсе статус первооткрывателя. Более того выход этого словаря был воспринят как значимое событие, поскольку было хорошо известно, что создавался он в тесном сотрудничестве с Й. Добровским, написавшим предисловие к данному лексикографическому изданию [Dobrowsky 1791a: 3–10] и знаменитое теоретическое введение [Dobrowsky 1791b: 11–32], ставшее, по сути, самой значимой частью этого труда и фактически отдельным трактатом, предопределившим научно-теоретические основы морфологии и словообразования чешского языка. Помимо всего прочего Й. Добровский делился с Ф. Я. Томсой языковым материалом [Tomsa. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>], а также выступил в определенной степени и в качестве редактора словаря Томсы. Я. Пруха, например, отмечает, что особенно ценной была помощь Й. Добровского при работе по уточнению значений древнечешских слов [Průcha 1963: 60]. Более того в планах Й. Добровского на 1797 г. значилось так и не осуществленное издание исправлений и дополнений к словарю Ф. Я. Томсы [Flajšhans 1896: 5].

Казалось, что после такой поддержки Й. Добровского, тесного сотрудничества с ним в работе над созданием первого чешско-немецкого словаря эпохи НВ, вызвавшего в целом положительный отклик; и тем более после начавшейся в 1798 г. острой публичной дискуссии между Й. Добровским и К. И. Тамом по поводу начавшейся публикации второго издания немецко-чешского словаря Тама, Ф. Я. Томса имел все шансы стать ведущим лексикографом первой фазы НВ. Однако этого не произошло. Главенствующие позиции, а соответственно и реальную возможность издавать и пере-

издавать свои лексикографические работы, вопреки противодействию, в том числе и со стороны Й. Добровского, получил К. И. Там. И, несмотря на то, что автором первого чешско-немецкого словаря эпохи НВ был Ф. Я. Томса, и, что вполне естественно, именно этот словарь, правда, без латинской части готовился к новому изданию, возглавил данный проект по переизданию чешско-немецкого словаря опять-таки К. И. Там, который к тому же вышел под его именем [Tham, <Tomsa> 1805–1807], о чем уже неоднократно упоминалось в данной работе.

В целом, следует подчеркнуть, что лексикографическая деятельность Ф. Я. Томсы стала настоящим испытанием для Томсы и привела его, как соратника и сотрудника Й. Добровского, с одной стороны, к «молчаливому» конфликту с К. И. Тамом¹⁹⁸, с которым они вместе начинали работу над словарем чешского языка еще в 1784 г. [Flajšhans 1896: 4], а с другой стороны, к столь же «молчаливому» сотрудничеству при работе над вторым изданием «Чешско-немецкого словаря», вышедшим в 1805–1807 гг. (см. далее).

1.3.4. Период активных дискуссий

Итак, особую поддержку Й. Добровского получили К. И. Там за словарь 1788 г. и Ф. Я. Томса за словарь 1791 г. Именно на этих лексикографов возлагал надежды Й. Добровский в деле создания словаря, соответствующего его требованиям [Flajšhans 1896: 4–5; ср. также: Dobrowsky 1791a: 6].

Однако в дальнейшем пути Й. Добровского и К. И. Тама разошлись. И связано это было, по нашему мнению, в большей степени не с разницей в подходах к лексикографической работе, а с причинами совсем иного порядка: влиятельный книготорговец М. Нойройтер (Martin Neureutter) скупил издательские права на оба словаря (и Тама, и Томсы), поручив К. И. Таму основную работу над новыми их изданиями. Издатель, по вполне понятным причинам, был в большей степени заинтересован в скорейших сроках публикации нового словаря и соответственно в меньших затратах. У Й. Добровского были несколько иные планы, связанные прежде всего с доскональной проверкой собранного материала, а также с его пополнением, на что требовалось время и дополнительные ресурсы. При этом, зная об авторитете Й. Добровского в том числе и в области лексикографии, М. Нойройтер отправил к нему на экспертизу рукопись словаря К. И. Тама. Й. Добровский, ознакомившись с рукописью, дал труду К. И. Тама оценку, далекую от доброжелательной, и рекомендовать к изданию этот словарь не стал. Взамен Й. Добровский предложил издателю нанять профессиональных сотрудников для работы над словарем, а в каче-

¹⁹⁸ В отличие от Й. Добровского, часто, кстати, апеллирующего к словарю Ф. Я. Томсы 1791 г. в дискуссии с К. И. Тамом, сам Томса публично своего отношения к Таму и его работам не высказывал.

стве редактора назначить Ш. Лешку¹⁹⁹. Такой поворот событий никак не входил в планы издателя, о которых говорилось выше. Несомненно, оскорбленным почувствовал себя и К. И. Тама. Таким образом закончилось сотрудничество издательства М. Нойройтера и, в первую очередь, К. И. Тама с Й. Добровским [Flajšhans 1896: 5].

Необходимо отметить, что издательство, согласное с требованиями Й. Добровского, все же было найдено. Другой пражский издатель Й. Херль (Johann Herrl) по рекомендации Добровского купил права на издание словаря И. Зеберера, в качестве редактора будущего словаря назначил Ш. Лешку, а главными сотрудниками по сбору материала и подготовке к изданию нового сначала немецко-чешского, а затем и чешско-немецкого словаря стали А. Пухмайер, Ф. Я. Томса, Я. Нейедлы, Ф. Пельцль. Такова была ситуация к концу 1797 г., когда второе издание словаря К. И. Тама было фактически готово к публикации, и об этом было хорошо известно команде Й. Добровского [Flajšhans 1896: 5–6].

Издательство Нойройтера 20 марта 1798 г. опубликовало извещение о начале публикации второго исправленного и дополненного издания «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама. Там также знал об идущей параллельно работе Й. Добровского и его сотрудников над аналогичным словарем, но, тем не менее, отказался от намерения своего издателя каким бы ни было образом упоминать об этом обстоятельстве в данном извещении [Flajšhans 1896: 6]. А сразу после выхода первых листов второго издания «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама, уже 6 апреля 1798 г., появился первый критический отзыв Й. Добровского, который положил начало публичной полемике между Добровским и Тамом, а соответственно и между двумя издательствами Нойройтера и Херля и в котором, помимо всего прочего, было заявлено о том, что нет надежды на второе издание словаря К. И. Тама, поэтому «несколько знатоков чешского языка решилось составить новый словарь, несколько меньший по объему, но, тем не менее, полный» [Dobrovský 1798a; Flajšhans 1896: 6].

1.3.5. Суть и значение полемики Й. Добровского с К. И. Тамом

Как уже отмечалось выше, изданный в 1788 г. «Немецко-чешский словарь» К. И. Тама вызвал в целом положительные отклики и позитивно воспринятую автором словаря критику (т. е. потребованные самим К. И. Тамом дополнения и исправления), о чем он не без гордости сообщал в «Извещении о новом полном немецко-чешском национальном лексиконе», из-

¹⁹⁹ Необходимо отметить, что в дальнейшем работа Ш. Лешки над словарем перестала удовлетворять Й. Добровского, о чем свидетельствует, например, письмо Добровского профессору чешского языка Венского университета Й. В. Злобицкому от 2 марта 1799 г. [Paul 1946–1948: 235]. См. также § 2 п. 2.2.2. второй главы.

данном еще в 1792 г.²⁰⁰ и позже в 1799 г., уже в предисловии ко второму изданию своего словаря²⁰¹.

Однако переработанное и дополненное через десять лет издание этого словаря, в частности, Й. Добровского удовлетворить уже не могло по ряду весьма существенных причин. Те методологические недочеты и ошибки, которые можно было бы «простить» первому изданию (хотя бы потому, что оно в принципе первое, а быть первым и совершенным, как известно, практически невозможно), теперь являлись для Й. Добровского, по всей видимости, сознательным упущением, связанным с несогласием К. И. Тама с лексикографической и словообразовательной концепцией Й. Добровского, высказанной к тому времени, в частности, в предисловии к «Чешско-немецко-латинскому словарю» Ф. Я. Томсы. Зная о негативной оценке своего словаря, К. И. Там и его издатель начинают публикацию второго издания, а Й. Добровский (правда анонимно²⁰²), издает критические отзывы на публикуемый словарь, которые не оставались без ответа со стороны К. И. Тама [см.: Dobrowsky 1798a; Dobrowsky 1798b; Dobrowsky 1798c; Tham 1798a; Tham 1798b; Tham 1798c]. Данные публичные дебаты получили свое продолжение и в других работах, в том числе и в не опубликованном после цензурного запрета «Послании <...> к К. И. Таму о непригодности его словарей» Й. Добровского, а также, например, в его «Bildsamkeit der slawischen Sprache <...>» [Dobrowsky 1799] и в предисловии к «Немецко-чешскому словарю», большая часть которого «посвящена» критике лексикографической работы К. И. Тама [Dobrowsky 1802, <3–12>]. Там также не оставался в стороне: в частности, в связи с продолжающейся критикой Й. Добровского в конце второго тома словаря 1799 г. он поместил «Дополнение»²⁰³, где пытался ответить на замечания своего оппонента [подробнее см.: Flajšhans 1896: 14–21]. История этой полемики представлена в статье В. Фляйшханса «Споры Добровского с Тамом» [Flajšhans 1896: 3–21]. Оставив в стороне излишне эмоционально-негативный тон как «Критик» Й. Добровского, так и «Антикритик» К. И. Тама, необходимо выделить два аспекта:

²⁰⁰ *Nachricht von meinem neuen vollständigen deutsch-böhmischen Nationallexikon*. Prag, 1792. Здесь К. И. Там благодарит Й. Добровского за его отклик и замечания, касающиеся первого издания словаря Тама.

²⁰¹ В частности, о положительном отзыве Й. Х. Аделунга см.: [Tham 1805c: <LXX>].

²⁰² На самом деле под данным текстом стояла подпись издательства Й. Херля, однако, как убедительно показал В. Фляйшханс, его автором был Й. Добровский [Flajšhans 1896: 6], который, кстати, достаточно часто издавал полемические статьи анонимно [см. об этом, например: Dobrovský. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>].

²⁰³ К. И. Там. *Nachtrag verschiedener Zusätze und Berichtigungen*. Deutsch-böhmisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>. Bd. II. Prag. 2. Aufl., 1799, S. 651–729.

1) Свою, по крайней мере, первую полемическую заметку Й. Добровский опубликовал прежде всего с целью рекламы будущего издания своего словаря, избрав в данной связи тактику весьма эмоционального, а поэтому не всегда справедливого обличения конкурента и указав на ошибки, а значит низкое качество словаря К. И. Тама. Там не остался в долгу и ответил Добровскому не менее, если не более эмоционально, пытаясь при этом защитить свое детище, т. е. обосновать выбор того или иного чешского слова, являющийся, по мнению Й. Добровского, ошибочным.

2) Выбор и разбор Й. Добровским самих ошибок.

На этом пункте стоит остановиться подробнее. Уже в первом отзыве Й. Добровский заявляет о большом количестве ошибок в словаре К. И. Тама²⁰⁴, при этом весьма показательными являются как выбор в качестве примеров таких ошибок, так и возможные причины подобного выбора. При ознакомлении с полемическими текстами Й. Добровского, касающимися лексикографической работы К. И. Тама, может создаться впечатление, что выбор ошибок для разбора не всегда оказывался убедительным для потенциального покупателя словаря. Как представитель конкурирующей стороны, Й. Добровский должен был своими выступлениями повлиять на выбор пользователей (resp. покупателей) и склонить их в свою сторону²⁰⁵. Однако не это было самым главным для Й. Добровского. Несмотря на язвительный тон своей критики, Добровскому, как нам кажется, важнее было апробировать свой подход к выбору лексики для словаря, к возможности или невозможности создания новых слов, а значит, и утвердить свою концепцию «правильного» чешского языка. Конкретная работа по созданию словаря его интересовала в меньшей степени. Во многом именно по этой причине он не смог довести начатое дело до конца, понадеявшись на своих помощников, которые также по ряду обстоятельств прекращали работу в данном проекте Й. Добровского [см. об этом: Flajšhans 1896: 21].

Следует отметить, что в основном в разряд «неправильных» чешских слов или неверных переводов с немецкого на чешский попали названия из области ботаники и зоологии. Так, например, в рамках первой полемической статьи Й. Добровский разбирает следующие 10 ошибок неправильного перевода:

- 1) *Bachbungen* ‘ибунка, поточник (*Veronica beccabunga*)’ как *bříza* ‘береза’; 2) *Grundforelle* ‘форель озерная’ как *kapr* ‘каrp’; 3) *Grünfin-*

²⁰⁴ Й. Добровский заявляет о нескольких сотнях таких ошибок [Dobrowsky 1798a; Flajšhans 1896: 6], позднее повторяя это число и в предисловии к своему «Немецко-чешскому словарю» [Dobrowsky 1802: <5>].

²⁰⁵ В то время существовала следующая издательская практика: издатель выпускал первые (или пробные) листы того или иного словаря, затем получал отклики на данную работу, а также сведения о количестве подписавшихся на издание словаря и, соответственно, внесших первый денежный взнос. Только после этого решался вопрос о публикации словаря целиком.

ke, Grünitz, Grünling ‘зеленушка (*Chloris chloris*)’ как *zelenohlávek* <?>, *čížek* ‘чижик’; 4) *Kiefer* ‘сосна’ как *smrk* ‘ель’; 5) *mähen* ‘косить’, как *žiti* ‘жить’; 6) *Meerrettich* ‘хрен’ как *mořské zeli* ‘морская капуста’; 7) *Möhre* ‘морковь’ как *cvikla* ‘свекла’; 8) *Mundfäule* ‘цинга’ как *vřed v hrdle* ‘язва, нарыв в горле’; 9) *Schafbock* ‘баран’ как *býk* ‘бык’; 10) *Schnepfe* ‘бекас’ как *cvrčala, dlask* <?> [Dobrowsky 1798a; Flajšhans 1896: 6].

Подобное тематическое соотношение примеров ошибок, допущенных К. И. Тамом, демонстрируют и следующие «Критики» Й. Добровского [Dobrowsky 1798b; Dobrowsky 1798c; см. также: Flajšhans 1896: 10, 11], а также вышедшие чуть позже «Bildsamkeit der slawischen Sprache <...>» (1799 г.) и Предисловие к «Немецко-чешскому словарю» (1802 г.) [Dobrowsky 1799; Dobrowsky 1802: <3–12>; см. также: Flajšhans 1896: 14–21]. Данный факт можно объяснить, в частности, и тем обстоятельством, что в этот же период Й. Добровский увлекся естествознанием, в частности ботаникой²⁰⁶, возможно, поэтому его внимание и привлекли данные термины. Однако, из-за такого количественного «перевеса» ошибок из одной лексико-семантической группы может возникнуть впечатление, что К. И. Там просто не так хорошо, как Й. Добровский, разбирался в этих областях знаний и соответствующей терминологии, что являлось бы более серьезным упущением, если бы речь шла о специализированном словаре данной лексики. Кроме того, такой набор рассматриваемых неправильных вариантов перевода с немецкого на чешский мог также ошибочно повлиять на восприятие пользователей остальной лексики в словаре К. И. Тама, как в основном правильной. Оба обстоятельства, на наш взгляд, давали в глазах пользователей преимущество словарю Тама.

Однако суть рассуждений и лингвистическая аргументация Й. Добровского, несомненно, свидетельствовала о его правоте в подавляющем большинстве случаев. Приведем некоторые примеры:

(1) Согласно заявленной в предисловии к словарю задаче показать «превосходство» чешских языковых возможностей над немецкими К. И. Там очень часто приводит для одного немецкого слова несколько чешских соответствий, которые он называет синонимами. Этот же принцип, кстати, в дальнейшем возьмет на вооружение и Й. Юнгманн, полагая, что со временем получают распространение наиболее приемлемые варианты, либо подобные лексемы будут использоваться действительно как синонимы. Однако К. И. Там нередко в качестве синонимов приводил слова, таковыми не являющиеся, — скорее, это были примеры из одной лексико-семантической группы или однокоренные лексемы (зачастую новообразования) с разными суффиксами и нередко с разными значения-

²⁰⁶ Одним из результатов этого увлечения стало издание в 1802 г. работы Й. Добровского «*Entwurf eines Pflanzensystems nach Zahlen und Verhältnissen*». См. также: [Flajšhans 1896: 10].

ми Это одно из существенных свидетельств ошибочного подхода не только к переводу, но и к лингвистической теории и терминологии. В данной связи Й. Добровский совершенно справедливо отмечал, что, например:

- а) значение слова *jabloň* никак нельзя объяснять словом *hrušní*, так же как ошибочно принимать эти лексемы за синонимы [Dobrowsky 1798c; Flajšhans 1896: 12];
- б) также нельзя приводить к слову *Ahorn* ‘клен’ в качестве синонимов *břek* ‘берека (*Sorbus torminalis*)’ и *javor* ‘клен’ (кроме того, слово *břek* представлено в словаре К. И. Тама еще и как соответствие к *Maßholder* ‘калина обыкновенная (*Viburnum opulus*)’; 2. клен полевой (*Acer campestre*)’ [Dobrowsky 1798c; Dobrowsky 1802: <9–10>; Flajšhans 1896: 11, 19];
- в) или, что слова *slovan*, *slovář* и *slovárna* не могут являться синонимами к немецкому *Wörterbuch*. Как иронично замечает Й. Добровский, «*slovárna* для Тама может быть и значит *Wörterbuch*, однако так можно только с насмешкой сказать о неверном словаре <словаре с ошибками. — И. А.>, в котором и куются новые слова» [Dobrowsky 1799, XXXI–XXXII; Flajšhans 1896: 16].

(2) Во многом благодаря именно начавшейся полемике с К. И. Тамом, вызвавшей у Й. Добровского потребность обосновать свой подход к фиксации лексики в словаре, а в данной связи и к формированию принципов чешского словообразования, он стал активно заниматься разработкой словообразовательной теории. Известно, что Й. Добровский отрицательно относился к возможности вмешиваться в языковую эволюцию, создавая, в частности, новые слова, поэтому особое нареkanie вызывали у Добровского различные ошибки К. И. Тама, связанные как с неправильным переводом немецкого слова на чешский, так и с разного рода словообразовательными неологизмами (причем новообразованиями как самого К. И. Тама, так и приводимыми им неологизмами предшественников). Так, на протяжении всего спора Й. Добровский и К. И. Там нередко возвращались к обсуждению одних тех же случаев, подчеркивая тем самым не только непримиримые позиции оппонентов по поводу явных ошибок К. И. Тама (см. далее примеры б и в), но и в некоторых случаях демонстрируя различную интерпретацию тех или иных языковых фактов — реальных или потенциальных словообразовательных возможностей чешского языка (примеры а, г, д). Приведем несколько примеров:

- а) Уже упомянутое выше новообразование *zelenohlávek* как соответствие немецкому *Grünfinke*. К. И. Там аргументировал свой выбор наличием этой лексемы в словарях Кропфа и Рона²⁰⁷ (т. е. фиксацией

²⁰⁷ F. X. Kropf. *Index locuplex latinarum dictionum pro Germanicis, et Bohemicis vocabulis delectarum* <...>. Prag, 1753; J. K. Rohn. *Nomenclator, To jest Gmenowatel, Aneb Rozličných Gmen gak w České, Latinské, lub y w Německé Řeči Oznamitel* <...>. I–IV. Prag, 1764–1768.

- в словарях предшественниках²⁰⁸), отрицая собственную причастность к созданию такой формы слова [Tham 1798a; Flajšhans 1896: 8]. На это Й. Добровский вполне резонно замечает, что ошибки других не могут быть оправданием, а слово «*zelenohlávek*» выдуманно и неважно кем — Вами <К. И. Тамом. — *И. А.*> или другими» [Dobrowsky 1798 b; Flajšhans 1896: 10]. К. И. Там в продолжение этой дискуссии прибегает к принципу аналогии, объявленному опять-таки Й. Добровским одним из основополагающих для чешского словообразования, заявляя, что форма «*zelenohlávek*» не является ошибочной, ср. *zlatohlávek*, *bělo-*, *černo-* и т. д.» [Tham 1798b; Flajšhans 1896: 10]. Й. Добровский не отступает, приводя в качестве доказательства своей правоты принцип невмешательства в языковое развитие, в частности в процесс пополнения словарного запаса и, кстати, вновь констатируя ошибку перевода: «*Goldfinke* <птица семейства вьюрковых. — *И. А.*> — *zlatohlávek* <жук ‘бронзовка золотистая (*Cetonia aurata*)’>. — *И. А.*>. Хотя само слово является хорошим <правильным. — *И. А.*> и *zelenohlávek* бы был хорошим, если бы была потребность в новых названиях» [Dobrowsky 1798 c; Flajšhans 1896: 11].
- б) Если приведенный выше пример свидетельствует о вполне аргументированной с обеих сторон полемике, то многие другие случаи в основном демонстрируют неопровержимость оценки Й. Добровского. Так, например, велись споры по поводу перевода немецкого выражения *Halb Mensch halb Pferd*. К. И. Там предложил в качестве чешского эквивалента форму *konibodce*, построенную на основе словосложения, чему Й. Добровский дал весьма ироничную оценку: «Так загадочно!» [Dobrowsky 1802: <11>; Flajšhans 1896: 15, 20].
- в) Вполне понятен сарказм Й. Добровского относительно перевода слова *Halstuch* как *krkonoš*, *krkotoč*: «*Krkonoš* — это высокая гора в Крконошах, от которой и произошло чешское название этих гор <Krkonoše. — *И. А.*>, но вряд ли хоть кто-нибудь захочет носить ее на шее!» [Flajšhans 1896: 15; ср. также: Dobrowsky 1799: LXVI; Flajšhans 1896: 17].
- г) Однако необходимо отметить, что, как показало время, и Й. Добровский мог ошибаться. Так, заявляя, что от абстрактных существительных невозможно образовать существительное с суффиксом *-an*, он назвал ошибочным образование *občan* от *obec* [Dobrowsky 1798c; Flajšhans 1896: 15]. Вопреки теоретически обоснованному возражению Й. Добровского данное слово вошло в активный словарный состав чешского языка (*občan* ‘гражданин’), хотя и несколько изменило свое значение по сравнению с предложенным К. И. Тамом: *Repu-*

²⁰⁸ Кстати, принцип обязательной письменной фиксации слова в текстах или словарях был одним из основополагающих в лексикографической концепции и Й. Добровского.

blik – *obec*, *Republikaner* – *občan*. Вернее, как указывал сам К. И. Тама, слова *obec* и *občan* были обнаружены им в текстах Велеславина и Я. А. Коменского, а также у современника К. И. Тама и Й. Добровского М. В. Крамериуса [Tham 1798c; Flajšhans 1896: 13–14]. Таким образом, в данном случае К. И. Там использовал заявленную им в предисловии к словарю возможность актуализации старочешских ксем [Tham 1805b: <LXVIII>].

- д) Также Й. Добровский не принял предложенные в словаре К. И. Тама соответствия *smutnohra* для *Trauerspiel* ‘трагедия’ и *veselohra* для *Lustspiel* ‘комедия’, полагая, что эти словосложения излишни, поскольку есть правильные соответствия — словосочетания *smutná* или *veselá hra* [Dobrowsky 1799: LXIV; Flajšhans 1896: 17]. Однако сегодня слово *veselohra* является неотъемлемой частью чешской лексики, а на смену его антонима пришло, образованное по той же модели *truchlohra*.

Однако, к сожалению, К. И. Там не всегда мог адекватно ответить на замечания Й. Добровского, а тем более признать свои ошибки. В. Фляйшханс резюмирует по этому поводу, что отмеченные Й. Добровским пропуски слов К. И. Тама без каких-либо комментариев внес в «Дополнения» ко второму тому словаря; в случаях, где он не мог защитить свой выбор того или иного слова, трактовал это как типографский брак; остальные рассматриваемые Й. Добровским ошибки Там «оправдывал» уже существующей фиксацией той или иной лексики в словарях или иных текстах на чешском языке, из которых он производил эксерпции [Flajšhans 1896: 20]. При этом к чести К. И. Тама, нельзя не отметить, что в предисловии ко второму изданию своего «Немецко-чешского словаря», датированном 13 маем 1799 г., т. е. появившимся уже после публикации взаимных критических выпадов, нет ни одного упоминания об этой полемике или об оппоненте [Tham 1805c: <LXX–LXXII>].

В целом, данные дебаты приобретают особое значение, если рассматривать их с целью выявления и обоснования заявленной Й. Добровским новой концепции грамматики чешского языка (особенно словообразования) и выработкой лексикографических принципов, соответственно связанных с выбором, обработкой и способом представления лексического материала в словаре.

В дальнейшем, после такого «громкого» выхода второго издания «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама, на удивление «тихо» и как бы незаметно была осуществлена публикация второй, чешско-немецкой части: *Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phraseologisches Nationallexikon oder Wörterbuch* <...>. I–II. Prag, 1805–1807. Рискнем сделать предположение, что во многом из-за неоднозначного решения вопроса об авторстве, наглядно проявившемся в отсутствии на титульном листе имени Ф. Я. Томсы, данный лексикографический труд на

этот раз, в отличие от бурного обсуждения словаря К. И. Тама 1799 г., напротив был показательно «проигнорирован» критиками (см. также далее).

1.3.6. Другие словари К. И. Тама

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что К. И. Там являлся первопроходцем в сложном деле по созданию словаря не только по факту издания первого по времени словаря эпохи НВ, но и потому, что среди его лексикографического наследия имеются также словари новых для чешской лексикографии «жанров». Справедливо придавая особое значение ономастике при изучении языка, К. И. Там издал несколько небольших словарей этого пласта чешской лексики: *Neues deutsch-böhmisch-topographisch-geographisch Wörterbuch oder Zeitungslexikon <...> Ein Anhang zu dessen deutsch-böhmischen Nationallexikon*. Prag, 1800, вышедший в качестве дополнения ко второму изданию «Немецко-чешского словаря» (1799), а также его третьего переиздания в 1814 г. — уже в качестве одного из разделов в самом словаре и в 1815 г. — в виде отдельного карманного немецко-чешского словаря²⁰⁹.

Также К. И. Таму принадлежит первенство в создании двуязычного словаря юридической и административной терминологии: *Okus česko-německého právnického a jednatelského slovníku, s auplným německým ukázadlem; aneb příhodné zbirky zevrub mejslovně vyložených právnických, právních (Forensia), a jednatelských slov neb výsloví, formulí, způsobu v mluvení, a jmen vlastních, k prospěchu prav pilných, v pravích zběhlých, úředníků soudních i právních právomocníků, soudců, právních přátel, neb zástupců, (advokátů) prokurátorů, zápisníků, notářů a listovníků, (archyvářů) překladatelů, jakož i všech jejich podřízených, a veškerých jednatelů, jak v právních tak v ředitelských, bankalních, tabáčních, krajských, policajských, komorostatkových a hospodářských auřadů a t. d. Vydaný od Karla Hynka Thama, skladatele synonymicko-frazeologického německo-českého a česko-německého slovníku národního, s předmluvau dvorské rady Jana Krysstofa Adelunga (*Versuch eines böhmisch-deutschen juristischen und geschäftsmännischen Lexikons <...>*). Praha, 1808 [см. также: Páta 1911: 299]. Словарь разделен на три раздела, первые два составляют разные собрания данной терминологии, в третьем отражена ономастика, в конце словаря помещен алфавитный указатель всех немецких слов и выражений, представленных в данном издании. Не совсем обоснованным выглядит выделение двух первых разделов с аналогичными названиями — *Erste Sammlung juridischer, gerichtlicher, und geschäftsmännischer Ausdrücke in alphabetischer Ordnung; Zweite Sammlung <...>*. Возможно, материал собирался в разное время, и поэтому именно в виде двух разделов был представлен в словаре, однако в рамках одного издания целесообразнее было бы их объединить.*

²⁰⁹ См. также пояснение 4 к таблице в п. 1.1. данного параграфа

Несмотря на актуальность такого словаря, основной своей задачи — предложить специалистам в этой области чешские соответствия немецким терминам, а говорящему по-чешски населению помочь разобраться в тонкостях юриспруденции — этот словарь, по всей видимости, не выполнял, а возможно, что в некоторых случаях даже ее усложнял. По крайней мере, в публикациях, посвященных формированию чешской юридической терминологии и ее лексикографическому описанию в XIX в. [см., например: Buřín 1953: 441–455; Růžicka 1957: 137–174], встретилось лишь одно небольшое критическое упоминание об этом словаре. Так, В. Ружичка отмечает, что данный «Опыт чешско-немецкого юридического и административного словаря» содержал большое количество неизвестных и малопонятных для пользователей слов и выражений, например: *bud: přístí, budoucí* ‘будущий, следующий’ – *Hinkunft*; *právovec: právník* ‘юрист’ – *Jurist* (слово, взятое из знаменитого текста Я. Гуса «Postilla», но не получившее в дальнейшем распространение); *obalek: omluva* ‘извинение, оправдывание’ – *Beschönigung*; *statečník: držitel statku* ‘обладатель поместья’ – *Gutsbesitzer*. Далее, к слову *zátek: zatčení* ‘заключение, арест’ приводятся несколько немецких соответствий-синонимов, хотя почти все они имеют разное значение: *Verkümmerung* ‘чахлость, хилость; упадок; задержка развития’; *Kummer* ‘горе, печаль, скорбь’; *Beschlag* ‘I. обивка; II. 1) конфискация, арест; 2) эмбарго, запрет’; *Ergreifung* ‘схватывание, захват’. Встречаются и весьма показательные ошибки, которые, по предположению В. Ружички, К. И. Там мог делать и умышленно, например: слова *nevolník* ‘крепостной’ и *buríč* ‘бунтарь, мятежник’ представлены как синонимы [Růžicka 1957: 138].

Обобщая, необходимо отметить одну особенность методологического подхода К. И. Тама, позволившую ему, с одной стороны, издавать действительно большое количество словарей, причем различных не только по объему («полные», т. е. по оценкам того времени большие, и карманные), но, на первый взгляд, и по содержанию и направленности на определенный адресат (все его словари были двуязычными, большинство из них выполняло функцию учебных словарей, некоторые являлись попыткой создания ономастического или терминологического словаря); однако, с другой стороны, многие из них являлись лишь переизданиями существующих словарей или же в них появлялся уже опубликованный материал (например, наличие раздела ономастической лексики в словаре юридических и административных терминов); а также демонстрировали определенную небрежность в обработке и представлении лексического материала (по всей видимости, связанную не только с недочетами теоретическо-методологических основ словаря, но и в определенной степени со сроками, которые отводились издательством на подготовку к публикации того или иного словаря, что в свою очередь, было связано с большим потребительским спросом и условиями конкуренции).

Нельзя не обратить внимания на еще одно наблюдение, позволяющее в определенной степени судить об особенностях характера автора первого

лексикографического труда эпохи НВ, также (и далеко не в последнюю очередь) влияющих на любую деятельность человека и ее восприятие окружающими. Несмотря на весьма жесткую критику (а возможно, напротив, именно вопреки этой критике!) со стороны Й. Добровского, во всех своих написанных и опубликованных после 1799 г. работах К. И. Там представлял себя в названиях работ, прежде всего как составителя первого полного немецко-чешского словаря. Несомненно, во многом это объяснялось тем обстоятельством, что этот словарь для К. И. Тама стал самым значительным его трудом, но, как нам кажется, не последнюю роль в этом сыграла именно полемика с Й. Добровским: К. И. Там как бы доказывал свою «правоту» высокой издательской активностью, т. е. публикацией большого количества новых словарей и их переизданий²¹⁰, в то время как Й. Добровскому так и не удалось закончить свой лексикографический труд. Первый том «Немецко-чешского словаря» Й. Добровского [Dobrowsky 1802–1821] вышел лишь в 1802 г., т. е. через три года после дискуссий с К. И. Тамом. Затем работу по изданию второго тома возглавил Ш. Лешка. После смерти Лешки в 1818 г. дело продолжил А. Пухмайер, который вскоре, в 1820 г., также умер. Издание второго тома «Немецко-чешского словаря» Й. Добровского осуществилось лишь в 1821 г. под окончательной редакцией В. Ганки. Как отмечает В. Флайшханс, «во второй части <данного словаря. — И. А.> также <resp. так же, как и в словаре Тама. — И. А.> много ошибок — эту работу уже нельзя назвать мастерской. Только теперь в конце 1821 г. дождался подписчики издания, за которое внесли плату еще в начале 1798 г.» [Flajšhans 1896, 21].

Кроме того складывается впечатление, что К. И. Там был очень эмоциональным, амбициозным, бескомпромиссным и, по всей видимости, тщеславным человеком, для которого был важен успех и признание (как, впрочем, и для любой творческой личности). Видимо, поэтому он всегда подчеркивал, что предисловие к его неоцененному Й. Добровским словарю написал автор одного из известнейших словарей немецкого языка Й. Х. Аделунг, о положительном отзыве которого на первый словарь К. И. Тама 1788 г. есть упоминание в предисловии ко второму его изданию, осуществленному в 1799 г.²¹¹ и вызвавшему критику Й. Добровского; или в том же предисловии «скромно» в сноске рассказывал об истории

²¹⁰ Кстати, его первый «Немецко-чешский словарь», несмотря на острую критику Й. Добровского, был переиздан и в третий раз — в 1814 г. [Tham 1814].

²¹¹ «Кстати, я <имеется в виду К. И. Там. — И. А.> могу здесь сослаться <...> и на непредвзятое и для меня очень лестное мнение и свидетельство господина придворного советника Аделунга на последнем листе его превосходного предисловия, которое, несомненно, внушает мне и гордость и смелость, удваивает мое усердие, а также является огромным стимулом для моей дальнейшей работы» [Tham 1805c: <LXXI>].

преподнесения этого словаря императору Иосифу II²¹². Конечно, в данной связи весьма показательна зачастую далекая от научной риторика дебатов Й. Добровского и К. И. Тама, предшествовавших и сопровождавших все указанные события [подробнее см.: Flajšhans 1896: 3–21]. Не могли не вызывать неприятие у общественности и последовавшие случаи откровенного плагиата со стороны К. И. Тама, в том числе и работы «Neues Hilfsmittel, die russische Sprache leichter zu verstehen» того же Й. Добровского, опубликованной также в 1799 г., чему предшествовала публикация «похожего» текста К. И. Тама под названием «Russischer Dollmäscher» и последовавшее публичное возражение по этому поводу Й. Добровского. Существуют также свидетельства о распространении К. И. Тамом слухов и домыслов о душевном состоянии его оппонента²¹³. Как заключает В. Фляйшханс, «<К. И.> Там свою научную слабость пытался прикрыть нравственной испорченностью, и тем самым в один момент потерял симпатию со стороны тех, кто, возможно, и думал, что Добровский вначале <имеется в виду начало их полемики. — И. А.> мог бы быть помиловательнее и поспокойнее» [Flajšhans 1896: 17]. По всей видимости, данные события далеко не в последнюю очередь способствовали «наложению вето» на изучение трудов К. И. Тама²¹⁴ и выявление их истинного значения, в том числе и для развития чешской лексикографии.

Итак, главное противопоставление лексикографических концепций Й. Добровского и К. И. Тама заключалось прежде всего в разных целевых установках. Й. Добровский определял два основных направления деятельности лексикографа при сборе и обработке словарного материала: основательное изучение памятников письменности и совершенное знание современного языкового узуса [ср., например: Flajšhans 1896: 3]. К. И. Там также действовал согласно уже вполне устоявшимся принципам: авторитетами для него были лексикографы старшего периода, кроме того, при составлении словарей он также использовал источники (в основном литературные) XVII и XVIII вв. [Flajšhans 1896: 7]; т. е. традицию К. И. Там знал и

²¹² «Издатель моего первого национального лексикона 1788 года передал его великому императору Иосифу II. <...>, который <словарь. — И. А.> себя очень хорошо у Его Величества зарекомендовал, а мне, имя которого, не было напечатано на титульном листе и осталось по этой причине неизвестным и даже не названным, пришлось искать утешение в строках Вергилия: *Nos ego versiculos*» [Tham 1805c: <LXXI–LXXII>].

²¹³ Обо всех приведенных обстоятельствах весьма сомнительной деятельности К. И. Тама также написал В. Фляйшханс [Flajšhans 1896: 17]. Видимо, по указанным причинам работа «Russischer Dollmäscher», вышедшая под именем К. И. Тама, не получила отражение ни в одном библиографическом справочнике.

²¹⁴ Единственное исключение представляет публикация В. Фляйшханса [Flajšhans 1896: 3–21], на которую, кстати, также практически отсутствуют ссылки в дальнейшей исследовательской литературе.

поддерживал, но, в отличие от Й. Добровского, который считал, что современный ему язык находился в состоянии кризиса и не желал воспроизводить его в словаре, К. И. Там отражал в своих словарях именно тот материал, который соответствовал его знаниям чешского языка и, видимо, в определенной степени реальному языковому состоянию на тот период. Косвенно подтверждает данную точку зрения статья А. Камиша о лексике зарождающейся чешской публицистики XVIII в. [Kamíř 1962: 559–564], где анализируемые неологизмы, почерпнутые из двух чешских газет того времени (*Rosenmüllerovy noviny* и *Krameriovy noviny*) сопоставляются с их эквивалентами, зафиксированными в словарях эпохи НВ. Неслучайно, на наш взгляд, именно при изучении становления чешской публицистики того времени автор наряду с другими известными словарями того времени использовал и «Немецко-чешский словарь» К. И. Тама²¹⁵ (в отличие от многих публикаций, посвященных чешскому языку периода НВ), так как известно, что К. И. Там хорошо знал современную ему чешскую литературу и язык [см., например: Flajšhans 1896: 7], и лексика, используемая чешскими писателями того времени, получила в той или иной степени отражение в его словаре.

В данной связи, кстати, можно предложить следующее объяснение возникших разногласий между Й. Добровским и К. И. Тамом. Основная задача К. И. Тама — научить чехов чешскому языку (несмотря на все его «недостатки», связанные с происходившими в предыдущие периоды его истории изменениями, негативно оцениваемыми будителями), задача Й. Добровского — сформировать нормы чешского литературного языка нового времени. В. Фляйшханс, определяя отношения К. И. Тама и Й. Добровского, противопоставляет их как историка и философа: «Историк указывал на существующее положение вещей <имеется в виду лексика чешского языка. — И. А.> и принимал их как данность, философ указывал на их изъяны и предлагал либо устаревшие слова, либо заимствования (инославянские или иноязычные). Философ в меньшей степени заботился о воплощении своих идей, историк усердно работал. А, следовательно, нет сомнений, что дающими направление для правильного развития чешского языка могли быть только труды Добровского, а работы Тама скорее отвечали потребностям того времени» [Flajšhans 1896: 8]. Произошло неизбежное столкновение, поскольку в качестве приоритетных выдвигались разные, но в той ситуации взаимосвязанные процессы: в целом для дальнейшего продвижения языковых реформ необходимо было практически одновременно изучить чешский язык (пусть и «неправильный») и создать теоретические основы для «правильного» чешского языка. Таким образом, споры До-

²¹⁵ Интересно, что, по всей видимости, следуя традиционному «негативному» отношению ко второму изданию словаря К. И. Тама, А. Камиш использовал в своей работе первое и третье издание данного словаря [Tham 1788; Tham 1814].

бровского и Тама лежали в основном именно в плоскости «правильный» – «неправильный», и избежать их в подобной ситуации было бы вряд ли возможно.

* * *

Также в связи с историей дебатов между Й. Добровским и К. И. Тамом и их дальнейшей оценкой необходимо определить и учитывать роль полемики в формировании научных взглядов и личных отношений отдельных деятелей, а также в целом при становлении, в данном случае, исторической и филологической наук (причем, в тесном их взаимодействии).

Как хорошо известно, в спорах рождается истина — в надежде на это люди спорили и продолжают спорить. Для Й. Добровского, в частности, полемический аспект его деятельности был одним из важнейших и, по всей видимости, наиболее для него интересным. Собственно говоря, с «разоблачающей» истории и началась его научная деятельность. Его первый научный трактат «Фрагмент пражского Евангелия св. Марка, считавшийся подлинным автографом» (*Fragmentum Pragense evangelii S. Mari, vulgo autographi*. Praga, 1778) был посвящен опровержению распространенного мнения об «апостольском» происхождении пражского отрывка, что, несомненно, вызвало откровенное негодование особенно в церковных кругах. При этом Й. Добровский проявил высшую степень объективности и корректности по отношению к своим оппонентам, издав в 1780 г. полученное им от одного священника обширное послание с защитой старой традиционной точки зрения на древний текст, которое он сначала передал членам святовитского капитула, а затем по их желанию опубликовал. Таким образом, уже в самом начале научного пути Й. Добровского проявился главный принцип, ставший неотъемлемой частью любой его деятельности, согласно которому поиск истины должен всегда стоять над личными интересами²¹⁶ [Dobrovský. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>; Мыльников 1973: 10–11].

До сотрудничества К. Р. Унгара с К. И. Тамом в 1780-е гг. (как одного из значимых моментов в творческой и научной деятельности К. И. Тама), с конца 1770-х гг. шла жесткая дискуссия между Й. Добровским и К. Р. Унгаром по поводу издания последним произведения Б. Бальбина «Bohemia docta», в ходе которой Й. Добровский обрушился с критикой на К. Р. Унгара, как на некорректного, по мнению Й. Добровского, толкователя текс-

²¹⁶ В том же 1780 г. Й. Добровский заявлял: «Я думаю, что обязан проявить к своей нации больше уважения и не только рассказывать для увеселения разные истории. Мое главное намерение состоит в том, чтобы говорить правду, неприкрытую, голую, неприкрашенную правду <перевод А. С. Мыльникова. — И. А.>» (*Böhmische und mährische Literatur auf das Jahr 1780*. Th. I. Prag, 1780, S. 5). Цит. по: [Мыльников 1973: 11].

та Бальбина, а К. Р. Унгар издал критический разбор журнала Й. Добровского «*Böhmische Literatur auf das Jahr 1779*», косвенно способствовал закрытию этого научного издания [подробнее см., например: Dobrovský. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>; Ungar. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>]. Хотя эти обстоятельства в дальнейшем, после более близкого знакомства двух ярких деятелей чешского НВ, не помешали их сотрудничеству и установлению дружеских отношений. С некоторой долей преувеличения можно сказать, что практически все отношения Й. Добровского с другими представителями чешского НВ, в том числе и с его единомышленниками и сотрудниками, на том или ином этапе проходили стадию дискуссий и разногласий²¹⁷.

Судя по выше представленному обзору творческой деятельности К. И. Тама, также нельзя назвать однозначно негативными взаимоотношения между ним и Й. Добровским. Наверняка и другие деятели НВ не всегда воспринимали К. И. Тама резко отрицательно, по крайней мере, в начале его творческого пути. Однако, в дальнейшем, уже после эпохи НВ о К. И. Таме и вовсе забыли, а о его прежде всего лингвистических работах упоминали лишь в связи с негативной оценкой его лексикографической деятельности, высказанной Й. Добровским. В данной связи можно вспомнить историю с также во многом субъективной оценкой, данной Й. Добровским, как эпохе Гуманизма, так и последовавшему за ним периоду Барокко. Уже сами определения этих периодов, как «золотой» и «время тьмы или период упадка» соответственно, являются оценочными, а на закрепление такой оценки не в последнюю очередь повлиял именно авторитет Й. Добровского [см., также: Gladkova 2001: 342–343]. Также, к примеру, подобно тому, как стала в последствии после дебатов с Й. Добровским восприниматься деятельность К. И. Тама, закрепилось и отношение к работам и заслугам В. Я. Росы, именно как к одному из наиболее характерных представителей эпохи упадка в развитии чешского языка. Хотя на самом деле Й. Добровский выступал в основном с критикой его грамматического труда и, в частности, с несогласием с пуристическими тенденциями, характерными для словотворчества В. Я. Росы. Заслуги Росы в области лексикографии Добровский оценивал очень высоко, называя его словарь «ценным произведением» и отмечая, что «Роса потратил 30 лет на создание своего словаря, цена которому несравненно выше, чем цена его знаменитой грамматики. Это действительно превосходная работа <...>» [Dobrowsky 1791a: 4–5].

В целом, различного рода дискуссии оказывали, несомненно, весьма благотворное влияние на развитие научной мысли и на преобразователь-

²¹⁷ О полемике Й. Добровского с Г. Добнером, Ф. М. Пельцлем, Я. Нейедлым, Й. Юнгманном и многими другими см., в частности, в: [Dobrovský. *Ottova encyklopedie* <1888–1909>; Jedlička 1953: 167–168; Мыльников 1973: 14–15; Šimeček 1993: 267–268].

ные процессы в сфере языка. Обратная сторона таких споров заключалась в основном в ухудшении личных отношений или даже полном прекращении контактов между участниками спора, чему чаще всего со временем не придавали особого значения. История с К. И. Тамом в данной связи является, скорее, исключением из правил — его дебаты с Й. Добровским по ряду причин (в том числе и далеко не научного характера) не привели к более конструктивному диалогу и более продуктивной деятельности в области лексикографии как одного, так и второго участника полемики, а стали началом «конца» лексикографической деятельности Й. Добровского с одной стороны, а, с другой стороны, несмотря на то, что К. И. Таму в дальнейшем удалось издать еще около десятка словарей, его лексикографические труды не вошли в перечень наиболее значимых и качественных работ в этой области. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, к сожалению, вышедший из поля зрения исследователей также значимый положительный аспект этой дискуссии, который заключался, на наш взгляд, в привлечении особого внимания к процессу создания словаря чешской лексики, в активной и даже жесткой стимуляции поиска успешного решения данной проблемы другими чешскими лексикографами.

1.3.7. Конкуренция между авторами и издателями

Также необходимо учитывать условия жесткой конкуренции, существовавшей в издательской среде того времени. К. И. Там, несмотря на свое фатальное невезение в поисках места преподавателя чешского языка, получал заказы на издание и переиздание своих словарей и учебников (видимо, и в связи с согласием на условия издателя по срокам сдачи рукописи в печать, а также далеко не последнюю роль в «популярности» словарей К. И. Тама сыграли, как нам кажется, его публичные дебаты с Й. Добровским, которые, несомненно, привлекали внимание, а значит и создавали покупательский спрос на работы К. И. Тама; тем более, что выход словаря Й. Добровского на тот момент был приостановлен). Чешско-немецко-латинский словарь Ф. Я. Томсы 1791 г. со знаменитым предисловием Й. Добровского также прошел своего рода издательский конкурс. Сам Й. Добровский отмечал в этом предисловии, что, поскольку потенциальные покупатели выступили в пользу словаря Ф. Я. Томсы, неизданным остался чешско-латинско-немецкий словарь И. Зеберера [Dobrowsky 1791a: 5]. Также не смог опубликовать свой чешско-латинский словарь Я. Прокопиус²¹⁸. Кстати, рукопись последнего была закончена в 1788 г. [Dobrowsky 1791a: 6], т. е. в год выхода первого словаря К. И. Тама. Упоминалось уже и о неясной судьбе словаря Я. Хмелы, изданного в 1830–1834 г., но не получившего широкого распространения, что, на наш взгляд, можно объяснить также большей «конкурентоспособностью» появившегося вскоре «Немецко-чешского словаря» Й. Юнгманна.

²¹⁸ См. также § 1 п. 1.1. второй главы.

В данной связи нельзя не обратить внимание на один весьма интригующий, на первый взгляд, факт, объяснение которому также сложно было бы найти, если не учитывать фактор конкуренции и предпочтения издателя. Речь идет о работе Ф. Я. Томсы и К. И. Тама по подготовке ко второму изданию «Чешско-немецкого словаря» (без латинской параллели) Ф. Я. Томсы [Tham, <Tomsa> 1805–1807]. К сожалению, нам не удалось выяснить подробности этой совместной работы двух лексикографов, но многие факты говорят о том, что данная работа была далека от сотрудничества. Известно, что по настоянию издателя ответственным за этот проект был К. И. Там [Flajšhans 1896: 5], на титульном листе вышедшего в 1805–1807 гг. словаря также стоит имя только Тама. О том, что в работе над переизданием собственного словаря участвовал и Ф. Я. Томса можно узнать, лишь открыв второй том, где мелкими буквами написано, что вторую часть словаря (от буквы *P* до буквы *Ž*) подготовил Ф. Я. Томса. По этим «внешним» показателям можно сделать предположение, что по ряду причин (возможно, даже в большей степени субъективного характера) работали К. И. Там и Ф. Я. Томса над этим изданием фактически отдельно. Причем Тама не смущало отсутствие имени Томсы на титульном листе, а у Томсы, видимо, не было другой возможности переиздать свой словарь. Интересно, что исследователи, по всей видимости, пытаясь подчеркнуть первостепенное значение Ф. Я. Томсы, как автора первого издания данного словаря, нередко вовсе перестают упоминать имя К. И. Тама, ссылаясь на «Чешско-немецкий словарь» 1805–1807 гг. [см., например: Szykowski 1948: 14²¹⁹; Růžička 1957: 139–140], или, как в данной работе, указывают имена обоих, например: [Flajšhans 1896: 4; Tyl 1983: 113; Petr 1989: 10, 16, 18].

Таким образом, многие обстоятельства становления чешской лексикографии в период НВ могут быть объяснены не только разницей в лексикографических концепциях авторов словарей и в их отношении к дальнейшему языковому развитию, но и реальными условиями и сроками работы. Так, например, К. И. Там издавал словари, включая в них современную ему лексику безотносительно к ее «качеству», поэтому его лексикографические издания подвергались критике как современниками, так и последующими поколениями чешских лингвистов. Й. Добровский же хотел (скорее даже подсознательно) видеть в словаре лексику «идеального, правильного» чешского языка, но при этом считал недопустимым создание новых слов. Все эти факторы, как нам кажется, повлияли на скептическое отношение Й. Добровского к самой возможности появления «качественного» словаря

²¹⁹ М. Шийковский подошел к данному вопросу наиболее радикально: он пишет о втором издании чешско-немецкого словаря Ф. Я. Томсы, вышедшем в 1807 г., а о первой части этого словаря, изданной в 1805 г. под именем К. И. Тама, вообще не упоминает [Szykowski 1948: 14].

чешского языка и, видимо, косвенно сказались на сроках выхода его «Немецко-чешского словаря» и потере его личной заинтересованности в этом издании. Позже Й. Юнгманн, напротив, не стал ждать, но решил действовать. Учитывая теорию Й. Добровского, он внес в нее динамический аспект, посчитав возможной и правильной идею словотворчества, строго подчиняющегося законам чешской языковой системы, что, в свою очередь, способствовало его продуктивной и в большинстве случаев эффективной лексикографической деятельности.

§ 2. Формирование лексикографических принципов Й. Юнгманна

Как уже неоднократно отмечалось именно «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна стал одновременно истинно духовным и непосредственно материальным воплощением основной идеи чешского НВ — идеи (вос)создания чешского языка как национального и полифункционального, — поскольку именно в этом словаре была собрана и на основе новой лингвистической (resp. лексикографической, словообразовательной, морфологической, в какой-то степени этимологической) теории обработана и представлена лексическая система чешского языка.

Нельзя сказать, что лексикографическое наследие Й. Юнгманна не привлекало внимание исследователей. Однако, как уже отмечалось, в основном затрагивались лишь отдельные аспекты изучения «Чешско-немецкого словаря», который еще ждет своего комплексного исследования²²⁰. При этом история создания, издания и подготовки к переизданию «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна наиболее полно, на сегодняшний день, представлена в Предисловии Я. Петра к репринтному переизданию этого лексикографического труда [Petr 1989: 5–31], а также в: [Slownjk.cz <2005–2008>]²²¹. Поскольку основной целью данной работы является реконструкция процесса становления чешской лексикографии в эпоху НВ, и особенно его начальной фазы, как наименее изученной, в данном разделе при рассмотрении истории создания главного словаря эпохи НВ, особое внимание необходимо уделить формированию лексикографической концепции Й. Юнгманна, в которой лексикографические традиции и достижения предшествующих эпох и авторов были наиболее удачно синтезированы с новаторскими идеями самого Й. Юнгманна. Для этого необходимо определить, как формировались и чем были обусловлены лексикографические принципы Й. Юнгманна: каков был первоначальный замысел, какие

²²⁰ См. обзор основной литературы по данной проблематике во Введении.

²²¹ Ср. также один из важнейших первоисточников: [Jungmann 1835: III–VIII]. См. также: [Helcl 1959: 238–240; Petr 1981: 80–89; Tyl 1983: 113–119; Červená a kol. 1982: 233–247; Šmilauer 1974: 43–56].

изменения он претерпел, и с чем эти изменения были связаны; а также каким оказался конечный результат. Необходимо выяснить, какое влияние оказали на эту работу Й. Юнгманна идеи национального и языкового «возрождения», а также стремительное развитие науки (в ходе которого и создавался главный лексикографический труд эпохи) и предшествующая лексикографическая традиция. Особое значение приобретает выявление роли полемики в процессе создания «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна. На фоне в целом поддерживаемой Й. Юнгманном пуристической тенденции по отношению к немецкому языку, считаем также необходимым обозначить функции, выполняемые немецким языком в его лексикографическом труде.

2.1. Авторский замысел и его реальное воплощение

Любой проект изначально базируется на некоей идеальной установке автора, который при обдумывании замысла того или иного труда (в данном случае словаря) ставит ряд основополагающих вопросов: 1) почему возникла необходимость в создании словаря (т. е. актуальность проекта), 2) какова целевая установка автора (прагматическая направленность), 3) каким образом он будет решать поставленные задачи (методика). И, если первый пункт плана можно рассматривать как фундамент работы, который должен быть прочным и незыблемым, то в отношении второго и третьего пунктов уже в процессе осуществления проекта возможны корректировки, сопряженные с различными, в том числе и субъективными или «внешними» обстоятельствами, например: активное обсуждение проводимой работы, в ходе которого первоначальный план может измениться; или требования издателя, связанные с форматом, сроками издания, с финансированием и т. д. При этом одной из важнейших предпосылок успеха этой поистине титанической и далеко не всегда благодарной работы является фактор личности автора, поскольку для осуществления подобного проекта необходимы как знания, творческий потенциал, организаторские способности, так и определенные качества характера исполнителя: прежде всего смелость, ответственность, упорство и трудолюбие. Всеми этими качествами и способностями Й. Юнгманн, безусловно, обладал.

2.1.1. Роль полемики в работе Й. Юнгманна над словарем

Нет особой нужды доказывать необходимость и актуальность предпринятого Й. Юнгманном начинания. Достаточно вспомнить, что все, изданные уже в период НВ словари-предшественники лексикографического труда Й. Юнгманна не смогли удовлетворить, прежде всего, ученых (являющихся также активнейшими деятелями НВ, создателями возрожденческой идеологии), поскольку эти словари не соответствовали их ожиданиям, хотя в целом и выполняли поставленные задачи по стимуляции и активиза-

ции практического изучения чешского языка. Кроме того замеченные и в некоторых случаях активно обсуждаемые недочеты и ошибки в лексикографических изданиях начальной фазы НВ являлись прежде всего следствием отсутствия необходимой теоретической основы, которая на тот момент только начинала осмысляться и постулироваться²²². Изложение истории чешской лексикографии начального периода чешского НВ, предпринятое в предыдущем параграфе данной главы, также позволяет сделать вывод о том, что лексикографическая деятельность предшественников Й. Юнгманна имела в целом практическую направленность и являлась либо стартом для его труда (эту функцию, как известно, выполнял «Чешско-немецко-латинский словарь» Ф. Томсы 1791 г.), либо наглядным пособием по формированию и апробации лексикографических приемов (прежде всего «Немецко-чешский словарь» Й. Добровского и другие его работы, направленные на создание лексикографических принципов, а также полемика между Й. Добровским и К. И. Тамом).

В данной связи необходимо учитывать тот факт, что история создания словарей-предшественников главного лексикографического труда эпохи НВ, т. е. процесс становления чешской возрожденческой лексикографии и его активное обсуждение не могли не заинтересовать Й. Юнгманна и, несомненно, повлияли на его работу над словарем, поскольку:

— **с одной стороны**, его дорога в науку начиналась в период издания и обсуждения первых лексикографических трудов периода НВ. Так, в 1788 г., в год выхода первого «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама [Tham 1788], Й. Юнгманн закончил школу в Бероуне, в 90-х гг. XVIII в. он учился в Праге в гимназии, а затем и в университете. А с 1799 г., в период нашумевшего выхода второго издания «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама [Tham 1799], Й. Юнгманн начинает работать учителем в гимназии в Литомержицах (Litoměřice) и «собирать чешские слова <для будущего словаря. — И. А.>» [Šmilauer 1974: 43]. Именно с этого времени берет начало история создания словаря Й. Юнгманна [см. также: Jungmann 1835: IV]. По нашему мнению, острейшие диспуты по поводу словаря чешской лексики²²³ не могли не повлиять на обдумываемое, по всей видимости, еще в студенческие годы решение Й. Юнгманна сначала принять участие в подготовительной работе по созданию нового словаря и в разработке необходимой лексикографической (а также лексикологической и словообразовательной) концепции, а затем и возглавить данный проект. Причем, если взять за основу рассуждения Й. Добровского о словаре чешской лексики, а также отстаивание, в частности, его словообразовательной теории, включая и дискуссии с К. И. Тамом, то стимулом для Й. Юнгманна являлись, на наш взгляд, не только вера в свои силы, опирающаяся на знания, талант, а также на безупречное владение чешским языком, но и стремле-

²²² См. в данной связи § 2 первой главы.

²²³ Подробнее об этом см. § 1 п. 1.3. данной главы.

ние показать словообразовательные и стилистические возможности чешского языка и доказать полифункциональную состоятельность чешского языка, подняв его до ранга национального языка, в том числе и с помощью подготавливаемого Й. Юнгманном словаря. Последняя задача даже не обсуждалась при написании первых возрожденческих словарей.

В этой связи необходимо учитывать идеологический фон всех происходивших событий и смену лингвистических приоритетов для второго поколения чешских будителей²²⁴, поскольку демонстрация — в данном случае в виде словаря — богатого чешского языкового наследия и одновременно многочисленных словообразовательных и стилистических возможностей чешского языка не только возвышала статус родного языка, как основного атрибута возрожденческого движения, до уровня развитых европейских языков, но и вселяла веру в его успешное дальнейшее развитие и функционирование. Данное обстоятельство, на наш взгляд, во многом обусловило положительное и даже восторженное отношение к словарю Й. Юнгманна, воспринимаемому, по всей видимости, уже не столько как проект по языковому «возрождению», сколько как свершившийся факт. Это объясняет и в целом одобрение включения в словарь так называемых потенциальных слов, т. е. лексем сконструированных, а не зафиксированных в литературе или в устном употреблении, что, по сути, является грубейшим нарушением лексикографической практики. Хорошо знал об этом и Й. Юнгманн, в том числе и из полемики Й. Добровского с К. И. Тамом. Однако то, что в самом конце XVIII в. нередко воспринималось как ошибка (кстати, зачастую, именно таковой и являясь²²⁵), в 30-е гг. XIX в. стало рассматриваться как даже не потенциальная, а скорее реальная возможность для актуализации той или иной сконструированной лексемы (при этом, в отличие от некоторых предшественников, сконструированной строго на основе словообразовательных закономерностей чешского языка). В данной связи также становится понятным, почему Й. Юнгманн нарочито подчеркивал использование рукописного словаря В. Я. Росы, изобилующего неологизмами и подвергавшегося ранее критике, например, со стороны Й. Добровского, который также отрицательно воспринимал эксцерпции из лексикографического труда Росы, зафиксированные в словарях XVIII в.²²⁶ В данном случае важны не сами языковые факты, получившие отражение в словаре В. Я. Росы, а их оценка: Добровским новые слова Росы трактуются исключительно как ошибки, Юнгманн рассматривает их прежде всего в качестве модели, как возможность создания подобных слов (с обязательным учетом

²²⁴ Ср., например, различное отношение к возможности расширения функционального спектра чешского языка (см. § 2 первой главы данной работы).

²²⁵ См., к примеру, о разборе некоторых ошибок в «Немецко-чешском словаре» К. И. Тама, произведенном Й. Добровским, в § 1 п. 1.3. данной главы, а также, например: [Flajšhans 1896: 3–21].

²²⁶ См. в данной связи также § 1 второй главы данной работы.

словообразовательных законов чешского языка) и их допустимое включение в активный словарный состав. Принципиальное различие между словарями первой фазы НВ и словарем Й. Юнгманна в данном случае заключается в том, что Юнгманн, обладая тонким языковым чутьем, старался в словотворческой деятельности, как уже неоднократно подчеркивалось, строго следовать языковым законам, сформулированным в первую очередь Й. Добровским. При этом необходимо подчеркнуть, что во многом это стало возможным благодаря первым словарям эпохи НВ, обсуждение которых было адекватно воспринято и в дальнейшем творчески использовано Й. Юнгманном, причем как осмысление их недостатков, так и многих позитивных новаторских тенденций²²⁷, нашедших свое более грамотное воплощение именно в работе Й. Юнгманна.

— **с другой стороны**, Й. Юнгманн, работая над своим словарем, также принимал активное участие в рассмотрении и обсуждении многих лексикографических работ: уже упоминались его отношения в данной связи с Й. Палковичем, а также углубленное изучение труда С. Б. Линде, ставшего по многим аспектам решающим аргументом в принятии решения о лексикографических параметрах словаря Й. Юнгманна. Причем выбор «Словаря польского языка» С. Б. Линде в качестве главного образца и одного из важнейших источников по сбору лексики Й. Юнгманну приходилось отстаивать в спорах как с тем же Й. Добровским, так и с другими представителями чешского языкознания того времени. У Й. Юнгманна неоднократно возникала необходимость защищать свою точку зрения, что иногда приводило даже к потере поддержки и помощи со стороны коллег при работе над словарем (можно вспомнить в данной связи о разногласиях, возникших между Й. Юнгманном и А. Пухмайером и не позволивших им продолжить сотрудничество)²²⁸. В данном случае, по нашему мнению, Й. Юнгманн в результате «вышел победителем», помимо всех объективных причин, еще и в силу того, что продуктивно рассматривал полемическую сторону ведущейся работы, используя научные диспуты как возможность апробировать свой подход к созданию словаря и представить, например, проводимые им и его командой словообразовательные эксперименты непосредственно в процессе написания словаря. Обсуждение лексикографической работы Й. Юнгманна уже в ходе ее создания давало автору необходимый импульс для совершенствования своего труда и стимулировало на дальнейшую работу. В этой связи необходимо отметить, что главная трудность или даже некоторое противоречие языковых преобразований эпохи НВ — фактически одновременное практическое изучение языка, становление науки о языке и проведение языковых преобразований —

²²⁷ Ср., например, описание постановки лексикографических задач и способов их решения в предисловиях к словарям К. И. Тама [Tham 1805a: V–LXII; Tham 1805b: <LXV–LXIX>], см. также § 1 п. 1.2.2. и п. 1.3. данной главы.

²²⁸ Подробнее см. § 2 п. 2.2. второй главы данной работы.

получили в данном случае наиболее плодотворное развитие и привели к прекрасному результату — появлению «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна.

2.1.2. Влияние идеологии чешского национального Возрождения на лексикографическую концепцию Й. Юнгманна

Активно занимаясь изучением и пропагандой родного языка и культуры, участвуя тем самым в возрожденческом движении, Й. Юнгманн в духе идей НВ решает поставить перед собой новую, более «дерзкую» задачу — создать словарь-мечту (фактически то, что когда-то могло получиться у Я. А. Коменского) и одновременно руководство к действию, т. е. своеобразный тезаурус чешского языка [ср. также: Šmilauer 1974: 47], где каждый мог бы найти то, что искал: любой желающий получил бы уникальную возможность изучать чешский язык и культуру с помощью такого словаря, ученые могли бы, например, черпать знания об истории чешской лексики или принять участие в обсуждении новых слов, представленных в данном словаре, а также тенденций дальнейшей эволюции чешского языка; а чешское общество в целом получило бы доказательство долгой и интересной истории и демонстрацию возможного прекрасного будущего чешского языка (а значит, согласно главной идеологической доктрине НВ, и всего этноса, и государства²²⁹). В результате это могло привести к реальному изменению существующей языковой ситуации, к возвращению чешскому языку утраченных и к обретению новых функций.

Далее возникает вопрос, как решить такую задачу, вернее, понять направление и приблизиться к правильному ее решению. Стоит заметить, что Й. Юнгманн никогда не ограничивался лишь постановкой задачи, а стремился сделать все для ее выполнения, при этом не останавливался на достигнутом и был чрезвычайно самокритичен, подтверждением чему может служить то обстоятельство, что работу над своим словарем, над его корректурой и дополнениями Й. Юнгманн продолжал вести и в период издания словаря, и в дальнейшие годы [см. об этом: Červená a kol. 1982: 233–247; Petr 1981: 83; Petr 1989: 26–28].

2.1.3. Основные принципы лексикографической деятельности Й. Юнгманна

Для наиболее оптимального решения поставленной задачи Й. Юнгманн целеустремленно включился в процесс постоянного поиска новых идей, теорий, новых источников для пополнения словарных материалов и т. д. и предпринял, а точнее, предпринимал в течение всех долгих лет работы над словарем (в том числе и уже после его издания) следующее:

²²⁹ В данной связи см. также первую главу данной работы.

1) Изучил предшествующую лексикографическую традицию и определился в данной связи с основными национальными ориентирами и источниками: Д. А. Велеславин, Я. А. Коменский, В. Я. Роса, Й. Добровский, — с опорой на европейскую (в том числе и даже в первую очередь, славянскую) лексикографическую теорию и практику: словари немецкого языка Й. Х. Аделунга и И. Г. Кампе, словарь английского языка С. Джонсона, академический словарь русского языка и, конечно, главный образец для «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна — «Словарь польского языка» С. Б. Линде²³⁰.

2) Следил за развитием лингвистической теории в целом и творчески, нередко критически ее осмыслил, развил и применил в своей лексикографической и особенно словотворческой деятельности. В качестве примера обратимся к вопросу о формировании лексического состава чешского языка в эпоху НВ, прежде всего о создании словообразовательной теории и применении ее на практике. Способы формирования чешской лексической системы и ее отражения в словаре в период НВ разрабатывались в нескольких взаимосвязанных, хотя нередко и противопоставляемых, направлениях. В данной связи обычно разделяют точки зрения Й. Добровского и Й. Юнгманна [см., например: Jedlička 1953: 175; Havránek 1963: 198–199, Šmilauer 1974: 45]. Однако в предлагаемых лидерами чешских будителей решениях этого вопроса, на наш взгляд, гораздо больше общего и взаимодополняющего.

Прежде всего следует вновь подчеркнуть, что в эпоху НВ наука развивалась невероятными темпами и с впечатляющими результатами. За 20 лет, разделявших Й. Добровского и Й. Юнгманна, чешский язык осуществил колоссальный эволюционный скачок, во многом благодаря деятельности Й. Добровского, написавшего, в частности, «Подробную грамматику чешского языка» [Dobrowsky 1809] и «Историю чешского языка и литературы» [Dobrovský 1955] — труды, ставшие классикой в истории чешской филологии, определившие дальнейшее развитие чешского языка и литературы. Также известным является тот факт, что Й. Юнгманн и его соратники не только высоко оценили грамматические труды Й. Добровского, но и во многом следовали языковой теории, разработанной им [см., например: Jedlička 1974a: 33; Křístek 1974b: 23, 25; Широкова, Нещименко 1978: 37; Petr 1989: 7–8, 22].

Основным принципом Й. Добровского в вопросе формирования лексического состава и его отражения в словаре и грамматике являлось знание языковых законов и невмешательство в естественный ход языкового раз-

²³⁰ Все указанные авторы и их лексикографические труды упоминаются в той или иной связи в Предисловии к словарю [Jungmann 1835: III–VIII]. Подробнее об определении и использовании Й. Юнгманном лучших традиций чешской лексикографии и зарубежного лексикографического опыта см. вторую главу данной работы.

вития [Havránek 1979: 89; Jedlička 1948: 10]. Это касалось, прежде всего, способов пополнения лексического состава чешского языка. Задача лексикографов, по мнению Й. Добровского, заключается в том, чтобы собрать и определенным образом упорядочить лексический материал. Й. Добровский, по сути, отказывал составителю словаря в праве конструировать новые лексемы [Havránek 1979: 89; Jedlička 1953: 175; Широкова, Нешименко 1978: 24]. Он предупреждал: «Остерегайтесь без необходимости изобретать новые слова. <...> Нельзя создавать новые слова в период, когда современный чешский язык не употребляется для тех целей, которым он должен служить» [Цит. по: Широкова, Нешименко 1978: 24]. Й. Юнгманн, напротив, проводил активную деятельность по созданию новых слов, причем объяснял это, в частности, необходимостью формирования научной терминологии и образных средств для обогащения языка художественной литературы (в основном он предлагал вводить синонимы) [Jedlička 1948: 15; Jedlička 1974a: 34; Křístek 1974b: 25–26; Šmilauer 1974: 52; Petr 1989: 10]. Й. Юнгманн полагал, что вполне допустимо «обратиться к естеству и внутренней словообразовательной способности языка чешского и образовывать слова, необходимые для данного понятия, или сложением двух других слов или же, что ему больше присуще, производством с помощью префикса и аффикса <resp. суффикса. — И. А.>» [Цит. по: Широкова, Нешименко 1978: 71].

Однако, как нам кажется, непримиримого разногласия не наблюдалось. Кроме того, с течением времени и, вероятно, в результате научного общения друг с другом взгляды этих ученых несколько изменились.

Учение Й. Добровского о словообразовании, в отличие от предшествующей традиции, представляет собой синтетическую теорию. Так, например, он впервые обратил внимание на корень слова, как простейший формальный элемент и носитель основного значения слова (в грамматических трудах его предшественников в основном раздел о словообразовании являл собой рассмотрение основных аффиксальных средств и их значений). [Dobrowsky 1791b: 11–17; Hauser 1959: 43]. В своих работах [см., например: Dobrowsky 1791b: 11–32; Dobrowsky 1799]. Й. Добровский впервые в алфавитном порядке представил основные словообразовательные аффиксы (суффиксы) и к каждому из них приложил список производных. Кроме того в этих трудах был представлен и сопоставительный аспект, причем сравнение велось не только с чешским диалектным материалом, но и с другими славянскими языками, в том числе и со старославянским. Таким образом, сопоставление проводилось в плане синхронии и диахронии [ср. также: Flajšhans 1929: 84].

При этом, как известно, Й. Добровский нередко весьма резко выступал против нововведений, особенно в области лексики. Хотя нельзя утверждать, что ученый отвергал абсолютно все лексические неологизмы. Как уже отмечалось ранее, Й. Добровский не принимал те новации, которые, по его мнению, были чуждыми языковой системе, создавались без учета

правил чешского словообразования [Jedlička 1953: 172]. Й. Добровский также не считал, что чешский язык, по крайней мере в ближайшей перспективе, сможет стать полифункциональным коммуникативным средством. В этой связи он не соглашался с другими авторами, в том числе и с Й. Юнгманном, которые нередко предлагали по несколько формальных вариантов для обозначения одного и того же понятия, полагаясь на то, что со временем язык либо примет эти нововведения, например, в качестве синонимов, либо будет выбран один из предлагаемых вариантов [см., например: Широкова, Нецименко 1978: 73]. Й. Добровский более требователен: есть определенные правила, словообразования, поэтому варьирование форм должно быть исключено, а, кроме того, далеко не всегда новое становится лучше уже имеющегося в языке. Таким образом, новые слова должны появляться только в случаях действительной, реальной необходимости, т. е. по принципу: новое понятие, реалья → новое слово.

Воззрения Й. Юнгманна на способы обогащения словарного состава чешского языка, как уже отмечалось, восходили к работам Й. Добровского [например: Dobrowsky 1791b: 11–32; Dobrowsky 1799; Dobrowsky 1809]. При этом Й. Юнгманн считал необходимым учитывать функциональную дифференциацию чешского языка. Чешский язык, по его мнению, должен стать совершенным инструментом для создания научных и художественных текстов [Jungmann 1845: 29; Jedlička 1974b: 149–150]. Вслед за Добровским Юнгманн определял лексический уровень языка как внутренне взаимосвязанную систему и считал, что при решении вопроса о ее замене или обогащении необходимо знать и учитывать законы существования этой системы [Křístek 1974b: 26]. Из этого принципа вытекал постулат, в справедливости которого не сомневались ни Й. Добровский, ни впоследствии Й. Юнгманн: неорганичные для чешской языковой системы неологизмы никогда не смогут стать частью этой системы, поскольку не будут приняты коллективным узусом. В частности, Й. Юнгманн пересмотрел свое поначалу явно пуристическое отношение ко многим интернациональным терминам, признав со временем их право на вхождение в чешскую лексическую систему и существование в ней [Havránek 1974: 199; Křístek 1974b: 26].

Следует отметить, что источники для обогащения лексической системы чешского языка и Й. Добровский, и Й. Юнгманн определяли также практически одинаково [ср. например: Jedlička 1953: 176; Широкова, Нецименко 1978: 64–65; Petr 1989: 21]. Причем концепция Й. Юнгманна претерпевала ряд изменений и уточнений. Особенно это заметно при сравнении разных изданий одного из основополагающих его трудов — «Словесности» [Jungmann 1820, 1845]. Во втором ее издании (т. е. уже после выхода «Чешско-немецкого словаря») Й. Юнгманн предлагает более совершенную программу, указывая среди источников обогащения словарного состава чешского языка памятники древнечешской литературы, диалекты, сочинения современных писателей, другие славянские языки и образование но-

вых слов путем словосложения или посредством суффиксов и префиксов, т. е. деривации [Jungmann 1845: 22–24; ср. также: Havránek 1979: 96–98; Jedlička 1948: 16–17; Kamiš 1974: 67–76; Havránek 1974: 195–203; Широкова, Нещименко 1978: 65, 71; Petr 1989: 16, 19–24²³¹], что полностью отвечало требованиям Й. Добровского.

Основное различие между позициями Й. Добровского и Й. Юнгманна, на наш взгляд, заключается в их индивидуальных научных пристрастиях и разном отношении к дальнейшей эволюции чешского языка. Й. Добровский — прежде всего теоретик. Он создал лингвистическую теорию, исходя из предыдущей традиции и закономерностей языкового развития. Юнгманн, занимаясь созданием текстов на чешском языке (переводы, научные трактаты), остро ощущал нехватку адекватных лексических средств. Добровский скептически относился к расширению функциональных возможностей чешского языка. В частности, он отвергал возможность создания научных текстов и произведений художественной литературы на чешском языке, которые в языковом отношении можно было бы поставить в один ряд с подобными текстами на латинском, немецком и других более развитых языках. Й. Юнгманн, исходя из собственной переводческой, научной, в том числе и лексикографической деятельности, верил в разностороннее развитие родного языка и очень много сделал для этого (впрочем, как и Й. Добровский) [см. также: Jedlička 1948: 11; Křístek 1974: 27; Petr 1989: 5–7]. Юнгманн, «решая сложную проблему восполнения лексического дефицита, призывал к активизации внутренних резервов языка, в частности, его словотворческих возможностей. Избранный Юнгманном путь был новаторским, а поэтому и наиболее сложным, зачастую ему приходилось создавать традицию употребления литературного чешского языка в тех коммуникативных сферах, в которых он ранее никогда не использовался» [Широкова, Нещименко 1978: 62]. Юнгманн острее ощущал динамику языкового развития. Добровский был более консервативен, хотя, например, для него был характерен весьма динамический подход к изучению морфологической системы чешского языка [Широкова, Нещименко 1978: 30].

При этом оба ученых полагали, что основой для (вос)создания чешского языка нового времени являлся язык XVI в. — эпохи Гуманизма, «золотого века» в истории чешского языка. Обоим в той или иной степени было свойственно пуристическое отношение к немецкому влиянию на чешский язык (чаще всего это выражалось в отказе от немецких заимствований, их замене чешскими (славянскими) эквивалентами). Оба были высокообразованными людьми, прекрасно знающими историю чешского языка и литературы, владеющими другими, в том числе и славянскими языками. Оба были людьми с научным складом ума и тонким языковым чутьем. Они «дополняли» друг друга, что позволило Й. Добровскому стать кодифика-

²³¹ См. также § 1 п. 1.2. второй главы данной работы.

тором грамматики чешского языка, а Й. Юнгманну — составить словарь чешского языка, который на долгие десятилетия стал основным источником информации о чешской лексической системе [ср. также: Havránek 1974: 202–203].

3) **Определил круг основных источников для эксцерпций языкового материала**²³², который, однако, не был замкнутым, и **собрал команду помощников**, которая также претерпевала изменения, связанные как с различными жизненными обстоятельствами отдельных людей (у кого-то, кстати, как и у самого Й. Юнгманна, много времени отнимала основная работа²³³, с кем-то возникали разногласия, кто-то переезжал и т. п.; кроме того, люди, к сожалению, болеют и умирают), так и с тем, что, как уже отмечалось, Й. Юнгманн не прекращал поиски и был открыт к диалогу и сотрудничеству с различными авторами собраний чешской лексики и с помощниками в кропотливой работе по выписке, обработке и упорядочению словарного материала.

До того момента, как с 1800 г. [Jungmann 1835: IV] Й. Юнгманн начал непосредственно дополнять «Чешско-немецко-латинский словарь» Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791] словарным материалом, полученным от Ф. М. Пельцля [Jungmann 1835: IV; Šmilauer 1974: 43; Petr 1989: 10; Slow-njk.cz <2005–2008>: Historie vzniku], он уже начал реализовывать огромную подготовительную работу, которая заключалась с одной стороны, в постановке основных задач и постепенном формировании лексикографических приемов, а с другой стороны, необходимо было собрать базовый материал для эксцерпций языковых единиц, а также команду помощников, среди которых, по первоначальному замыслу Й. Юнгманна, должен был оказаться и главный автор или авторы будущего словаря.

Й. Юнгманн, как в свое время и Й. Добровский, полагал, что основную редакторскую и организаторскую работу по подготовке словаря возьмет на себя кто-то другой. Тем более что многие, в том числе и Ф. Ф. Прохаз-

²³² Подробнее об основных авторах и источниках, из которых производились эксцерпции для словаря Й. Юнгманна см., в частности: [Petr 1989: 17–19].

²³³ С 1799 по 1815 гг. Й. Юнгманн работал в гимназии в Литомержицах, а с 1815 г. занимал должность профессора пражской Академической гимназии. Помимо этого в 1817–1819 гг. Й. Юнгманн готовил к печати первое издание своей знаменитой «Словесности» [Jungmann 1820], с 1823 по 1825 гг. также возник «творческий перерыв», связанный с подготовкой не менее значимой «Истории чешской литературы» [Jungmann 1825]. Неудивительно, что такая загруженность работой отразилась на здоровье Й. Юнгманна, в частности, в 1824 г. его хватил паралич. Но самым страшным ударом для Й. Юнгманна стала смерть его любимого сына на Рождество 1833 г., по воле случая совпавшая с окончанием работы над рукописью словаря [см., например: Šmilauer 1974: 44–45]. Несомненно, необходимо отдать дань мужеству и целеустремленности Й. Юнгманна, который с поразительным упорством продолжал работу, преодолевая все трудности и препятствия.

ка, В. М. Крамериус, Ф. М. Пельцль и другие, в то время занимались сбором материала для нового словаря чешской лексики и обдумывали его написание [см., например: Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku]. Поэтому вначале предполагалось, что основную нагрузку по подготовке словаря возьмет на себя Ф. Ф. Прохазка, имевший, в том числе и как издатель, а значит и знаток, древнечешских текстов, хорошие предпосылки для успешного воплощения идеи создания нового словаря чешского языка. К сожалению, в 1809 г. он скоропостижно скончался. Юнгманн смог лишь воспользоваться полученным через посредничество Я. Неедлы собранием лексики Ф. Ф. Прохазки. [Jungmann 1835: IV; Šmilauer 1974: 44; Petr 1989: 10; Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku]. Другим претендентом на звание главного лексикографа эпохи НВ был Й. Палкович, отказавшийся, правда, от сотрудничества с Й. Юнгманном, но издавший свой словарь [Palkowitsch 1820–1821]. Однако, как известно, этот труд в целом не смог ответить требованиям Й. Юнгманна и его единомышленников [Jungmann 1835: V; Šmilauer 1974: 44²³⁴]. Также несущественной осталась попытка совместно работы над словарем А. Пухмайера с Й. Юнгманном [Šmilauer 1974: 44]²³⁵. В 1812 г. Й. Юнгманн пришел к окончательному решению не откладывать более реализацию данного проекта и «приступил к подготовке собственного словаря» [Petr 1989: 10], взяв тем самым весь груз ответственности на себя. Среди главных сотрудников необходимо назвать его друга А. Марека, из переписки с которым во многом удалось восстановить историю работы Й. Юнгманна над словарем [см., в частности: Szykowski 1931; Szykowski 1935²³⁶]; более того только ему Й. Юнгманн, видимо, всецело доверял, поскольку в случае возможных печальных обстоятельств продолжить работу над словарем он поручал именно А. Мареку, о чем писал ему в 1818 г.: «Если я умру раньше Вас, на Вас придется издание этой невероятной работы» [Цит. по: Šmilauer 1974: 44]. Большой вклад в работу по подготовке к изданию «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна внесли также Я. Б. Малый, Й. Ф. Шумавский, П. Й. Шафарик, который, в частности, провел одну из корректур всей рукописи словаря [Paul 1937b: 46–54; Petr 1989: 10], а также В. Ганка [Flajšhans 1921: 225–229; Petr 1989: 17] и многие другие [см.: Jungmann 1835: III–VIII].

Несомненно, особого упоминания в данной связи заслуживает Й. Добровский, оказавший огромное и всестороннее влияние на процесс создания «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна. Именно Добровского можно назвать одним из главных «патронов» и помощников, снабжавших Юнгманна необходимыми собраниями чешской лексики, познакомившего Й. Юнгманна со многими, кто мог помочь и в последствии действительно помогал ему в работе над словарем. В Предисловии к своему словарю

²³⁴ Подробнее см. § 2 п. 2.2.2. второй главы данной работы.

²³⁵ См. об этом § 2 п. 2.2.1. второй главы данной работы.

²³⁶ См. также § 2 п. 2.2.1. второй главы данной работы.

Й. Юнгманн довольно подробно описал, как начиналась его работа по созданию словаря, каким образом и от кого поступали к нему различные собрания чешской лексики [Jungmann 1835: IV–VI]. В частности, в распоряжении Й. Юнгманна находилось несколько вариантов эксцерпций из собраний, которыми располагал Й. Добровский, в том числе и переданных Й. Юнгманну самим Й. Добровским (например, собрания Я. Михайловского, А. Пишелы, А. Пухмайера, Й. В. Злобицкого, Я. Забранского, Ю. Рибай и многих других [Jungmann 1835: IV; см. также, например: Petr 1989: 12]), а также выписки из первого тома «Немецко-чешского словаря» Й. Добровского, выполненные А. Марекком, и рукописные приписки Й. Добровского в словаре Ф. Я. Томсы [Petr 1989: 12]. Й. Юнгманн неоднократно подчеркивал, что особую значимость для его работы имел «Немецко-чешский словарь» Й. Добровского, причем не только в качестве источника лексики, но и как один из важнейших образцов [Jungmann 1835: IV–V]. Также, например, известно, что при посредничестве Добровского Юнгманну удалось в 1813 г. приобрести копию рукописного словаря В. Я. Росы [Petr 1989: 12] и выйти на прямой контакт с С. Б. Линде, а позже и приобрести его «Словарь польского языка»²³⁷.

При этом Й. Добровского нельзя назвать абсолютным единомышленником Й. Юнгманна. Однако, по нашему мнению, именно разногласия, возникавшие между Й. Добровским и Й. Юнгманном в ходе обсуждения проводимой работы по созданию словаря и не только, приобретали в данном случае особое и во многом даже ключевое значение²³⁸.

4) **Обозначил основных пользователей будущего словаря**, тем самым, предложив возможное постепенное решение **задачи по расширению функционального спектра чешского языка и созданию лексических средств различных стилей**, прежде всего средств для создания текстов художественной и научной литературы. По словам Й. Юнгманна, его словарь предназначался читателям (*wěšjmu djlu čtenářu*), писателям (*česky pjšjcm*), ученым (*badatelům gazyka*), проповедникам (*kazatelům*) и «всем, кто по-чешски писать или читать и старые, и новые сочинения хотят» [Jungmann 1835: VII]. Отметим также, что в «Извещении об издании чешско-немецкого словаря», вышедшем 27 февраля 1834 г. [Červená a kol. 1982: 234–236], Й. Юнгманн в данной связи отмечал, что «конечно, прежде всего составитель <словаря, т. е. Й. Юнгманн. — И. А.> принимал во внимание <нужды> писателей, проповедников, чиновников и всех, кто, либо в связи с профессией, либо по доброй воле, что-либо по-чешски писать хочет; но желал подействовать и читающим, или с чешского на немецкий язык переводящим <...>» [Červená a kol. 1982: 235]. Как убеди-

²³⁷ Интересно, что именно эти словари и их авторы были одними из главных «виновников» разногласий между Й. Юнгманном и Й. Добровским. См. в этой связи также вторую главу данной работы.

²³⁸ См. в данной связи также предыдущий пункт 2 и последний пункт 5.

тельно показали авторы статьи, где представлен сопоставительный анализ текстов извещений о выходе словаря Й. Юнгманна и Предисловия к этому словарю, написанных самим Й. Юнгманном, выбор именно указанных представителей чешской общественности²³⁹ в качестве основных адресатов был предопределен одной из основных идей данного проекта, так как именно эти деятели являлись движущей силой чешского НВ и именно они могли реально повлиять на изменение существующей языковой ситуации в сторону увеличения использования чешского языка в разных сферах; кроме того словарь был призван помочь в решении задачи стилистической дифференциации чешского языка («писатели олицетворяли продукцию “поэтическую”, проповедники — “ораторскую” и чиновники — “прозаическую, обиходно-разговорную”»²⁴⁰ [Červená a kol. 1982: 238–239]), а значит улучшить его «качество»²⁴¹ и повысить статус.

5) Разрабатывал методику сбора, обработки и документации словарного материала, определил способ представления лексики в словаре и построения словарной статьи. Это были одни из наиболее сложных задач, потребовавшие серьезной и обоснованной теоретической подготовки, в том числе и разработки методики по их выполнению. При этом решение данных задач претерпело существенные изменения по сравнению с первоначальным замыслом. Однако именно в данном случае есть возможность наглядно проследить, как Й. Юнгманн формировал весь комплекс лексикографических приемов при работе над своим словарем.

Неоднократно в данной работе упоминался тот факт, что первоначально Й. Юнгманн использовал прием внесения дополнений и исправлений в выбранный им в качестве основы «Чешско-немецко-латинский словарь» Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791] и чуть позже второе издание этого словаря [Tham, <Tomsa> 1805–1807], о чем есть упоминание и в написанной самим Й. Юнгманном истории создания своего словаря, включенной в Предисловие к этому труду [Jungmann 1835: IV; см. также: Tyl 1983: 113–119; Šmilauer 1974: 47; Petr 1989: 10; Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku]. В этом же Предисловии Й. Юнгманн признал несостоятельность данного метода, применение которого лишь значительно увеличило временные рамки данной работы, но не привело к достижению необходимого результата из-

²³⁹ О причинах некоторого изменения состава адресатов в Извещении и Предисловии к словарю см.: [Červená a kol. 1982: 233–247].

²⁴⁰ Как известно, расширение функционального спектра чешского языка было одной из основополагающих задач, поставленных Й. Юнгманном перед чешским языкознанием. См. в данной связи, например: [Jungmann 1820], с некоторыми изменениями и дополнениями: [Jungmann 1845].

²⁴¹ В данном случае предлагалось реальное решение задачи по выходу чешского языка из состояния затяжного кризиса, «упадка», по словам Й. Добровского [Dobrovský 1955: 113], которое, согласно мнению будителей, угрожало самому существованию чешского языка. См. также первую главу данной работы.

за возникновения бесконечных неудобств, связанных с постоянным увеличением числа новых записей, исправлений и приписок, вносимых в словарь-основу [Jungman 1835: V]. Поэтому Й. Юнгманном в 1812 г. было принято, по всей видимости, сложно давшееся, но единственно верное решение переделать эту часть работы, переписав весь словарный материал на отдельные листы по принципу: один лист — одна словарная статья [Šmilauer 1974: 47; Tyl 1983: 118; Petr 1989: 10; Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku].

Главным недостатком лексикографического труда Й. Юнгманна являются, на наш взгляд библиографические неточности, а также приведенный в словаре далеко не полный список источников, из которых черпался словарный материал [см. об этом, например: Šmilauer 1974: 50–51]. Именно в этом случае не удалось в полной мере воплотить первоначальный замысел: точно задокументировать все лексические единицы чешского языка с указанием имени автора, названия произведения, издания и страниц, либо места фиксации употребления (например, в случае с диалектной лексикой). Причины такого положения дел были связаны прежде всего с тем, что Й. Юнгманну приходилось работать с различными собраниями чешской лексики, авторы которых не придерживались одинаковых требований к документации языковых единиц, т. е. выработанной и принятой всеми методики сбора и обработки лексического материала. Об этом Й. Юнгманн пишет, в частности, в Предисловии к своему словарю, где отмечает, например, что в собрании Я. Михаловского приводятся лишь имена писателей, в произведениях которых встретилась та или иная лексема; но при этом информации о конкретных книгах и страницах, где было обнаружено слово, нет [Jungmann 1835: IV]. В связи с эксцерпциями Й. Добровского также возникала подобная трудность расшифровки источников, природа которой, однако, была несколько иной. В данной диссертации уже неоднократно отмечалось, что именно Й. Добровский впервые выдвинул тезис об обязательной работе лексикографа с первоисточником и непременно указании на источник эксцерпции²⁴². При этом сам Добровский, занимаясь работой по сбору лексического материала, последним пунктом пренебрегал, а вернее, «экономил время». Хорошо известно, что патриарх славянской филологии обладал феноменальной памятью, именно поэтому он мог ограничиться лишь запоминанием в данном случае источника со всеми необходимыми выходными данными, или, как отмечал Й. Юнгманн, «полагаясь на свою необычайную память», в большинстве случаев обозначать либо только имя автора, либо время, в которое появилось или было зафиксировано то или иное слово [Jungmann 1835: IV]. Данные обстоятельства наглядно демонстрируют факт одномоментности прохождения процессов разработки лексикографической теории и непосредственной работы над созданием словаря. И Добровский, и позже Юнгманн (как, впрочем, и дру-

²⁴² См. также § 1 п. 1.3. данной главы.

гие авторы) первоначально собирали лексику чешского языка, так сказать, «для себя», а также, по всей видимости, не рассматривали свою лексикографическую работу как коллективный труд (по крайней мере, на стадии сбора материала). Понимание того, что работа над словарем (в данном случае, проведение эксперпций) должна быть подчинена разработанному и установленному плану, а также общепринятой всеми участниками проекта методике пришло уже в ходе работы, что и привело к упомянутым сложностям и, в конечном счете, к библиографическим неточностям в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна.

Серьезных размышлений потребовала и организация словаря. Бурная дискуссия велась как по поводу способа представления лексики в словаре (алфавитный или гнездовой, одноязычный или двуязычный), так и в связи с объемом словника и способами его наполнения (включение производных, соответствий из других славянских языков, неологизмов и т. д.), а также относительно различных нюансов построения словарной статьи (грамматические показатели, пометы, примеры употребления, ссылки на источники). О многих перечисленных аспектах формирования лексикографических принципов Й. Юнгманна уже шла речь в предыдущей главе данной работы. Здесь остановимся на двух моментах, демонстрирующих как способность автора принимать «непопулярные» решения вопреки мнению его оппонентов по научной дискуссии о словаре, так и готовность Й. Юнгманна идти на разумные и необходимые компромиссы:

1) Как уже отмечалось выше, в ходе работы над словарем Й. Юнгманн находился в постоянном контакте с Й. Добровским. Известно, что Добровский был впечатлен замыслом Юнгманна и с самого начала работы над словарем поддерживал его, как советами, так и непосредственным лексическим материалом для словаря [Šmilauer 1974: 43; Petr 1989: 12], что можно объяснить лишь тем, что изначальная лексикографическая концепция Й. Юнгманна соответствовала представлениям Й. Добровского о словаре чешского языка²⁴³. В дальнейшем, однако, Й. Добровский в свойственной ему манере весьма критически отозвался о рукописи первой части словаря Й. Юнгманна, в 1812 г. отосланной ему на экспертизу автором. Недовольство Й. Добровского вызвали прежде всего алфавитный способ представления лексики в словаре и включение в словарь сконструированных лексем, прежде всего терминов²⁴⁴ [Petr 1989: 12]. Однако здесь необходимо подчеркнуть, принципиальное, на наш взгляд, отличие критики со стороны Й. Добровского словаря К. И. Тама и лексикографической работы Й. Юнгманна. Во-первых, в случае с Й. Юнгманном дискуссия проходила в формате диалога. Во-вторых, Й. Добровский не мог не признать высокий научный и творческий потенциал Й. Юнгманна. Именно поэтому, как нам

²⁴³ Кстати, возможно, это обстоятельство может являться одним из объяснений утраты интереса Й. Добровского к изданию собственного словаря.

²⁴⁴ См. в этой связи также пункт 2 данного перечня.

представляется, Й. Добровский так настаивал на создании «научной» версии словаря, построенной по гнездовому принципу²⁴⁵. В данной связи стоит упоминания тот факт, что, например, в предисловии к словарю Ф. Я. Томсы Добровский поддержал алфавитный способ представления лексики в словаре, поскольку справедливо полагал, что это наиболее приемлемый способ для широкого круга пользователей словарем, основной задачей которых является изучение с помощью этого словаря чешского языка. Более того алфавитный способ применил и сам Й. Добровский в своем «Немецко-чешском словаре» [Dobrowsky 1802–1821]. Непосредственно наблюдая за работой Юнгманна, Добровский пришел к заключению, что именно этот автор способен создать словарь, который мог бы стать основополагающей базой для научного изучения чешского языка и в этом случае более подходящим был бы именно гнездовой способ. Поэтому, видимо, Й. Добровского так «разочаровало» окончательное решение Й. Юнгманна в пользу алфавитного представления лексики в словаре. Хотя, как уже неоднократно отмечалось, Й. Юнгманн принимал и разделял данную позицию Й. Добровского, о чем свидетельствует его компромиссное, но, к сожалению, не осуществленное решение издать в дальнейшем гнездовую версию словаря. Также стоит упоминания тот факт, что, приняв за основу алфавитный вариант, ко многим заглавным словам Й. Юнгманн приводил и дериваты, частично, таким образом, поддерживая гнездовой принцип построения словарной статьи²⁴⁶.

Таким образом, хотя точки зрения Й. Добровского и Й. Юнгманна далеко не всегда совпадали, именно их диалог, по нашему мнению, оказал наиболее продуктивное воздействие на процесс создания «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна.

2) Существенные изменения претерпела система помет в словаре Й. Юнгманна. Изначально автор планировал применить в своей лексикографической работе подробную систему помет, разработанную и примененную в словаре немецкого языка И. Г. Кампе²⁴⁷ [Jungmann 1835: VII; Šmilauer 1974: 47; Petr 1989: 10]. В принадлежавшем Й. Юнгманну издании «Чешско-немецкого словаря» К. И. Тама и Ф. Я. Томсы [Tham, <Tomsa> 1805–1807], в который Юнгманн вносил исправления и дополнения был обнаружен вставленный лист со списком, состоящим из 12-ти пунктов для обозначения различных стилистических особенностей того или иного слова, а также ряд иных классификационных параметров, которые автор будущего «Чешско-немецкого словаря» предполагал в нем применить [Tyl 1983: 116]. В этом списке представлены [см.: Petr 1989: 16–17]: 1) «slovce

²⁴⁵ Об основных причинах данного требования Й. Добровского см., например: [Petr 1989: 12].

²⁴⁶ См. также § 2 п. 2.2.1. второй главы.

²⁴⁷ J. H. Campe. *Wörterbuch der deutschen Sprache*. Bd. 1–5. Braunschweig, 1807–1812.

vyššího slohu», т. е. книжные; 2) «taková nově zkussená», дословно, “приобретающие опыт”, т. е., по всей видимости, неологизмы; 3) «slovce z obecného zvyku», т. е. нейтральная лексика и «lehkého žertového slohu», т. е. слова ироничного или юмористического характера; 4) «nízká obecná slovce», т. е. просторечная лексика; 5) «slovce jednoho kraje neb okessku, provinciální, též technická <...>», т. е. диалектная лексика и сленг; 6) «povřlivá, k písební řeči se nehodící krajinská slovce (nízké provincializmy)», т. е. в отличие от диалектизм из предшествующего пункта, претендующих на вхождение в систему письменного литературного языка, данный пласт диалектной лексики не является, по мнению Й. Юнгманна, подходящим для письменной речи, и должен остаться в статусе говора; 7) «slovce, která to, což mají vyznamenati, neznamenají (nevyznamenávající), zlé tvořená slovce i nová», т. е. неудачные окказионализмы; 8) «nová slovce», т. е. новые слова²⁴⁸; 9) «ode mne tvořená», т. е. слова, сконструированные самим Й. Юнгманном, в отличие от лексем из пункта 8; 10) «slovce ale k potřebě hodná a z částky od novějších užívaná slovce», т. е., по всей видимости, в отличие от неудачных окказионализмов из пункта 7, лексическим новообразованиям последнего времени в данном случае дается шанс на включение в активный лексический состав чешского языка; 11) «cele zastaralá slovce», т. е. устаревшие лексемы; 12) «slovce cizí, zvláště německá», т. е. заимствования, прежде всего германизмы.

Таким образом, Й. Юнгманн предполагал классифицировать чешскую лексику с позиций ее стилистической дифференциации, времени появления в языке, обозначения ее локализации и «языковой правильности». [Petr 1989: 16]. Очевидно, что распределение лексем по стилям и особенно констатация их «правильности/неправильности» могли соответствовать на момент создания словаря лишь стилистической теории самого Й. Юнгманна и в большей степени его языковому чутью, при этом данные слова и многие пометы к ним не авторитарно устанавливались, а предлагались автором словаря для обсуждения и возможной дальнейшей кодификации, или, например, определения стилистической ограниченности употребления.

В ходе обсуждения предложенного Й. Юнгманном списка помет выяснилось, что «множество обозначений не понравилось некоторым современным писателям», поэтому, пойдя в данном случае на компромисс, в окончательной версии словаря Й. Юнгманн сохранил лишь две пометы: «для обозначения устаревших и нехороших, либо подозрительных слов» [Jungmann 1835: VII]. Особо выделяются, таким образом, неактуальные, на первый взгляд, лексемы, а преследуются при этом две цели. В случае с устаревшей лексикой к рассмотрению предлагается возможность их актуа-

²⁴⁸ Здесь без дополнительных пояснений остается не совсем понятным различие между пунктом 2 и 8. Вероятно, речь идет о неологизмах, разных по происхождению.

лизации, т. е. возвращения к функционированию. Пометы для неудачных, с точки зрения Й. Юнгманна, неологизмов призваны помочь пользователю словаря при их распознавании в новых текстах на чешском языке [Jungmann 1835: VIII] и привести в дальнейшем к отказу от их употребления. Также в словаре сохранились обозначения для диалектной лексики и заимствований. Особый интерес вызывают знаки вопроса, которыми Й. Юнгманн обозначал слова, «не известные на тот период составителю <словаря>» [Jungmann 1835: VII]. В данном случае Й. Юнгманн вновь призывает к сотрудничеству всех, кому, возможно, данные слова и их значения хорошо знакомы [Jungmann 1835: VII], и они могли бы помочь в дальнейшем многие из этих вопросительных знаков убрать²⁴⁹.

В данном случае нельзя не согласиться с мнением о том, что «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна является прежде всего информативным [см., например: Kamiš 1974: 68; Šmilauer 1974: 53; Petr 1989: 14–15], что предопределяет, с одной стороны, влияние фактора оценки лексического материала с той или иной позиции (поскольку информация всегда оценочна); а с другой стороны, позволяет, получив ту или иную информацию о слове, сделать свои выводы по поводу его «правильности» и функциональных возможностей. Как отмечает В. Шмилауэр, «Юнгманн был противником строгой нормализации; предлагал <для словаря. — И. А.> все, что обнаружил, и верил, что из этого сохранится и установится лишь то, что будет самым лучшим» [Šmilauer 1974: 53]. Таким образом, Й. Юнгманн вновь занимал позицию, открытую для активного обсуждения, доработки и дополнения его лексикографического труда.

Наиболее обсуждаемыми, таким образом, безусловно, являлись задачи № 2 и № 5. Именно здесь возникали острые дискуссии, для которых Й. Юнгманн, как уже неоднократно подчеркивалось, был всегда открыт, поскольку именно в динамике, в развитии, в постоянном поиске Й. Юнгманн нашел ответ на главный вопрос — каким должен быть его словарь. Он совершенно осознанно отождествил свой труд (и соответственно сам чешский язык) с живым организмом²⁵⁰, для которого постоянные изменения — суть жизни: «... живой язык, каким, слава богу, до сих пор чешский и является, не останется навсегда в одном состоянии, а, подобно всему живому, постоянно будет меняться» [Jungmann 1835: III]. Необходимо лишь знать и соблюдать закономерности этих изменений и не бояться возможности оказать на них необходимое и теоретически обоснованное влияние. Поэтому он относился к своей работе как к процессу, который не должен был заканчиваться изданием словаря.

²⁴⁹ Примеры для указанных групп слов см. далее в п. 2.2. данного параграфа.

²⁵⁰ Безусловно, здесь необходимо отметить известное влияние стремительно развивающегося в то время естествознания на другие научные отрасли, в данном случае, на языкознание.

2.2. Функции немецкого языка в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна

«Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна «имеет ключевое значение для понимания процесса формирования лексического состава современного чешского языка. Трудом Юнгманна заложены основы словаря современного чешского языка, и связано это прежде всего с сознательной перестройкой словарного состава чешского языка того периода» [Kamíř 1974: 67], не лишенной столь характерных для эпохи НВ пуристических тенденций по отношению к немецкому воздействию.

Во Введении уже отмечалось, что факты влияния немецкого языка на процесс создания словарей в эпоху чешского НВ далеко не однозначны и требуют отдельного всестороннего исследования. В заключение данной главы считаем уместным кратко обозначить основные функции, которые выполняет немецкий язык в лексикографическом труде Й. Юнгманна. Речь пойдет о немецком воздействии на чешскую лексическую систему и на ее представление в словаре, в том числе и о немецких заимствованиях, об их интерпретации составителем словаря через призму отношения к немецкому языку в эпоху НВ и с учетом его реальной роли в деле фиксации и кодификации чешской лексической системы. Особое внимание будет уделено проявлению пуризма, который в то время связывался с освобождением прежде всего от немецких элементов в чешском языке.

При рассмотрении данного вопроса необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1) Чешский язык долгое время развивался в условиях двуязычия. В силу различных исторических причин в разные периоды времени на территории чешского этноса использовались старославянский, латинский и, разумеется, немецкий языки, которые не могли не повлиять на развитие чешского языка.

2) При этом следует отметить, что отношение к старославянскому (вообще к славянскому), да и к латинскому воздействию на чешский язык всегда, и период НВ не явился исключением, в общем было положительным; в то время как немецкое влияние оценивалось чаще негативно.

3) Причины этого кроются, по всей видимости, в принципиально разной природе указанных иноязычных влияний. Дело в том, что старославянский язык в IX в. стал первым письменным языком на территории чешского этноса, был предтечей чешской литературно-письменной традиции; латинский язык также долгое время выступал в роли языка культуры, богослужения, литературы и языка администрации; кроме того, статус латинского языка в средние века в Европе был настолько высок и непрекращаем, что подобная ситуация не могла вызывать особого неприятия в чешской среде. Таким образом, взаимоотношения чешского со старославянским и в большей степени с латинским языком всегда строились в русле диалога культур, а подобные связи обычно оцениваются положительно.

Немецкое воздействие на чешский язык всегда было связано с непосредственными отношениями между двумя этносами — чешским и немецким. Конечно, не последнюю роль в этих отношениях играла и культура, но на первый план вышли связи политического, экономического и социального характера, т. е. наблюдалось «внешнее воздействие» на развитие языка и на межъязыковые отношения. Также нельзя забывать, что к периоду НВ статус и реальное положение немецкого и чешского языков на территории Чехии существенно различались. Чешский язык, как известно, находился к этому времени в состоянии затяжного кризиса, а немецкий занимал привилегированное положение во всех сферах, что также влияло на оценку чешско-немецких культурных, в том числе и языковых, отношений.

Тем не менее, именно немецкий язык в эпоху НВ играл роль посредника при изучении чешского языка, прежде всего, онемеченными чехами. Именно поэтому на немецком выходили учебники чешского языка и по той же причине создавались двуязычные, немецко-чешские и чешско-немецкие, словари, о чем уже неоднократно упоминалось в данной работе.

В то же время немецкий язык воспринимался чехами как язык завоевателей, фактически вытеснивший чешский из всех основных сфер функционирования национального литературного и государственного языка и оказавший влияние на развитие чешского языка. Это, бесспорно, вызывало чувство неприятия немецкого воздействия не только у простых носителей языка, но и у исследователей. Несомненно, что в результате активного внедрения немецкого языка во все сферы жизнедеятельности (и учитывая немецко-чешские контакты более раннего времени), его влияние на чешский язык оказалось весьма ощутимым на всех уровнях языковой системы. Поэтому неудивительно, что главным вопросом, вставшим перед деятелями чешского НВ, был процесс (вос)становления, «возрождения» национального языка. Конечная цель этого процесса — кодификация чешского литературного языка, достижение уровня полифункционального государственного языка. При этом основным провозглашался принцип избавления от немецкого воздействия, но способы и реальные последствия данного пуристического направления были неоднозначны, тем более что влияние немецкого языка на чешский — явление многовековое и полностью его исключить было невозможно.

Далее на конкретных примерах из «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна будут продемонстрированы некоторые возможности формирования лексического состава чешского языка (в связи с представлением в словаре заимствований) и предпринята попытка ответить на вопрос, каким образом проявлялись пуристические тенденции в первую очередь по отношению к немецкому языку и всегда ли предлагаемые преобразования вели к желаемому результату.

Прежде всего следует отметить, что в словаре Й. Юнгманна представлены заимствования из многих языков²⁵¹.

Чаще всего в качестве источника заимствования или калькирования выступают немецкий и латинский языки, например:

- 1) *kalendář* (z lat.), *kancelář* (z lat.), *kandidat* (z lat.), *kanonika* (z lat.), *kaštel* et *kastel* (z lat.);
- 2) *kamp* (cf. germ *Kamm* et vulg. *Kamp*, cf. lat. *cumulus*), †*kauklěř*, *kaukljř*, *Kaukler*, *Augenblender*; *kazimluv*, *kaziřeč*, *Sprachverderber*; *kazislow*, *Wortverderber*.

Представлены также заимствования из еврейского, греческого, «индийского», арабского, турецкого и др., иногда для сравнения приводятся подобные слова из других, в том числе и славянских, языков:

kabala (z hebr.), *kaftan* (turc., ital., lat., germ. atd), *kagaputnj* (z indick.), *kanduš* (turc. et tatar., graec., pol.), *karat* (ital., arab., graec.), *karawana* (rus., arab., turc.), *karmazin* (arab.), *katar* (z řecko-lat.), *katedra*, *kathedra*, *kadedra* (z řeck.), *katecheta*, *katechista* (z řeck.).

Более поздние заимствования из французского и итальянского, например:

kabinet (z franc.), *kanapé* (z franc.), *kantáta* (z ital.), *kapitán* (z ital.), *kapot* et *kaput* (z franc. *capot*), но: *kaput* (ital. *capotto*, gall. *capot*); *karnis* (ital. *cornise*, pol. *kornesy*, rus. *karniz*), *kaskada* (z franc. *cascade*) ‘malý wodospád’, ср.: *wodospád*, *wodopád* (rus. et pol.).

Особо следует отметить наличие обширного пласта славянской лексики, что явилось попыткой возрождения др.-чеш. слов и/или значений, включения в словари чешского языка заимствований или слов-соответствий, близких по форме и соотносящихся по значению, из близкородственных польского, русского, словацкого, южнославянских языков. Славянская лексика, как известно, трактовалась как один из основных источников пополнения словарного состава чешского языка и как одно из средств языковой «борьбы» с неславянским (*resp.* немецким) влиянием [Jungmann 1845: 22–24; см. также: Havránek 1979: 96–98; Jedlička 1948: 16–17; Havránek 1974: 196]. Таким образом, славянизация чешской лексической системы — одно из следствий пуристических тенденций в процессе возрождения чешского языка и пополнения его лексического состава.

Дальнейший иллюстративный материал можно условно разделить на два блока: 1) как трактуются в словаре заимствования и кальки (прежде всего немецкие и латинские); 2) в какой функции выступает немецкий язык в словарях (как строится немецкая часть словарной статьи, каким

²⁵¹ Необходимо в данной связи отметить, что в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна также достаточно широко представлена ономастика, в том числе и иноязычного происхождения.

образом проявляется отношение ко всему, что связано с немецкой культурой).

- 1) а) Довольно часто заимствования отмечены особым знаком (†) в начале словарной статьи перед заглавным словом. Пояснение к этому знаку, которое приводится в списке сокращений, тоже весьма характерно: таким знаком отмечены слова, которые являются «иностранными, неправильно (дословно “*плохо*”) созданными или подозрительными» [Jungmann 1835: VIII]. Трактовка знака † нарочито не нейтральная. Подчеркнем, что им чаще сопровождаются слова немецкого и латинского происхождения:

†*annalista* (z lat.) ‘letopisec’, *der Annalist*, †*annaly* ‘letopisy’, *Jahrbücher*; †*armpant* z něm., *Armband*, *lépe náramek*; †*aužkosrdcawost*, ‘nesmělost’, *Engherzigkeit*; †*handl*, ‘obchod, kupectwí’, †*handlěř*, †*handljř-ka*, †*handljřský*, †*handljřstwí* atd. (z něm. *Handel* usw.); †*kauklěř*, *kaukljř*, *kegkljř*, *Caukler*, *Augenblender*.

- б) Иногда составитель словаря не говорит об иноязычной природе того или иного слова. Чаще всего подобные слова являются широко распространенными и часто употребляемыми. Отсутствие информации о происхождении этих лексем, возможно, свидетельствует о желании лексикографов определить в сознании носителей языка эти слова как свои или адаптированные настолько, что их иноязычное происхождение уже не чувствуется. Например: *arendator*, *aristokrat*, *astrolog*, *astronom*, *atlas*, *kadet*, *kakao*, *kapitál*, *kapitalista*.
- в) Вместе с тем иногда в словарь не включаются уже давно утвердившиеся и повсеместно используемые международные слова, такие как, например: *gymnázium*, *liturgie*. Показательным является комментарий по этому поводу составителя «Чешско-немецкого словаря»: «То, что некоторые заимствования, как, например, *гимназия*, отсутствуют, меня не огорчает, поскольку их и так слишком много» [Цит. по: Šmilauer 1974: 52]. Весьма странным выглядит отсутствие подобных слов, называющих важные реалии, особенно если учитывать установку автора на как можно более полное отражение словарного состава чешского языка.
- г) При этом нельзя обойти вниманием и другую крайность — фиксацию, а значит и надежду на включение в оборот «неясных» слов, отмеченных знаком вопроса в словарях, или слов локального использования, как правило, с весьма специфическим значением, например: *kakabus* et *kakabuš* (ex lat. *cacabus*) ‘newljdny člowěk’ (Usus), *karfiol* ‘kwětná hlawa-tice’ (kwětnjk?) (Usus), *kawoň?* *mor.*, *nom. viri*. Данные колебания, на наш взгляд, также являются следствием проявления пуризма.
- д) Одной из интереснейших форм проявления пуристических тенденций является конструирование словообразовательных цепочек, создание новых слов, в том числе и от корней или основ иноязычного происхожде-

ния. Здесь наблюдается вариативность форм чешских слов, в отличие от немецких конструкций, и присутствует явная оценочность по признаку: *свое* со знаком «плюс» и *чужое* со знаком «минус». Известно, что Й. Юнгманн не считал необходимым при включении в словарь той или иной словоформы придерживаться определенных правил: первоначальной кодификации тех или иных словообразовательных моделей и средств чешского языка, а затем уже включения в словарь либо реально существующих в чешском языке слов, либо слов, сконструированных по установленной модели [Kamiš 1974: 68, Šmilauer 1974: 53]. Поэтому в его словаре обычно приводятся все возможные, в том числе и потенциальные, словоформы.

При этом нельзя не отметить тот факт, что некоторым словообразовательным формантам приписываются достаточно регулярные значения, например,:

как правило, абстрактные существительные на *-stwj*: *admirálstwj* ‘*admirálská povinnost, auřad*’, *die Admiralsamt*; *apatekářstwj*, *apatykářstwj* = *apatekářské uměnj*, *ljkárnictwj*, *Apothekerkunst*; *kalwinstwj* ‘*wjra kalwinská*’, *Kalvinerglaube*; *kapitanstwj* ‘*důstognost kapitána*’, *Kapitan-schäft*; *katolictwj* ‘*wjra katolická*’, *Katholicismus*

и, как правило, названия групп людей, объединенных по какому-либо признаку, образованные с помощью суффикса *-stwo*: *admirálstwo*, ‘*admirálů shromážděnj*’, *die Admiralität*; *kalwinstwo*, *die Kalviner*; *kapitanstwo* 1) slc. = *kapitánstwj*, 2) ‘*kapitan s kapitanovau*’; *katolictwo* ‘*katolicj*’, *die Katholiken*.

Немецкие соответствия в подобных случаях обычно менее разнообразны, например:

karabina et slc. *karabjn* (z franc. *carabine*), *der Karabiner* ‘*obyčegná zbraň gjzdy, kratšj pěchotné zbraně*’; *karabiňák* ‘*karabinský wogák*’, *ein Karabiner*; *karabiněř* ‘*gezdec karabinau zbrogný*’, *der Karabiner*; *karabinný* n.p. *řemen*, *Karabiner-*; *karabinský* n.p. *wogák*, *Karabiner-*.

Это обстоятельство свидетельствует (хотя, возможно, лишь дополнительно) об оценочном отношении лексикографа к двум языкам, т. е. демонстрируются более богатые, по сравнению с немецким, словообразовательные и семантические возможности чешского языка.

Не всегда делаются перекрестные ссылки на статьи, где представлены синонимичные лексемы или конкурирующие формы. Как правило, ссылок нет именно в случаях, когда синонимом или смежным понятием является заимствование. Эти слова нередко демонстрируют разную степень адаптации иноязычного слова, например:

kafé, kafe ‘*káwa*’ *der Kaffee*;

káwa *der Kaffee*, slc. et pol. *Některj kafe, ginj kafě pjšj, ale káwa slowenštěgi znj*.

Особо следует отметить явно оценочный пример, приведенный в статье с заглавным словом *káwa*, где признается более правильной, потому что является более «славянской», т. е. адаптированной, именно форма *káwa*, а не *kafé*.

Хотя, возможно, это лишь отдельные случаи нарушения системного, стандартного представления слов в словаре, которые отмечаются также, например, при трактовке однокоренных (иногда конкурирующих) слов и форм, как, например в статьях *kambrejský* z Kambrai, fr. města w<iz>. *kameracenský* и *kameracenský* von Cambrai, Cameracensis.

- 2) а) При этом нельзя не отметить и прямо противоположных тенденций. Так, во-первых, весьма показательным является факт создания именно двуязычных словарей в эпоху НВ и в качестве одного из языков выступает именно немецкий. Этому явлению есть логичное объяснение (отмеченное выше немецкое воздействие во всех сферах жизнедеятельности и как крайнее проявление этого процесса — вхождение чешских земель в Австро-Венгерскую империю, вслед за чем последовало объявление практически абсолютного приоритета немецкого языка). Во-вторых, характерным и также находящимся в зависимости от перечисленных обстоятельств является наличие в словаре Юнгманна статей, где в качестве языка толкования выступает не исходный, т. е. чешский язык, а немецкий язык, например, *bohoznavce* ‘Gotterkenner’, *bohozvaný* ‘von Gott berufen’ [см. также: Helcl 1974: 63].
- б) Имеются также случаи оценочных трактовок значений слов, связанных (прямо или косвенно) с немецким миром, который в большинстве случаев противопоставляется миру славянскому. Весьма показателен в этой связи выбор автором словаря примеров, раскрывающих значение того или иного слова:

katolický od *katoliků* *katholisch*. *Opp. nekatolický* *unkatholisch*;

katolička, *die Katholikinn*: *ženy nekatolické po všech katoličkách aby sedaly*;

один из примеров в статье с заглавным словом *Čech*: *Tenkrát Němec Čechu přeže, když se had na ledě hřeje*;

пример для слова *Němec*: *Nechwalno nám w Niemciech iskati prawdu*.

Приведенные выше факты позволяют сделать следующие выводы:

1) Чешско-немецкие культурные и языковые отношения имеют долгую, интересную, нередко противоречивую историю, тесно связанную с историей взаимоотношений между двумя этносами. На протяжении долгого времени приоритет в этих двусторонних отношениях отдавался (причем, не всегда добровольно) немецкой стороне. Несомненно, что такое положение дел было связано прежде всего с известными историческими (политическими, экономическими, культурными) событиями и, как следствие, все эти факторы повлияли на развитие чешского языка и, в частно-

сти, его лексической системы, в которой не могло не получить отражение влияние немецкого языка.

2) В условиях переходного периода, каким является эпоха НВ, усилились пуристические тенденции, что, несомненно, было связано с ощущением необходимости национальной консолидации, «самоидентификации» общества. Пуризм в чешском языке эпохи НВ можно трактовать как стремление к блокированию внешних источников расширения лексикона и поощрению внутренних источников обогащения лексики.

3) В то же время с конца XVIII в. в Чехии во многих областях жизни, в том числе и в языке, начинают меняться приоритеты. Немецкий язык, в первую очередь благодаря научной деятельности видных представителей чешского Возрождения, начинает превращаться из языка-«завоевателя» в язык-«посредник» для изучения и «возрождения» чешского языка, литературы, истории, культуры, ярким свидетельством чему является и «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна.

4) Таким образом, можно утверждать, что в XIX в. создатели словарей чешского литературного языка постоянно сталкивались с противоречием, по-разному разрешаемым: с одной стороны, еще достаточно активно использовался немецкий язык, в том числе и в качестве языка науки; с другой стороны, исходя из потребности возрождения и развития чешского языка, наметилась явно пуристическая тенденция по отношению к немецкому языку, использованию, адаптации и оценки, в частности, его лексических средств.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕШСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В ЭПОХУ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Эпоха чешского национального Возрождения — яркая страница в истории не только чешского этноса, но и его языка. Именно в этот период была осознана необходимость как практического, так и научного изучения национального языка, в связи с чем была проведена работа по сбору лексического материала и созданию словаря чешского языка.

Процесс создания словарей в период НВ в Чехии был динамичным и продуктивным, что явилось прямым следствием повышенного, идеологически акцентируемого интереса к родному языку и одновременно констатацией и демонстрацией прекрасных результатов стремительного развития чешского языка и активного процесса его практического и научного изучения. В ходе предпринятого нами исследования установлено, что в период с последней трети XVIII в. и до 30-ых гг. XIX в. было издано 20²⁵² различных, как по объему, качеству, целевым установкам, так и по дальнейшей издательской и исследовательской «судьбе», немецко-чешских и чешско-немецких словарей (иногда с параллелями из латинского и словацкого языков)²⁵³.

Дальнейшая реконструкция основных событий, связанных с созданием, изданием и обсуждением словарей чешской лексики периода НВ позволяет выделить и охарактеризовать **основные этапы становления чешской лексикографии в эпоху НВ**²⁵⁴:

I. Начальный этап (1779–1791 гг.)

Данный период охватывает несколько поступательно взаимосвязанных событий:

²⁵² С учетом переизданий словарей К. И. Тама.

²⁵³ См. § 1. п. 1.1. третьей главы.

²⁵⁴ Следует оговорить, что временные рамки перечисленных далее этапов нередко сознательно накладываются друг на друга, поскольку в названиях периодов становления чешской лексикографии эпохи НВ акцент в основном приходится на авторов словарей, очередность этапов предопределена сроками издания словарей, а в датировках отражены временные пределы всего процесса: от периода замысла работы и сбора материала до года издания словаря (в случае с многотомными словарями конечным рубежом является год издания последнего тома).

1. В 1779 г. впервые, хотя и не особо веря в успех, Й. Добровский обратил внимание на необходимость появления словаря чешской лексики, созданного на принципиально новых теоретических основах, а также предложил основные критерии отбора и обработки языкового материала для будущего словаря и сформулировал основные требования к исполнителю данной работы²⁵⁵. Также известно, что именно с этого времени Й. Добровский начал составлять коллекцию различных собраний чешской лексики, которой он охотно делился со многими авторами будущих словарей не только чешского, но и, например, польского языков²⁵⁶.

2. В 1784 г. при активной поддержке Й. Добровского было организовано специальное научное общество студентов, основная задача которого заключалась в создании словаря чешской лексики в двух частях: немецко-чешской и чешско-немецкой. Главным результатом деятельности этого общества стали вышедший в 1788 г. «Немецко-чешский словарь» К. И. Тама [Tham 1788] и изданный через три года «Чешско-немецко-латинский словарь» Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791].

3. Эти словари ознаменовали начальный рубеж становления чешской лексикографии нового времени. Причем, они были не просто хронологически первыми словарями эпохи НВ. История их создания²⁵⁷ свидетельствует о том, что их авторы, решая в первую очередь задачу по составлению столь необходимых в то время учебных словарей, действительно пытались работать не только на основе идеологических доктрин НВ²⁵⁸, но и с учетом параллельно их работе проходящего процесса становления науки о языке²⁵⁹.

4. Несмотря на все возможные недостатки данных лексикографических изданий, а также на не вполне обоснованное противопоставление этих словарей и незаслуженное, на наш взгляд, отсутствие в дальнейшем исследовательского интереса к ним и их авторам, вызванное в большей степени событиями второго, так называемого «тамовского» периода в развитии чешской лексикографии эпохи НВ, необходимо подчеркнуть не просто формальное выполнение первыми словарями К. И. Тама и Ф. Я. Томсы пионерской задачи, а действительное начало нового периода в развитии чешской лексикографии — постепенного формирования метода научного,

²⁵⁵ См. § 1 п. 1.3. третьей главы.

²⁵⁶ Прежде всего речь идет об активных контактах и сотрудничестве Й. Добровского и С. Б. Линде на подготовительном этапе работы по созданию «Словаря польского языка» С. Б. Линде (см. § 2 п. 2.2.1. второй главы).

²⁵⁷ См. § 1 пп. 1.3.1.–1.3.3. третьей главы.

²⁵⁸ С чем связано, например, отношение к немецким заимствованиям и немецкому языку в целом.

²⁵⁹ Что демонстрировали, в частности, факты тщательного изучения предшествующей лексикографической традиции, а также сотрудничество с ведущими языковедами того времени — Й. Х. Аделунга с К. И. Тамом, Й. Добровского с Ф. Я. Томсой.

критического изучения и осмысления предшествующей традиции²⁶⁰ в совокупности с появлением новых теорий, новаторских идей и приемов работы.

II. «Тамовский» период или этап активных дискуссий (1798–1821 гг.)

Этот период, ознаменованный дебатами между основателем славянской филологии Й. Добровским и первым лексикографом эпохи НВ К. И. Тамом, стал самым неоднозначным, парадоксальным и в тоже время ключевым в истории чешской лексикографии эпохи НВ.

1. В апреле 1798 г. было положено начало споров Й. Добровского с К. И. Тамом, сопровождавшее начало второго издания «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама [Tham 1799] и подготовительную работу по составлению и изданию «Немецко-чешского словаря» Й. Добровского [Dobrowsky 1802–1821]²⁶¹.

2. С одной стороны, может показаться, что победителей в данном споре не оказалось. К. И. Там, несмотря на многочисленные издания и переиздания его словарей в рассматриваемый период (что предопределило для нас выбор названия для данного этапа истории чешской лексикографии), так и не смог добиться научного признания своей деятельности. Затянувшийся процесс создания и сам словарь Й. Добровского, несмотря на явно более высокое качество этого труда по сравнению с лексикографическими работами Тама, также не смог полностью удовлетворить ни пользователей словарем, ни его создателей.

3. С другой стороны, более важное, безусловно, положительное и даже, на наш взгляд, ключевое значение данных дебатов для развития чешской лексикографии (а также, например, словообразования) заключается в следующем:

- во-первых, полемика постепенно становится неотъемлемой частью научной деятельности, вырабатываются наиболее приемлемые механизмы ее применения;
- во-вторых, активное обсуждение лексикографических трудов, в данном случае К. И. Тама, в конечном результате привело к стимуляции лексикографической деятельности и к более ответственному и обоснованному подходу к данной работе, а значит — к повышению ее качества.

III. «Словацкий» период (1820–1827 гг.)

На этот период приходится издание словарей, созданных словаками, и в которых привлекался или даже выдвигался на первый план лексический материал словацкого языка [Palkowitsch 1820–1821; Bernolák 1825–1827]. Данный этап стал закономерным звеном в истории общей и взаимодопол-

²⁶⁰ См. вторую главу.

²⁶¹ См. § 1 пп. 1.3.4 и 1.3.5. третьей главы.

няющей на тот момент чешской и словацкой лексикографии, во многом предопределившей пути пополнения и развития лексических систем обоих языков и отразившей далеко не однозначное отношение к языковому развитию в чешско-словацком ареале в то время²⁶².

IV. Создание «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна (1800–1839 гг.)

1. Неслучайно датировка данного периода включает также два предыдущих этапа, поскольку замысел лексикографического труда возник у Й. Юнгманна в период активной и даже жесткой полемики между Й. Добровским и К. И. Тамом, оказавшей, по нашему мнению, серьезное влияние на работу Й. Юнгманна над словарем, на формирование его лексикографических принципов. Помимо осмысления сути споров Добровского с Тамом, именно Й. Юнгманн наиболее адекватно и продуктивно стал использовать возможности полемики (в том числе и с тем же Й. Добровским) для эффективного решения теоретических и практических вопросов, связанных с созданием словаря²⁶³.

2. Безусловно, заключительная фаза данного периода — издание «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна [Jungmann 1835–1839] — это этап подведения итогов в истории чешской лексикографии эпохи НВ.

3. На наш взгляд, именно научно и творчески осмысленный синтез различных идей и подходов к решению конкретных задач по созданию словаря чешской лексики позволил Й. Юнгманну столь успешно реализовать один из основных возрожденческих проектов — создать словарь, отвечающий основным запросам всех возможных пользователей и предложивший решение главной задачи по «возрождению» чешской нации посредством «возрождения» языка.

В нашей работе неоднократно подчеркивалось, что помимо объективных и строго научных факторов и предпосылок, влияющих на ту или иную деятельность человека, при изучении этой деятельности необходимо учитывать особенности и пристрастия самого человека. В данной связи применительно к ключевым фигурам процесса становления чешской лексикографии в эпоху НВ — Й. Добровскому, К. И. Таму и Й. Юнгманну — можно сделать следующее заключение.

Несмотря на критические выпады как в адрес К. И. Тама, так и в адрес Й. Юнгманна, а в контексте нашего исследования скорее благодаря этим полемикам, в роли патрона и связующего звена в деле становления чешской лексикографии (как, впрочем, и чешского языкознания в целом) вполне закономерно выступил Й. Добровский. Это философ, мечтавший возродить идеализированное *прошлое*. Отчетливо понимая, что в реальности это невозможно, мечтами, однако, он не ограничился и направил все

²⁶² См. § 2 п. 2.2.2. второй главы.

²⁶³ См. § 2 третьей главы.

свои усилия на создание языковой теории — абстракции, вполне допускающей использование идеальных образцов.

К. И. Тама действительно, можно назвать историком²⁶⁴, основной задачей которого являлась прежде всего фиксация *настоящего* (во временном значении этого слова) чешского языка. Анализ полемики споров Добровского с Тамом показал, что эту работу К. И. Там, действительно, не всегда проводил добросовестно. Но помимо указанной причины не последнюю роль в негативном отношении к работам К. И. Тама оказало восприятие будителями этого языкового *настоящего* как кризиса, «упадка», несомненно, вызывающего критику, которая с непосредственного своего объекта — фактов современного языка — перешла на автора словаря, зафиксировавшего данный пласт лексики.

Й. Юнгманн — реформатор, и поэтому прежде всего он настроен на *будущее*. Он не боится экспериментов, способен творчески воспринимать новые идеи, делать выбор и аргументированно отстаивать свою точку зрения.

При этом каждый из них выполнил свою миссию и стал неотъемлемой составляющей истории чешской лексикографии эпохи НВ.

В заключение еще раз подчеркнем, что нередко (особенно это характерно для Й. Добровского и Й. Юнгманна) в период чешского НВ шла параллельная работа по созданию лингвистической теории, в том числе и лексикографической, по сбору и обработке материала для словаря; осуществлялось тесное сотрудничество с единомышленниками, а также активный и зачастую остро полемический диалог с другими авторами словарей (например, споры Й. Добровского с К. И. Тамом, или возникшие позже разногласия между Й. Юнгманном и Й. Палковичем, А. Пухмайером, Й. Добровским и др.²⁶⁵). В условиях жесткой конкуренции наблюдался сложный и при этом весьма стремительный процесс становления чешской лексикографии. Необходимо выделить особое направляющее и организующее значение научной полемики, сопровождавшей процесс создания словарей в период НВ. По нашему мнению, во многом именно дискуссии побуждали чешских лексикографов к активной творческой деятельности, что в свою очередь позволяет охарактеризовать становление чешской лексикографии в эпоху НВ как процесс, начинавшийся с борьбы и логически закончившийся синтезом разных, но взаимодополняющих лексикографических и в целом лингвистических концепций.

²⁶⁴ Именно как историка и философа впервые противопоставил Тама и Добровского В. Фляйшханс [Flajšhans 1896: 8]. См. также § 1 п. 1.3.5. третьей главы.

²⁶⁵ См. об этом § 2 п. 2.2.2. второй главы и § 2 п. 2.1. третьей главы данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бланар 1995 — В. Бланар. *Словацкая лексика в возрожденческой лексикографии*. Словарь и культура: К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова: В. Материалы международной научной конференции (Москва, ноябрь 1995 г.). Москва, 1995, с. 36–39.
- Бобраков-Тимошкин 2004 — А. Бобраков-Тимошкин. *Феномен и трагедия пражского многоязычия*. Новое литературное обозрение, № 68. Москва, 2004, с. 207–230.
- Будовичова 1983 — В. К. Будовичова. *К проблематике сопоставительного изучения лексикологии родственных языков (лексические параллели в словацком, русском и чешском языках)*. Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. Москва, 1983, с. 252–271.
- Вакуленко 1992 — С. В. Вакуленко. *Лексикографічні принципи Яна Амоса Коменського в світлі його мовно-філософської концепції*. Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992, с. 71–78.
- Герд 1997 — А. С. Герд. *К определению понятия «словарь»*. Проблемы лексикографии. С.-Петербург, 1997, с. 191–203.
- Гланц 2004 — Т. Гланц. *Чешская версия языкового строительства: Национальное возрождение и его остаточные идеологемы*. Новое литературное обозрение, № 68. Москва, 2004, с. 231–241.
- Горецкий 1963 — П. Й. Горецкий. *Історія української лексикографії*. Київ, 1963.
- Гудков 1993 — В. П. Гудков. *Сербская лексикография XVIII века*. Москва, 1993.
- Дубичинский 1992 — В. В. Дубичинский. *Принципы лексикографирования и типология словарей*. Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992, с. 135–140.
- Журавлев 1998 — В. К. Журавлев. *Социально-экономические и культурно-исторические параметры формирования национальных литературных языков*. Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. Москва, 1998, с. 7–21.
- История южных и западных славян 1998 — *История южных и западных славян*. Т. 1–2. Под ред. Г. Ф. Матвеева и З. С. Ненашевой. Москва, 1998.
- Копецкий 1962 — Л. Копецкий. *Из заметок о теории двуязычной лексикографии*. Acta Universitatis Carolinae 1962, Philologica, Slavica Pragensia 4). Praha, 1962, s. 515–524.
- Кювлиева 1997 — В. Кювлиева. *Българското речниково дело през Възраждането*. София, 1997.
- Ластовецка 1955 — А. К. Ластовецкая. *Нарис чеської лексикографії*. Вопросы славянского языкознания, кн. 4. Львов, 1955, с. 187–202.
- Ластовецкая 1958 — А. К. Ластовецкая. *К истории чешской лексикографии (по XIV столетие включительно)*. АҚД. Львов, 1958.

- Лаптева 1998 — Л. П. Лаптева. *Чешское национальное Возрождение*. История южных и западных славян. Т. 1. Средние века и Новое время. Москва, 1998, с. 581–608.
- Лилич 1982 — Г. А. Лилич. *Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX века)*. Ленинград, 1982.
- Лилич 1998 — Г. А. Лилич. *Вопросы становления литературного языка в переписке чешских будителей*. Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. Москва, 1998, с. 161–166.
- Моисеенко 1988а — В. Е. Моисеенко. *Словенско-чешские лексические связи эпохи национального возрождения и их отражение в лексикографической практике 30–80-х гг. XIX в.* Славянские литературные языки и историография славяноведения. *Slavica Tartuensia* II. Уч. Зап. ТГУ, вып. 811. Тарту, 1988, с. 69–79.
- Моисеенко 1988б — В. Ю. Моисеенко. *Типологічні особливості чесько-инословацьких взаємозв'язків у галузі словникового складу*. Проблемы слов'янознавства, вип. 37. Львів, 1988, с. 59–65.
- Моисеенко 1989 — В. Е. Моисеенко. *Чешско-инославянские языковые связи эпохи национального Возрождения (30–80-е годы XIX века)*. АДД. Ленинград, 1989.
- Моисеенко 1992 — В. Е. Моисеенко. *Страницы из истории становления славянской лексикографии в эпоху национально-языкового Возрождения в XIX веке*. *Slavia*, roč. 61, Praha, 1992, s. 83–90.
- Мыльников 1973 — А. С. Мыльников. *Йозеф Юнгман и его время*. Москва, 1973.
- Мыльников 1974а — А. С. Мыльников. *Йозеф Юнгман и русская культура*. *Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna*. Praha, 1974, s. 125–134.
- Мыльников 1974б — А. С. Мыльников. *Vznik národně osvícenské ideologie v českých zemích XVIII. století*. Praha, 1974.
- Мыльников 1977 — А. С. Мыльников. *Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура*. Москва, 1977.
- Мыльников 1982 — А. С. Мыльников. *Культура чешского возрождения*. Ленинград, 1982.
- Никольский 1997 — С. В. Никольский. *Чешская литература*. История литератур западных и южных славян. Том II: Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII века – 80-е годы XIX века. Часть I: Литература второй половины XVIII века – первой половины XIX века. Москва, 1997, с. 131–168.
- Очерки 1963 — *Очерки истории чешской литературы XIX–XX вв.* Москва, 1963.
- Смирнов 1979 — С. В. Смирнов. *Первые русские слависты в Чехии*. Труды по русской и славянской филологии, XXII. Серия лингв. Тарту, 1979, с. 35–51.
- Смирнов 1988 — Л. Н. Смирнов. *О начальном этапе формирования литературного словацкого языка*. Славянские литературные языки и историография славяноведения. *Slavica Tartuensia* II. Уч. Зап. ТГУ, вып. 811. Тарту, 1988, с. 59–68.
- Смирнов 1995 — Л. Н. Смирнов. *Место и роль «Словаря» Антона Бернолака*. Словарь и культура: К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова: Материалы международной научной конференции (Москва, ноябрь 1995 г.). Москва, 1995, с. 40–42.

- Смирнов 1998а — Л. Н. Смирнов. *О месте «Словаря» Антона Бернолака в истории словацкой лексикографии*. Славистический сборник. В честь 70-летия проф. П. А. Дмитриева. С.-Петербург, 1998, с. 201–208.
- Смирнов 1998б — Л. Н. Смирнов. *Об изучении истории литературных славянских языков эпохи национального возрождения*. Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. Москва, 1998, с. 22–39.
- Сорокалетов 1998 — *История русской лексикографии*. Отв. ред. Ф. П. Сорокалетов. Москва, 1998.
- Стемковская 1993 — Ю. Е. Стемковская. *Лексика Я. Коллара в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгмана*. Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист. К 200-летию со дня рождения. Москва, 1993, с. 42–52.
- Стемковская 1999 — Ю. Е. Стемковская. *Лексика Я. Коллара как один из источников «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгмана*. Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. Москва, 1999, с. 161–182.
- Титова 1991 — Л. Н. Титова. *Чешская культура первой половины XIX века*. Москва, 1991.
- Толстой 1988 — Н. И. Толстой. *История и структура славянских литературных языков*. Москва, 1988.
- Томса 1901 — Томса Франтишек-Ян. Энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Том XXXIII^a. СПб, 1901., с. 481–482.
- Трофимкина 1965 — О. И. Трофимкина. *Краткий обзор истории сербохорватской лексикографии*. Очерки по словообразованию и словоупотреблению. Ленинград, 1965, с. 132–158.
- Торфимович 1978 — К. К. Трофимович. *Развитие верхнелужицкого языка в середине XIX века*. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. Москва, 1978, с. 158–206.
- Францев 1901 — В. А. Францев. *Главнейшие моменты в развитии чешского возрождения*. Варшава, 1901.
- Францев 1901 — В. А. Францев. *Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой четверти XIX столетия*. Варшава, 1902.
- Францев 1923 — V. A. Francev. *Cesta J. Dobrovského a hr. J. Šternberka do Ruska v letech 1792–1793*. Praha, 1923.
- Цейтлин 1958 — Р. М. Цейтлин. *Краткий очерк истории русской лексикографии*. Москва, 1958.
- Шимов 2005 — Я. Шимов. *История как публицистика и публицистика как история. О том, как чешские литераторы создали свой народ*. Иностранная литература, № 3. Москва, 2005, с. 259–269.
- Широкова, Нецименко 1978 — А. Г. Широкова, Г. П. Нецименко. *Становление литературного языка чешской нации*. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. Москва, 1978, с. 9–85.
- Широкова 1998 — А. Г. Широкова. *Разговорный чешский язык в период национального возрождения*. Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. Москва, 1998, с. 151–160.
- Щерба 1958 — Л. В. Щерба. *Опыт общей теории лексикографии*. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Ленинград, 1958, с. 54–91.

- Adelung 1788 — J. Ch. Adelung. *Vorrede des Herrn Hofraths Adelung*. K. I. Tham. Neuestes ausführliches und vollständiges deutsch-böhmisches synonymisch-phrasologisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>. Prag, 1814. 3. Aufl., S. [2–15].
- Auty 1974 — R. Auty. *Jazykové koncepce u Dobrovského a Jungmanna*. Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha, 1974, s. 122–124.
- Bauer 1983 — E. Bauer. *Deutsche Entlehnungen im tschechischen Wortschatz des J. A. Comenius*. Studia slavica et baltica, Band 6. Münster, 1983.
- Bělič 1953 — J. Bělič. *Zákonodárce nové spisovné češtiny. K dvoustému výročí narození Josefa Dobrovského*. Naše řeč, roč. 36, Praha, 1953, č. 7–8, s. 193–201.
- Bělič 1973 — J. Bělič. *Lexikální rozdíly na území českého jazyka z hlediska vztahů k jiným jazykům slovanským*. Slavia, roč. 42, Praha, 1973, s. 1–8.
- Beneš 1985 — Beneš. J. [Recenze]: Hubert Rösel. Wörterbuch zu den tschechischen Schriften des J. A. Comenius. Studia slavica et baltica, Supplementband 1. Verlag Aschendorff Münster, 1983. X+ 895 S.; Eva Bauer. Deutsche Entlehnungen im tschechischen Wortschatz des J. A. Comenius. Studia slavica et baltica, Band 6. Verlag Aschendorff Münster, 1983, 302 S. Slavia, roč. 54, Praha, 1985, s. 99–104.
- Boj 1948 — *Boj o obrození národa: Výbor z díla Josefa Jungmanna*. Praha, 1948.
- Brambora 1947 — J. Brambora. *Starosta českého národa*. Kytice (Měsíčník pro literaturu a umění), roč. 2, Praha, 1947, s. 476–477.
- Brauner 1939 — H. Brauner. *Die tschechische Lexikographie des 16. Jahrhunderts*. Breslau, 1939.
- Bulín 1953 — H. Bulín. *Josef Dobrovský a česká terminologie právní*. Josef Dobrovský 1753–1953: Sborník studií k dvoustému výročí narození. Praha, 1953, s. 441–455.
- Cuřín 1985 — F. Cuřín. *Vývoj spisovné češtiny*. Praha, 1985.
- Čejka 1992 — M. Čejka. *Česká lexikologie a lexikografie*. Brno, 1992.
- Červená a kol. 1982 — V. Červená a kol. *K dějinám vzniku a vydávání Jungmannova Slovníku*. Naše řeč, roč. 65, Praha, 1982, s. 233–247.
- Dějiny země Koruny české 2001 — *Dějiny země Koruny české*. I–II. Vyd. 7. Praha–Lito-myšl, 2001.
- Dobrowsky 1791a — J. Dobrowsky. *Vorrede*. Tomsa F. J. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache. Prag, 1791, S. 3–10.
- Dobrowsky 1791b — J. Dobrowsky. *Ueber der Ursprung und die Bildung der slawischen und inßbesondere der böhmischen Sprache*. Tomsa F. J. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache. Prag, 1791, S. 11–32.
- Dobrowsky 1798a — [J. Dobrowsky.] *Ankündigung, eines deutsch-böhmischen Lexikons*. [6. dubna 1798. Prag, 1798, 1 S.].
- Dobrowsky 1798b — [J. Dobrowsky.] *Zweites Zehend zur richtigen Beurtheilung des Thamischen deutsch-böhmischen National Lexikons*. [Prag, 1798, 2 S.].
- Dobrowsky 1798c — [J. Dobrowsky.] *Drittes, viertes und fünftes Zehend zur richtigen Beurtheilung des Thamischen deutsch-böhmischen National Lexikons*. [Prag, 1798, 4 S.].
- Dobrowsky 1799 — J. Dobrowsky. *Die Bildsamkeit der slawischen Sprache, an der Bildung der Substantive und Adjektive in der böhmischen Sprache dargestellt*. Prag, 1799.
- Dobrowsky 1802 — J. Dobrowsky. *Vorbericht*. Ausführliches und vollständiges deutsch-böhmisches synonymisch phraseologisches Wörterbuch. Bd. 1. Prag, 1802, S. [3–12].

- Dobrowsky 1809 — J. Dobrowsky. *Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache*. Prag, 1809.
- Dobrovský 1936 — J. Dobrovský. *Dějiny české řeči a literatury. Dopisy a projevy Josefa Dobrovského*, sv. VII. Praha, 1936, s. 175–434.
- Dobrovský 1940 — *Podrobná mluvnice jazyka českého v redakcích z roku 1809 a 1819*. Praha, 1940.
- Dobrovský 1955 — J. Dobrovský. *Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur*. Halle, 1955.
- Dobrovský. Ottova encyklopedie <1888–1909> — Dobrovský. Ottova encyklopedie obecných vědomostí: Ottův slovník naučný (1888–1909) a Ottův slovník naučný nové doby (1930–1943). URL: <http://encyklopedie.seznam.cz/heslo/240436-dobrovsky>.
- Dokulil 1958 — M. Dokulil. *K základním otázkám tvoření slov*. O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958, s. 154–169.
- Dolanský 1948 — J. Dolanský. *Jungmannův odkaz (Z dějin české slovesnosti)*. Vědecké monografie o mezoslovanských vztazích. Sv. 3. Praha, 1948.
- Doroszewski 1951 — W. Doroszewski. *O słowniku Lindego*. Poradnik językowy, Warszawa, 1951, z. 7, s. 13–16.
- Filipec 1957 — J. Filipec. *Lexikálně sémantická výstavba hesla — ústřední otázka lexikografické práce (Na materiálu jednojazyčných slovníků)*. Slovo a slovesnost, roč. 18, Praha, 1957, s. 129–150.
- Filipec 1958a — J. Filipec. *Akademický Příruční slovník jazyka českého dokončen*. Slovo a slovesnost, roč. 19, Praha, 1958, s. 211–224.
- Filipec 1958b — J. Filipec. *Dva bohemistické příspěvky z Ukrajiny*. Slovo a slovesnost, roč. 19, Praha, 1958, s. 302–307.
- Filipec 1973 — J. Filipec. *K otázce sémantického popisu lexikálních jednotek*. Slovo a slovesnost, roč. 34, Praha, 1958, s. 78–84.
- Filipec 1974 — J. Filipec. *Překlady Josefa Jungmanna a vývoj spisovné češtiny*. Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha, 1974, s. 157–168.
- Filipec 1978 — J. Filipec. *Věda o slovní zásobě a její pojmosloví*. Slovo a slovesnost, roč. 39, Praha, 1978, s. 238–240.
- Filipec, Čermák 1985 — J. Filipec, F. Čermák. *Česká lexikologie*. Praha, 1985.
- Flajšhans 1895 — V. Flajšhans. *Český slovník. Některé myšlenky o něm od Dra V. Flajšhanse*. Literární listy, roč. XVI, Brno, 1895, č. 6, s. 97–99; č. 7, s. 113–115; č. 8, s. 131–132.
- Flajšhans 1896 — V. Flajšhans. *Spory Dobrovského s Thamem*. Druhá výroční zpráva c. k. Statního gymnasia na Král. Vinohradech za školní rok 1896. Praha, 1896, s. 3–21.
- Flajšhans 1921 — V. Flajšhans. *Jungmann a — Hanka*. Naše řeč, roč. 5. Praha, 1921, s. 225–229.
- Flajšhans 1926, 1928 — V. Flajšhans. *Klaret a jeho družina*. I, II. Praha, 1926, 1928.
- Flajšhans 1929 — V. Flajšhans. *Josef Dobrovský a české tvoření slov*. Josef Dobrovský 1753–1829. Praha, 1929, s. 81–88.
- Gebauer 1894 — J. Gebauer. *Historická mluvnice jazyka českého*. Díl I. Hláskosloví. Praha, 1894.
- Gladkova 1998 — H. Gladkova. *Úloha jazykové intervence v období formování spisovné bulharštiny v porovnání s češtinou*. Česká slavistika 1998. České přednášky pro XII. Mezinárodní sjezd slavistů: Krakov 27.8.–2.9.1998. Praha, 1998, s. 119–127.

- Gladkova 2001 — H. Gladkova. *Символические функции стандартного языка и поиски «золотого века»*. Чешско-болгарские параллели эпохи национального Возрождения. Slavia, roč. 70, Praha, 2001, s. 335–351.
- Haller 1937 — J. Haller. *Spisovný jazyk český*. Slovanské spisovné jazyky v době přítomné. Usp. M. Weingart. Praha, 1937, s. 11–60.
- Haubelt 1986 — J. Haubelt. *České osvícenství*. Praha, 1986.
- Hauser 1959 — P. Hauser. *Dobrovského práce o tvoření slov a domácí mluvnická tradice*. Studie o jazyce a literatuře národního obrození. Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk – literatura I. Praha, 1959, s. 25–54.
- Hauser 1979 — P. Hauser. *Tvoření podstatných jmen v době národního obrození*. Spisy pedagog. fak. Univ. J. E. Purkyně v Brně. Brno, 1979.
- Hauser 1980 — P. Hauser. *České slovníkářství*. Nauka o slovní zásobě. Praha, 1980, s. 176–179.
- Havránek 1963 — B. Havránek. *Josef Jungmann a český jazyk*. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963, s. 195–199.
- Havránek 1974 — B. Havránek. *Jungmannův význam pro nový rozvoj slovní zásoby spisovné češtiny*. Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha, 1974, s. 195–203.
- Havránek 1979 — B. Havránek. *Vývoj českého spisovného jazyka*. Praha, 1979.
- Havránek, Filipec 1958 — B. Havránek, J. Filipec. *Lexikálně sémantická výstavba hesla — ústřední otázka lexikografické práce (Na materiále jednojazyčných slovníků českých)*. O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958, s. 177–190.
- Hayerková 1979 — M. Hayerková. *Dejiny slovenských slovníkov do roku 1945*. Bratislava, 1979.
- Helcl 1958 — M. Helcl. *Nový slovník spisovné češtiny*. Naše řeč, roč. 41, Praha, 1958, s. 45–48.
- Helcl 1959 — M. Helcl. *Kdy opravdu vycházel Jungmannův Slovník česko-německý?* Naše řeč, roč. 42, Praha, 1959, s. 238–240.
- Helcl 1974 — M. Helcl. *Josef Jungmann a složená slova v češtině*. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, s. 57–65.
- Helcl, Svoboda, Hauptová 1954 — M. Helcl, J. Svoboda, Z. Hauptová. *Konference na paměť Josefa Dobrovského*. Slavia, roč. 23, Praha, 1954, s. 229–244.
- Hladká 2005 — Z. Hladká. *České slovníkářství na cestě k jednojazyčnému výkladovému slovníku*. Naše řeč, 88, 2005, s. 140–159.
- Hladká, Martincová <2007> — Z. Hladká, O. Martincová. *Tradice a současnost české lexikografie*. URL: http://www.phil.muni.cz/cest/lide/hladka/CJA014_Tradice.rtf.
- Hroch 1996 — M. Hroch. *V národním zájmu. Požadavky a cíle evropských národních hnutí devatenáctého století v komparativní perspektivě*. Praha, 1996.
- Hroch 1999 — M. Hroch. *Na prahu národní existence*. Praha, 1999.
- Hubáček 1990 — J. Hubáček. *Stati o jazyku stylu J. A. Komenského*. Praha, 1990.
- Chalupný 1909 — Em. Chalupný. *Josef Jungmann*. Praha, 1909.
- Chmela. *Ottova encyklopedie <1888–1909> — Chmela Josef, spisovatel český*. Ottova encyklopedie obecných vědomostí: Ottův slovník naučný (1888–1909) a Ottův slovník naučný nové doby (1930–1943). URL: <http://encyklopedie.seznam.cz/heslo/270362-chmela-josef-spisovatel-cesky>.

- Jedlička 1941 — A. Jedlička. *Pohled na české slovníky XVI století*. Slovo a slovesnost, roč. 7, Praha, 1941, s. 111.
- Jedlička 1948 — A. Jedlička. *Josef Jungmann a obrozená terminologie literárně vědná a linguistická*. Praha, 1948.
- Jedlička 1953 — A. Jedlička. *Jazyková kritika u Josefa Dobrovského*. Slovo a slovesnost, roč. 14, Praha, 1953, s. 167–179.
- Jedlička 1959 — A. Jedlička. *Josef Dobrovský a tvaroslovná kodifikace spisovné češtiny*. Studie o jazyce a literatuře národního obrození. Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk – literatura I. Praha, 1959, s. 5–24.
- Jedlička 1974a — A. Jedlička. *Jungmannovy zásluhy o nový český jazyk spisovný*. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, s. 29–41.
- Jedlička 1974b — A. Jedlička. *Spisovný jazyk, jeho teorie a praxe v pojetí Josefa Jungmanna*. Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha, 1974, s. 147–156.
- Jedlička 1979 — A. Jedlička. *Josef Dobrovský a jeho význam v procesu českého (a slovanského) jazykového obrození*. Slavia, roč. 48, Praha, 1979, s. 151–158.
- Jedlička 1989 — A. Jedlička. *Ze slovanské lexikografie*. Slavia, roč. 58, Praha, 1989, s. 131–137.
- Jílek 1951 — F. Jílek. *Klaretovo české názvosloví mluvnické*. Věstník Král. čes. Společnosti nauk, tř. filos.-hist.-filol., roč. 1950 (1951), Praha 1951, č. IV.
- Jóna 1974 — E. Jóna. *Utváranie spisovného jazyka slovenského a Jozef Jungmann*. Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha, 1974, s. 139–146.
- Jungmann 1820 — J. Jungmann. *Slovesnost aneb Zbírka příkladů s krátkým pojednáním o slohu*. 1. vyd. Praha, 1820.
- Jungmann 1825 — J. Jungmann. *Historie literatury české aneb Soustavný přehled spisů českých, s krátkou historií národu, osvícení a jazyka*. Praha, 1825.
- Jungmann 1832 — J. Jungmann. *O různěj českého písemného jazyka Josefa Jungmanna* (Wzato z Časopisu Českého Museum roku 1832, sw. II). Praha, 1832.
- Jungmann 1835 — J. Jungmann. *Předmluva*. Sborník Česko-Německý. Díl I. Praha, 1835, s. III–VIII.
- Jungmann 1845 — J. Jungmann. *Slovesnost aneb Nauka o výmluvnosti básnické i řečnické se sbírkou příkladů v nevázané i vázané řeči*. 2. vyd. Praha, 1845.
- Jungmann 1849 — J. Jungmann. *Historie literatury české aneb Soustavný přehled spisů českých, s krátkou historií národu, osvícení a jazyka*. 2. vyd. Praha, 1849.
- Jungmann 1947 — J. Jungmann. *Krátká historie národu, osvícení a jazyka. Úvody k Historii literatury české*. Praha, 1947.
- Jungmann 1948 — [J. Jungmann.] *Boj o obrození národa: Výbor z díla Josefa Jungmanna*. Uspořádal F. Vodička. Praha, 1948.
- Jungmann. *Ottova encyklopedie <1888–1909>* — *Jungmann Josef*. Ottova encyklopedie obecných vědomostí: Ottův slovník naučný (1888–1909) a Ottův slovník naučný nové doby (1930–1943). URL: <http://encyklopedie.seznam.cz/heslo/414042-jungmann-josef>.
- Kačer 1918 — K. Kačer [*Doslov*]. K. H. Tham. *Obrana Jazyka Českého proti zlobivým jeho utrhačům, též mnohým vlastencům v cvičení se v něm liknavým a nedbalým, sepsaná od Karla Hynka Thama*. Praha, 1918, s. 39–45.

- Kamiš 1964 — A. Kamiš. *Odraz jazykové situace v Čechách a na Slovensku v Palkovičově slovníku*. Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 2, Slavica Pragensia VI. Praha, 1964, s. 101–108.
- Kamiš 1974 — A. Kamiš. *Slovní zásoba v Jungmannově slovníku*. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, s. 67–76.
- Knihopis 1965 — *Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. století. Díl II. Tisky z let 1501–1800. Část VIII*. Praha, 1965.
- Kočí 1960 — J. Kočí. *Naše národní obrození*. Praha, 1960.
- Kočí 1978 — J. Kočí. *České národní obrození*. Praha, 1978.
- Kolektiv 1973 — Kolektiv oddělení pro dějiny českého jazyka ÚJČ ČSAV. *K lexikálnímu vývoji spisovného jazyka českého v době Karlově*. Slovo a slovesnost, roč. 34, Praha, 1973, s. 129–133.
- Kopecký 1962 — M. Kopecký. *Daniel Adam z Veleslavína*. Praha, 1962.
- Kopecký 1992 — M. Kopecký. *Komenský jako umělec slova* (Masarykova Univerzita v Brně. Spisy filos. fak., 287). Brno, 1992.
- Kořalka 1996 — J. Kořalka. *Češi v habsburské říši a v Evropě 1815–1914. Sociálně historické souvislosti vytváření novodobého národa a národnostní otázky v českých zemích*. Praha, 1996.
- Kouba 1873 — J. Kouba. *Josef Jungmann. Životopisný nástin od Josefa Kouby*. Praha, 1873.
- Krbec 1970 — M. Krbec. *K česko-německým stykům za obrození*. Symposium o dějinách slavistiky. Štřín u Benešova. 15.–17.9.1967. *Práce z dějin slavistiky I*. Praha, 1970, s. 50–52.
- Křístek 1973 — V. Křístek. *Josef Jungmann 1773–1973*. Slovo a slovesnost, roč. 34, Praha, 1973, s. 273–279.
- Křístek 1974a — V. Křístek. *Dobrovský, Jungmann a předpoklady českého jazykového obrození*. Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Univerzitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha, 1974, s. 115–121.
- Křístek 1974b — V. Křístek. *Společenské předpoklady a vůdčí osobnosti českého jazykového obrození*. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, s. 15–28.
- Kubka 1926 — F. Kubka. *Dobrovský a Rusko. Počátky vztahů česko-ruských a názory Josefa Dobrovského na Rusko*. Knihovna české mysli. Svazek 1. Praha, 1926.
- Kučera 1983 — K. Kučera. *Jazyk českých spisů J. A. Komenského* (Acta Universitatis Carolinae. Phil. Monogr., 79). Praha, 1983.
- Kudělka, Šimeček 1972 — M. Kudělka, Z. Šimeček a kol. *Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník*. Praha, 1972.
- Listy I 1881–1884 — *Listy Josefa Jungmanna k Antonínu Markovi*. Ed. J. Emler. ČČM, 55, 1881, s. 499–530; 56, 1882, s. 26–44, 161–184, 445–476; 57, 1883, s. 45–59, 330–353, 496–512; 58, 1884, s. 54–70, 285–297, 405–425.
- Listy II 1986 — *Ještě několik listů Josefa Jungmanna k Antonínu Markovi*. Ed. J. Emler. ČČM, 60, 1886, s. 433–444.
- Listy III 1888–1892 — *Listy Antonína Marka k Josefu Jungmannovi*. Ed. J. Emler. ČČM, 62, 1888, s. 151–169, 385–405; 63, 1889, s. 264–274; 66, 1892, s. 292–304, 457–482.

- Lomnický. Ottova encyklopedie <1888–1909> — *Lomnický. Ottova encyklopedie obecných vědomostí: Ottův slovník naučný (1888–1909) a Ottův slovník naučný nové doby (1930–1943)*. URL: <http://encyklopedie.seznam.cz/heslo/293156-lomnický>.
- Macura 1973 — V. Macura. *Hierarchie hodnocení jazyků u Jungmanna a jeho doby*. Slovo a slovesnost, roč. 34, Praha, 1973, s. 280–287.
- Macura 1983 — V. Macura. *Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ*. Praha, 1983.
- Michálek 1961 — E. Michálek. *O jazykových otázkách v dílech českých národních humanistů*. Slovo a slovesnost, roč. 22, Praha, 1961, s. 8–14.
- Michálek 1964 — E. Michálek. *Nové příspěvky k poznání jazykového a literárního vývoje v 16. a 17. stol.* Slovo a slovesnost, roč. 25, Praha, 1964, s. 59–63.
- Michálek 1974 — E. Michálek. *Dvě poznámky k slovtvorné úloze starší češtiny v době obrozené*. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, s. 77–80.
- Michálek 1989 — E. Michálek. *Česká slovní zásoba v Klaretových slovnících*. Praha, 1989.
- Michálek 1994 — E. Michálek. *K vývoji v slovníkářství staročeského údobí*. Naše řeč, roč. 77, Praha, 1994, s. 116–123.
- Němec 1975 — I. Němec. *Principy studia slovní zásoby a jejího vývoje*. Slovo a slovesnost, roč. 36, Praha, 1975, s. 92–103.
- Němec 1980 — I. Němec. *Rekonstrukce lexikálního vývoje*. Studie a práce lingvistické, sv. 14. Praha, 1980.
- Němec 1982 — I. Němec. *K problému slovníkové definice*. Naše řeč, roč. 65, Praha, 1982, s. 113–118.
- Nonnenmacher 1960 — E. Nonnenmacher. *F. L. Čelakovskýs Ergänzungen zu J. Jungmann «Slownik Česko-Německý»*. Welt der Slaven, 5, 1960, S. 347–355.
- Novák 1885 — J. V. Novák. *O slovníkářských pracích Daniele Adama z Veleslavína*. Časopis Muzea Království českého LIX. Praha, 1885, s. 333–346, 556–563.
- Novák 1902 — J. V. Novák. *Slovník česko-latinsko-německý Václava Jana Rosy*. Věstník České Akademie XI. Praha, 1902, № 2, s. 155–169.
- Obecní noviny 2006 — *Obecní noviny. Občasník nezávislý na politických stranách a hnutích — vydává Obecní úřad Všeň*. Ročník 2006, číslo 12. URL: <http://www.vsen.cz/?lang=C&strana=noviny&podrobne=ano&aid=3&vse=&str=3&clanku=5#3>.
- Odrodzenie 1999 — *Odrodzenie narodowe w Czechach i na Słowacji: Księga ku czci prof. Zdzisława Niedzieli*. Kraków, 1999.
- Orłóš 1967 — T. Z. Orłóš. *Zapóżyczenia polskie w słowniku Jungmanna*. Polska Akademia Nauk – oddział w Krakowie. Prace komisji słowianoznawstwa, № 11. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1967.
- Orłóš 1968 — T. Z. Orłóš. *Zapóżyczenia słowiańskie w słowniku Jungmanna*. Z polskich studiów slawistycznych, seria 3. Językoznawstwo. Warszawa, 1968.
- Orlošová 1974 — T. Z. Orlošová. *Josef Jungmann a slovanské výpůjčky z oblasti vědecké terminologie*. Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha, 1974, s. 147–156.
- Orłóš 1980 — T. Z. Orłóš. *Polsko-czeskie związki językowe*. Kraków, 1980.
- Orłóš 1993 — T. Z. Orłóš. *Tysiąc lat czesko-polskich związków językowych. Tisíc let česko – polských jazykových vztahů*. Kraków 1993.

- Orloš 1998 — T. Z. Orloš. *Leksykografia słowiańska początku wieku XIX (Linde, Jungmann, Karadžić) i jej związek z leksykografią zachodnioeuropejską (Johnson, Adelung)*. Rocznik Slawistyczny, t. LI, Wrocław–Warszawa–Kraków, 1998, s. 41–50.
- Panorama 1994 — *Panorama české literatury (Literární dějiny od počátků do současnosti)*. Red. L. Machala a E. Petřů. Olomouc, 1994.
- Pastrnek 1906 — Fr. Pastrnek. *O slovanské lexikografii*. Věstník České Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, roč. XV, Praha, 1906, s. 201–216.
- Páta 1911 — J. Páta. *Česká lexikografie. Stručný nástin dějin českého slovníkářství*. Časopis pro moderní filologii, roč. I, Praha, 1911, s. 6–10, 103–106, 198–202, 296–301.
- Paul 1937a — K. Paul. *Jos. Jungmann a P. J. Šafařík*. Listy filologické, roč. 64. Praha, 1937, s. 268–279.
- Paul 1937b — K. Paul. *P. J. Šafařík a Jungmannův slovník*. Naše řeč, roč. 21, Praha, s. 46–54.
- Paul 1946–1948 — K. Paul. *Jungmannův Slovník česko-německý a Slovensko*. Linguistica Slovaca IV–VI. Bratislava, 1946–1948, s. 234–253.
- Petr 1981 — J. Petr. *K neuskutečněnému druhému vzdání Jungmannova Slovníku*. Naše řeč, roč. 64. Praha, 1981, s. 80–89.
- Petr 1988 — J. Petr. *Čelakovský a slovanská jazykověda*. Práce z dějin slavistiky XI. Praha, 1988, s. 5–62.
- Petr 1989 — J. Petr. [Předmluva k 2. reprint. vyd. Slovníka česko-německého J. Jungmanna]. Jungmann J. Slovník Česko-Německý. 2. vyd. Díl I. Praha, 1989, s. 5–31.
- Petráček 1985 — V. Petráček. *Pojetí a význam Rosova slovníku*. Starší české, slovenské a slovanské mluvnice. Praha, 1985, s. 155–166.
- Polák 1947 — J. Polák. *Kulturní politik Josef Jungmann*. Kytice (Měsíčník pro literaturu a umění), roč. 2, Praha, 1947, s. 478–479.
- Poldauf 1971 — I. Poldauf. *K dokončení Slovníku spisovného jazyka českého (1960–1971)*. Slovo a slovesnost, roč. 32, Praha, 1971, s. 258–269.
- Porák 1973 — J. Porák. *Rosova mluvnice a vývoj češtiny a české lingvistiky v 17. stol.* Studia Slavica Pragensia (B. Havránek octogen.) Praha, 1973, s. 39–53.
- Poštolková 1977 — B. Poštolková. *K vlivu odborné terminologie na národní jazyk*. Slovo a slovesnost, roč. 38, Praha, 1977, s. 112–120.
- Práce z dějin slavistiky 1985 — *Práce z dějin slavistiky X*. Praha, 1985.
- Pražák 1962 — R. Pražák. *Maďarská reformovaná inteligence v českém obrození*. (Spisy university J. E. Purkyně v Brně. Filos. fak., č. 83.) Brno, 1962.
- Pražák 1994 — R. Pražák. *Česko-maďarské kulturní vztahy od osvícenství do roku 1848*. (Spisy masaríkovy univerzity v Brně. Filos. fak., č. 298.) Brno, 1994.
- Průcha 1963 — J. Průcha. *K hodnocení Tomsovy kodifikace spisovné češtiny*. Slovo a slovesnost, roč. 24, Praha, s. 57–61.
- PSJČ, Předmluva 1935 — *Předmluva*. Příruční slovník jazyka českého. Díl I. Praha, 1935, s. VII–XI.
- Rösel 1983 — H. Rösel. *Wörterbuch zu den tschechischen Schriften des J. A. Comenius*. Studia slavica et baltica, Supplementband 1. Münster, 1983.
- Růžička 1957 — V. Růžička. *Vědecké zpracování české právní terminologie, zvláště v 19. století*. Právněhistorické studie, sv. 3. Praha, 1957, s. 137–174.
- Ryba 1943 — B. Ryba. *Nové jméno mistra Klareta*. Praha, 1943.

- Short 1992 — D. Short. *Zpracování sloves pohybu v Jungmannově Česko-německém slovníku*. Rocznik Slawistyczny, t. XLVIII, Wrocław–Warszawa–Kraków, 1998, cz. 1, s. 31–40.
- Siwkowska 1951 — J. Siwkowska. *Linde o swoim słowniku*. Poradnik językowy. Warszawa, 1951, z. 2, s. 17–21; z. 3, s. 6–11.
- Skála 1993 — E. Skála. *Lexikographie in Böhmen im 14.–19. Jahrhundert*. Germanoslavica. Praha, 1993, c. 3–10.
- Slavica Gottingensia 1995 — *Slavica Gottingensia. Ältere Slavica in der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen. Herausgegeben von R. Lauer. Teil 1–3*. Opera Slavica. Neue Folge 30. Wiesbaden, 1995.
- Slownjk.cz <2005–2008> — *Slownjk česko-německý Josefa Jungmanna*. Jungmannův Slownjk.cz. URL: <http://www.slownjk.cz/>.
- SSJČ, Předmluva 1958 — *Předmluva*. Slovník spisovného jazyka českého. Díl I. 1. vyd. Praha, 1958–1971; reprint 1989, s. 1–9.
- Starý 1995 — Z. Starý. *Ve jménu funkce a intervence*. Praha, 1995.
- Szyjkowski 1931 — M. Szyjkowski. *Polská účast v českém národním obrození*. Sv. I. Práce Slovanského ústavu Praze, sv. III. Praha, 1931.
- Szyjkowski 1935 — M. Szyjkowski. *Polski udział w czeskiem odrodzeniu (Próba rekapitulacji)*. Poznań, 1935.
- Szyjkowski 1948 — M. Szyjkowski. *Czeskie odrodzenie w XIX wieku*. Łódź, 1948.
- Šimeček 1993 — Z. Šimeček. *Kritika pramenů v díle Josefa Dobrovského*. Slavia, roč. 62, Praha, 1993, s. 267–272.
- Šimek 1923 — F. Šimek. *Josef Jungmann, život, dílo, bibliografie jeho spisů a ukázky tvorby*. Praha, 1923.
- Šmilauer 1974 — V. Šmilauer. *Jungmannův slovník česko-německý*. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, s. 43–56.
- Šťastný 2001 — R. Šťastný. *Čeští spisovatelé deseti století. Slovník českých spisovatelů od nejstarších dob do konce 20. století*. Praha, 2001.
- Tham 1798a — K. I. Tham. *Antikritik oder Rechtfertigung über das in der am 6ten April in Herrlicher Buchhandlung ohne datum erschienenen Ankündigung eines deutsch-böhmischen Nationallexikon der Iten Auflage gefällte höchst unbillige Urtheil gewisser seyn wollenden Kenner der böhmischen Sprache*. Prag, 1798.
- Tham 1798b — K. I. Tham. *Zwote Antikritik oder Rechtfertigung über das zweyte Dobrowskysche Zehend ec. nebst abermaliger Ankündigung einer zwoten neuen mit sehr vielen zusätzlen vermehrten und verbesserten Auflage des Thamischen deutsch-böhmischen Nationallexikons, welches bereits unter der Presse ist*. Prag, 1798.
- Tham 1798c — K. I. Tham. *Dritte und leßte Antikritik und Abfertigung des Joseph Dobrowský mit allen seinen Zehenden ec. zur Beurtheilung unparthenischen Lesern vorgelegt*. Prag, 1798.
- Tham 1804 — K. I. Tham. *Böhmische Grammatik zum Gebrauch der Deutschen*. Praha, 1804.
- Tham 1805a — K. I. Tham. *Ueber den Karakter der Slawen, dann über den Ursprung, die Schicksale, Vollkommenheiten, die Nützlichkeit und Wichtigkeit der böhmischen Sprache (Statt der Vorrede)*. K. I. Tham, <F. J. Tomsa>. Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phraselogisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>. I–II. Prag, 1805–1807, s. V–LXII.

- Tham 1805b — K. I. Tham. *Einleitung*. K. I. Tham, <F. J. Tomsa>. Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phraselogisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>. I–II. Prag, 1805–1807, s. [LXV–LXIX].
- Tham 1805c — K. I. Tham. *Vorrede zur zweiten Auflage*. K. I. Tham, <F. J. Tomsa>. Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phraselogisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>. I–II. Prag, 1805–1807, s. [LXX–LXXII].
- Tham 1805d — K. I. Tham. *Vorrede zur dritten Auflage*. K. I. Tham, <F. J. Tomsa>. Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phraselogisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>. I–II. Prag, 1805–1807, s. [LXXIII–LXXIV].
- Thám 1918 — K. H. Tham. *Obrana Jazyka Českého proti zlobivým jeho utrhačům, též mnohým vlastencům v cvičení se v něm liknavým a nedbalým, sepsaná od Karla Hynka Thama*. Praha, 1918.
- Thám 2006 — Karel Thám: *Apology of the Czech language*. Discourses of Collective Identity in Central and Southeast Europe (1770–1945). Texts and Commentaries. Vol. I: Late Enlightenment. Emergence of the Modern «National Idea». Ed. By B. Trencsényi and M. Kopeček. Budapest – New York, 2006, pp. 202–209.
- K. Thám. Ottova encyklopedie <1888–1909> — Thám Karel Václav Ignác, *lexikografa spis<ovatel> český*. Ottova encyklopedie obecných vědomostí: Ottův slovník naučný (1888–1909) a Ottův slovník naučný nové doby (1930–1943). URL: <http://encyklopedie.seznam.cz/heslo/342816-tham-karel-vaclav-ignac-lexikografa-spis-cesky>.
- V. Thám. Ottova encyklopedie <1888–1909> — Thám Václav Jan Šimon, *herec a spis<ovatel> český*. Ottova encyklopedie obecných vědomostí: Ottův slovník naučný (1888–1909) a Ottův slovník naučný nové doby (1930–1943). URL: <http://encyklopedie.seznam.cz/heslo/342817-tham-vaclav-jan-simon-herec-a-spis-cesky>.
- Tomsa 1782 — F. J. Tomsa. *Böhmische Sprachlehre*. Praha, 1782.
- Tomsa. Ottova encyklopedie <1888–1909> — Tomsa František Jan, *lidový buditel a spis<ovatel> český*. Ottova encyklopedie obecných vědomostí: Ottův slovník naučný (1888–1909) a Ottův slovník naučný nové doby (1930–1943). URL: <http://encyklopedie.seznam.cz/heslo/344308-tomsa-frantisek-jan-lidovy-buditel-a-spis-cesky>.
- Tyl 1983 — Z. Tyl. *K historii vzniku Jungmannova Slovníku česko-německého*. Naše řeč, roč. 66, Praha, 1983, seš. 3, s. 113–119.
- Ungar. Ottova encyklopedie <1888–1909> — Ungar. Ottova encyklopedie obecných vědomostí: Ottův slovník naučný (1888–1909) a Ottův slovník naučný nové doby (1930–1943). URL: <http://encyklopedie.seznam.cz/heslo/348051-ungar>.
- Vladyka 1947 — J. Vladyka. *Josef Jungmann, služebník i pán české řeči*. Praha, 1947.
- Vodička 1947–1948a — F. Vodička. *České obrození jako problém literární*. Slovo a slovesnost, roč. 10, Praha, 1947–1948, s. 30–42.
- Vodička 1947–1948b — F. Vodička. *Jungmannova úloha v českém obrození*. Slovo a slovesnost, roč. 10, Praha, 1947–1948, s. 129–135.
- Vodička 1948 — F. Vodička. *Slovo úvodní, Jmenný rejstřík*. [J. Jungmann] Boj o obrození národa: Výbor z díla Josefa Jungmanna. Uspořádal F. Vodička. Praha, 1948, s. 9–22; 258.
- Wollman 1958 — F. Wollman. *Slovanství v jazykově literárním obrození u Slovanů*. Praha, 1958.
- Zelený 1873 — V. Zelený. *Život Josefa Jungmanna*. Praha, 1873.
- Zgusta 1971 — L. Zgusta. *Manual of Lexicography*. Praha, 1971.

Získal 1938 — A. Získal. *Příspěvky k lexikografické teorii a praxi*. Slovo a slovesnost, roč. 4, Praha, 1938, s. 19–27, 149–160, 212–222.

СЛОВАРИ

Bernolák 1825–1827 — A. Bernolák. *Slovár Slowenský, Česko-Laťinsko-Nemecko-Uherský*. I–VI. Buda, 1825–1827.

Dobrowsky 1802–1821 — J. Dobrowsky. *Ausführliches und vollständiges deutsch-böhmisches synonymisch phraseologisches Wörterbuch*. I–II. Prag, 1802–1821.

Jungmann 1835–1839 — J. Jungmann. *Slovník česko-německý*. I–V. Praha, 1835–1839.

Jungmann 1989 — J. Jungmann. *Slovník Česko-Německý*. I–V. 2. vyd. Praha, 1989.

Linde 1807–1814 — S. B. Linde. *Słownik języka polskiego*. I–VI. Warszawa, 1807–1814.

Palkowitsch 1820–1821 — G. Palkowitsch. *Böhmisch-Deutsch-Lateinisches Wörterbuch, mit Beifügung den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten <...>*. I–II. Prag – Prešpurk, 1820–1821.

PSJČ 1935–1957 — *Příruční slovník jazyka českého*. I–IX. Hl. red. B. Havránek. Praha, 1935–1957.

SSČ 1998 — *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha, 1998.

SSJČ 1989 — *Slovník spisovného jazyka českého* I–IV. Hl. red. B. Havránek. 1. vyd. Praha, 1958–1971; reprint 1989.

Tham 1788 — K. I. Tham. *Deutsch-böhmisches Nationallexikon <...>*. Prag und Wien, 1788. [2. Aufl. 1799; 3. Aufl. 1814].

Tham 1799 — K. I. Tham. *Deutsch-böhmisches Nationallexikon <...>*. I–II. 2. Aufl. Prag, 1799.

Tham, <Tomsa> 1805–1807 — K. I. Tham, <F. J. Tomsa>. *Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phraseologisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>*. I–II. Prag, 1805–1807.

Tham 1814 — K. I. Tham. *Neuestes ausführliches und vollständiges deutsch-böhmisches synonymisch-phraseologisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>*. I–II. 3. Aufl. Prag, 1814.

Tomsa 1789 — F. J. Tomsa. *Malý německý a český slovník*. Praha, 1789.

Tomsa 1791 — F. J. Tomsa. *Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache*. Prag, 1791.

KOKKUVÕTE

Tšehhi leksikograafia kujunemine rahvusliku ärkamise perioodil: traditsioonid ja uuendused

Tšehhi rahvusliku ärkamise periood kujutab endast märkimisväärset lehekülge mitte ainult tšehhi etnose, vaid ka tšehhi keele ajaloos. Just sel ajal teadvustati vajadust rahvuskeele nii praktiliseks kui ka teaduslikuks uurimiseks. Seetõttu koguti sõnavara ja koostati tšehhi keele sõnaraamat.

Väitekiri kujutab endast ajaloolis-lingvistilist uurimust, mis on pühendatud J. Jungmanni ning tema eelkäijate (eelkõige J. Dobrovský, K. I. Thami ja F. J. Tomsa) leksikograafiliste printsiipide väljaselgitamisele ja analüüsile. See omakorda annab võimaluse iseloomustada tšehhi leksikograafia tekkelugu rahvusliku ärkamise perioodil — XVIII saj viimasel kolmandikul – XIX saj esimesel poolel.

Uurimuse peamiseks objektiks olid seega nii saksa-tšehhi kui ka tšehhi-saksa sõnaraamatud (ning tšehhi-saksa-ladina sõnaraamatud) [vt: Tham 1788; Tomsa 1791; Tham 1799; Dobrowsky 1802–1821; Tham, <Tomsa> 1805–1807; Palkowitsch 1820–1821; Jungmann 1835–1839 jt].

Kuna sõnaraamatu etaloniks peetakse õigustatult J. Jungmanni „Tšehhi-saksa sõnaraamatut“, siis vaadeldakse seda kui leksikograafiliste põhimõtete tekkimise ja väljakujunemise allikat, mis tuginesid tolle aja juhtivate lingvistide uudsetele teaduslikele keeleuuringutele (eelkõige J. Dobrovský ning J. Jungmann).

Antud töö kujutab endast tšehhi leksikograafia tekkeloo kompleksset uurimust, milles on vaadeldud lisaks J. Jungmanni tuntud „Tšehhi-saksa sõnaraamatule“ ka tema eelkäijate ja kaasaegsete sõnaraamatuid, mida mainitakse teaduskirjanduses vaid sporaadiliselt. Need on eelkõige K. I. Thami ja F. J. Tomsa sõnaraamatud, mida on teaduskirjanduses kasutatud kas allikatena²⁶⁶ või on olnud kriitika objektiks²⁶⁷. Nimetatud sõnaraamatute autorid on tuntud ka tšehhi keele grammatikate autoritena [vt nt: Tomsa 1782, Tham 1804 jt]. Seejuures enamjaolt vaid konstateeritakse nende leksikograafiliste väljaannete olemasolu

²⁶⁶ Jutt on eelkõige F. J. Tomsa sõnaraamatust [Tomsa 1791], mida hakkas täiendama ja parandama J. Jungmann. Sellest saigi alguse tema töö „Tšehhi-saksa sõnaraamatu“ kallal [Jungmann 1835: IV; Petr 1989: 10]. Hiljem, tegi J. Jungmann märkmeid F. J. Tomsa ja K. I. Thami sõnaraamatu teise trüki eksemplaril ning lisalehtedel [vt nt Šmilauer 1974: 43; Tyl 1983: 114; Petr 1989: 18].

²⁶⁷ Eriti tihti kritiseeritakse K. I. Thami sõnaraamatut. Lähemalt vt selle kohta kolmanda peatüki esimeses paragrahvis.

(nt K. I. Thami ja F. J. Tomsa ning muidugi J. Dobrovský sõnaraamatud) [vt nt : Šmilauer 1974: 43; Hauser 1980: 178; Tyl 1983: 113–114; Petr 1989: 10, 18]. Seega XVIII saj lõpu – XIX saj alguse Tšehhi leksikograafiline pärand on sisuliselt olnud uurimata.

Käesoleva uurimuse aktuaalsus on suures osas tingitud ka asjaolust, et seni ei ole loodud monograafiaid, milles oleks käsitletud tšehhi leksikograafia ajalugu üldiselt.

Doktoriväitekirja koosneb kolmest peatükist. Esimene neist on propedeutilise iseloomuga ning kujutab endast Tšehhi rahvusliku ärkamisaja ajaloolis-kultuurilise ja keelesituatsiooni lühiülevaadet. Selles on määratletud peamised keelevälised ja keelesisesed eeldused, mis tingisid tšehhi leksikograafia arengu.

Teises peatükis on toodud tšehhi leksikograafia ajaloo lühiülevaade kuni XVIII saj lõpuni. Eesmärgiks oli välja selgitada eelneva leksikograafilise traditsiooni mõju rahvusliku ärkamisaja sõnaraamatute koostajate tegevusele. Samuti on uuritud ja analüüsitud seda, kuidas on tšehhi leksikograafiat mõjutanud nii Lääne-Euroopa kui ka teiste slaavi rahvaste vastav traditsioon.

Kolmandas peatükis rekonstrueeritakse tšehhi leksikograafia tekkeprotsessi rahvusliku ärkamise perioodil ning määratletakse selle peamised etapid. Et nimetatud valdkond on üldiselt väheuuritud, on rohkem tähelepanu pööratud kirjeldatava protsessi algusfaasile — eelkõige K. I. Thami ja F. J. Tomsa sõnaraamatutele ning sellele, millist mõju on need teosed avaldanud tšehhi leksikograafia tekkeloole.

Selleks et välja selgitada uuritava perioodi tšehhi leksikograafia peamised arenguetapid, on iseloomustatud keeleteaduse üldist olukorda ning üksikute keeleteadlaste vaateid. On välja selgitatud tolleaegse poleemika olemus, mis puudutas leksikograafia teooria ja praktika väljakujunemist kuni fundamentaalse viiekõitelise „Tšehhi-saksa sõnaraamatu“ ilmuniseni, mille koostajaks oli J. Jungmann [Jungmann 1835–1839].

Erilist tähelepanu on seega pööratud J. Jungmanni leksikograafilise kontseptsiooni kujunemisele, milles eelkäijate saavutused ja traditsioon põimuvad tema enda ideedega. Selle tulemusena kujunes just „Tšehhi-saksa sõnaraamat“ rahvusliku ärkamisaja ideede kehastuseks, nii vaimselt kui materiaalselt, kuivõrd just selles sõnaraamatus oli esitatud uute teooriate valguses tšehhi sõnavarasüsteem.

Läbiviidud uurimus võimaldab kirjeldada ärkamisaegsete sõnastike loomist kui dünaamilist ja produktiivset protsessi, mis tulenes otseselt kõrgendatud ja ideoloogiliselt rõhutatud huvist emakeele vastu ning tšehhi keele arengu ja selle teadusliku uurimise suurepärasest tulemustest. On välja selgitatud, et ajavahe-²⁶⁸ mikul XVIII saj viimasest kolmandikust kuni 1830ndate aastateni ilmus 20 saksa-tšehhi ja tšehhi-saksa sõnastikku (mõned paralleelidega slovaki või ladina keelest), mis erinesid üksteisest nii mahu, sihtrühma, eesmärgi kui ka „saatuse“ poolest.

²⁶⁸ Vt sõnaraamatute nimekirja kolmandas peatükis (§ 1, alapunkt 1.1.).

Järgnev sõnastike loomise, kirjastamise ja nende ümber puhkenud aruteluga seotud sündmuste rekonstruktsioon annab võimaluse eristada ja iseloomustada Tšehhi rahvusliku ärkamisaja leksikograafia kujunemise **peamisi etappe**²⁶⁹.

I. Algusetapp (1779–1791).

See periood hõlmab mitut vastastikku üksteisest tingitud sündmust.

1. 1779. a. tõsi eriti lootmata edule, juhtis J. Dobrovský tähelepanu vajadusele tšehhi keele sõnaraamatu järele, mis oleks loodud põhimõtteliselt uutel teoreetilistel alustel, ning pakkus välja materjali valiku kriteeriumid tulevase sõnaraamatu jaoks. Ta formuleeris ka peamised nõudmised plaanitavale tööle²⁷⁰.

2. J. Dobrovský aktiivsel toetusel loodi üliõpilaste teaduslik ühing, mille peamiseks eesmärgiks oli tšehhi-saksa ja saksa-tšehhi sõnastike loomine. Selle ühingu töö peamiseks tulemuseks võib pidada 1788. a ilmunud K. I. Thami „Saksa-tšehhi sõnaraamatut“ [Tham 1788] ning kolm aastat hiljem ilmavalgust näinud F. J. Tomsa „Tšehhi-saksa-ladina sõnaraamatut“ [Tomsa 1791].

3. Need sõnaraamatud tähistavad uue aja tšehhi leksikograafia tekkeloo algust. Vaatamata antud trükiste kõigile võimalikele puudustele, nende vastandamisele hilisematele sõnaraamatutele ja hilisema (töö autori meelest teenimatu) teadushuvi puudusele nende autorite vastu, tuleb rõhutada just nimelt uue perioodi algust tšehhi leksikograafia arengus, millele panid aluse K. I. Thami ja F. J. Tomsa sõnaraamatud. Hakkas kujunema eelnenud traditsiooni uus mõtestamine, ilmnesid uued teadusmeetodid, tekkisid uued teooriad, uuenduslikud ideed ja töövõtted.

II. „Thami“ periood ehk elavate diskussioonide etapp (1798–1821).

Selle perioodi keskmes on debatil slaavi filoloogia rajaja J. Dobrovský ja Tšehhi rahvusliku ärkamisaja esimese leksikograafi K. I. Thami²⁷¹ vahel. Nimetatud periood on ühest küljest kõige vastuolulisem ja paradoksaalsem Tšehhi rahvusliku ärkamisaja leksikograafias, teisest küljest on sellel võtmetähtsus leksikograafia arengule.

Võib tunduda, et nimetatud vaidluses ei olnud võitjat. K. I. Tham, vaatamata oma sõnastiku mitmetele kordustrükkidele, ei saavutanudki oma tegevuse teaduslikku tunnustust. J. Dobrovský sõnastiku pikaleveninud koostamisprotsess ja sõnaraamat ise, vaatamata selle paremale kvaliteedile võrreldes K. I. Thami töödega, ei suutnud täielikult rahuldada ei selle koostajaid ega kasutajaid.

²⁶⁹ Siinkohal on oluline ära märkida, et järgneva periodiseerimise etappide ajad on osaliselt kattuvad, kuna perioodide nimetamisel on rõhutatud eri autorite panust tšehhi leksikograafiasse. Etappide järjestuse on määranud sõnaraamatute ilmumisaeg, dateeringutes aga kajastatakse kogu protsessi: sõnaraamatu koostamise plaanist kuni selle ilmumiseni (mitmekõiteliste sõnaraamatute puhul arvestatakse viimase kõite ilmumisaastat).

²⁷⁰ Vt kolmas ptk, alapunkt 1.3, § 1.

²⁷¹ Vt kolmas ptk, alapunkt 1.3.5, § 1.

Samas kõnealuste debattide tähtsam ja kahtlemata positiivne mõju, väitekirja autori meelest koguni võtmeroll tšehhi leksikograafia arengule, peitub järgnevas:

1) poleemika muutub aegamööda teadustegevuse lahutamatuks osaks, töötatakse välja selle rakendamise vastuvõetavad mehhanismid;

2) diskussioon leksikograafiliste väljaannete (antud juhul K. I. Thami sõnaraamatute) ümber tõi endaga kaasa leksikograafiaalase tegevuse elavnemise ning vastutustundlikuma ja põhjendatud lähenemise antud tööle, selle tulemuseks ka sõnaraamatute kvaliteedi paranemise.

III. „Slovaki“ periood (1820–1827).

Sellesse perioodi jääb slovakkide koostatud sõnaraamatute ilmumine. Neis satub esiplaanile slovaki keele sõnavara [Palkowitsch 1820–1821; Bernolák 1825–1827]. Kõnealust etappi võib pidada seaduspäraseks lüliks tšehhi ja slovaki leksikograafia ajaloos, mis tol ajal oli ühine. See periood tingis mõlema keele sõnavarasüsteemi arengu ja täiendamise ning selles on kajastatud küllaltki vastuoluline suhtumine keele arengusse tolle aja tšehhi-slovaki areaalis²⁷².

IV. J. Jungmanni „Tšehhi-saksa sõnaraamatu” loomine (1800–1839).

Antud perioodi dateeringusse on lülitatud ka kaks eelnevat etappi. See pole juhuslik, kuna sõnaraamatu koostamise plaan tekkis J. Jungmannil ajal, mil käis terav poleemika J. Dobrovský ja K. I. Thami vahel. Viimane avaldas väitekirja autori meelest olulist mõju J. Jungmanni tööle sõnaraamatu kallal ja tema leksikograafiaalaste põhimõtete väljakujunemisele. Lisaks vaidluse olemuse mõtestamisele hakkas just J. Jungmann adekvaatselt ja produktiivselt kasutama poleemika võimalusi (muuhulgas ka J. Dobrovský endaga) sõnaraamatu koostamisel esile kerkivate teoreetiliste ja praktiliste küsimuste efektiivseks lahendamiseks²⁷³.

Antud perioodi lõpufaasiks võib pidada J. Jungmanni „Tšehhi-saksa sõnaraamatu” ilmumist [Jungmann 1835–1839]. See on kokkuvõtete tegemise aeg Tšehhi ärkamisaegse leksikograafia ajaloos.

Väitekirja autori arvates andis just teaduslikult ja loominguliselt mõtestatud erinevate ideede ja lähenemiste süntees J. Jungmannil sedavõrd edukalt realiseerida konkreetne ülesanne — luua sõnaraamat, mis vastaks kõigi võimalike kasutajate vajadustele ning lahendaks rahvusliku ärkamisaja põhilise ülesande: tšehhi rahva „renessansi” rahvuskeele „renessansi” läbi.

Lõpetuseks tuleb ära märkida, et Tšehhi rahvusliku ärkamise ajale on iseloomulik see, et paralleelselt loodi nii lingvistiline teooria kui ka viidi läbi sõnavara kogumist ja sõnaraamatu materjali töötlemist (eriti on see iseloomulik J. Dobrovskýle ja J. Jungmannile). Samal ajal toimus tihe koostöö mõttekaaslaste vahel ning peeti teravat poleemikat nendega, kes olid teistsugustel seisukohta-

²⁷² Vt teine ptk, alapunkt 2.2.2, § 2.

²⁷³ Vt kolmas ptk, § 2.

del²⁷⁴. Terava konkurentsi tingimustes on märgatav tšehhi leksikograafia tekki-
mise kiire ja keeruline protsess. Eraldi tuleb ära märkida teaduspoleemika suu-
nav ja korraldav jõud, mis saatis tšehhi leksikograafia tekkelugu rahvusliku
ärkamise perioodil. Võib arvata, et just diskussioonid ergutasid tšehhi leksiko-
graafide aktiivset loomingulist tegevust. Sellest tulenevalt võib tšehhi ärkami-
saegse leksikograafia tekkelugu iseloomustada kui protsessi, mis sai alguse
võitlusest ning lõppes erinevate, kuid üksteist täiendavate leksikograafiliste,
laiemalt aga lingvistiliste, kontseptsioonide sünteesiga.

²⁷⁴ Vt selle kohta teine ptk, alapunkt 2.2.2, § 2 ja kolmas ptk. alapunkt 2.1, § 2.

CURRICULUM VITAE

Ирина Абисогомян (Сорока)

Гражданство: гражданка Эстонской Республики
Дата и место рождения: 24 апреля 1973, Тарту
Адрес: Kalda tee 22–56, 50704 Tartu
Телефон: +372 53 425 908
Адрес эл. почты: irina.abisogomjan@ut.ee
Языки: русский, эстонский, чешский, немецкий, польский

Образование

1980–1988 3 средняя школа г. Кохтла-Ярве
1988–1990 13 средняя школа г. Кохтла-Ярве
1990–1995 Тартуский университет, славянская филология, *cum laude*
1995–1998 Тартуский университет, *magister artium* (славянская филология)
1999–2009 Тартуский университет, докторантура

Послужной список

1997–1998 Тартуский университет, отделение русской и славянской филологии, ассистент
1999–... Тартуский университет, отделение русской и славянской филологии, лектор чешского языка

Профессиональное совершенствование

2000 Санкт-Петербургский государственный университет, стажировка на основе договора о сотрудничестве Тартуского университета и Санкт-Петербургского государственного университета
2002 Карлов университет в Праге, стажировка на основе договора о сотрудничестве между министерствами образования Эстонской республики и Чешской республики.

Научная деятельность

Область научных интересов: история чешского языка, история чешской лексикографии, история славянской лексикологии и лексикографии, сравнительно-сопоставительное изучение славянских языков, славянско-неславянские языковые контакты, история славистики. Всего вышло 12 публикаций, из них 1 статья в международном издании.

ELULOOKIRJELDUS

Irina Abisogomjan (sünd. Soroka)

Kodakondsus: Eesti
Sünniaeg ja koht: 24. aprill 1973, Tartu
Aadress: Kalda tee 22–56, 50704 Tartu
Telefon: +372 53 425 908
E-post: irina.abisogomjan@ut.ee
Keelteoskus: vene keel, eesti keel, tšehhi keel, saksa keel, poola keel

Haridus

1980–1988	3. Kohtla-Järve keskkool
1988–1990	13. Kohtla-Järve keskkool
1990–1995	Tartu Ülikool, slaavi filoloogia, <i>cum laude</i>
1995–1998	Tartu Ülikool, <i>magister artium</i> (slaavi filoloogia)
1999–2009	Tartu Ülikool, doktoriõpe

Teenistuskäik

1997–1998	tšehhi keele assistent, TÜ vene ja slaavi filoloogia osakond
1999–...	tšehhi keele lektor, TÜ slaavi filoloogia osakond

Täiendus

2000	stažeerimine Sankt Peterburgi Ülikoolis, Tartu Ülikooli ja Sankt-Peterburgi Ülikooli koostöölepingu alusel
2002	Praha Karli Ülikoolis stažeerimine, Eesti Vabariigi Haridusministeeriumi ja Tšehhi Vabariigi Haridusministeeriumi koostöölepingu alusel

Teadustöö

Peamised uurimisvaldkonnad: tšehhi keele ajalugu, tšehhi leksikograafia ajalugu, slaavi leksikoloogia ja leksikograafia ajalugu, slaavi keelte võrdlev uurimine, slaavi keelte kontaktid teste keeltega, slavistika ajalugu. Kokku on ilmunud 12 publikatsiooni, neist 1 artikkel rahvusvahelises väljaannes.

Публикации по теме диссертации

1. **И. Сорока.** *К вопросу становления чешской лексикографии (конец XVIII в. – первая половина XIX в.).* Valoda-2001. Humanitārās fakultātes XI zinātniskie lasījumi: Valodas lingvistiskie aspekti. Lingvistikas didaktika. Daugavpils, 2001, s.53–57.
2. **И. Сорока.** *Пуризм и опыты стандартизации лексической системы чешского языка в эпоху национального Возрождения.* Международная научная конференция «Язык и культура». Москва, 14–17 сентября 2001 г.: Тезисы докладов. Москва, 2001, с. 219–220.
3. **И. Сорока.** *Развитие чешской лексикографии в период национального Возрождения: традиции и новаторство.* Littera scripta... Труды молодых филологов-славистов. Рига, 2002, с. 109–117.
4. **И. Сорока.** *Заимствование как отражение и результат взаимодействия языков и культур (на материале чешского языка эпохи национального Возрождения).* Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 8: Лексикология и лексикография (русско-славянский цикл). Часть 2. Санкт-Петербург, 2002, с. 21–28.
5. **И. Абисогомян.** *Становление чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения: борьба концепций.* Славянские языки: от прошлого к настоящему. К XIII международному съезду славистов (Любляна, 15–21.08.2003). Slavica Tartuensia VI. Tartu, 2003, с. 104–111.
6. **И. Абисогомян.** *К вопросу о теории и практике формирования лексического состава чешского языка в эпоху национального Возрождения. Часть I. Теоретические предпосылки.* Valoda-2003: Valoda dožādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XIII. Daugavpils, 2003, с. 270–275.
7. **И. Абисогомян.** *К вопросу об истории чешской лексикографии эпохи национального Возрождения: опыт хронологии.* Микроязыки. Языки. Интеръязыки. In honorem professori Alexandro D. Dulicenko. Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С. Н. Кузнецова. Tartu, 2006, с. 242–251.
8. **И. Абисогомян.** *Значение первых словарей эпохи чешского национального Возрождения и роль их авторов в процессе становления чешской лексикографии.* Славянское языкознание: покидая XX век... К XIV международному съезду славистов (Охрид, 10-16.09.2008). Slavica Tartuensia VIII. Tartu, 2008, с. 322–355.

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Юрий Кудрявцев.** Очерки по русской исторической фонологии и морфологии. Тарту, 1996, 157 с.
2. **Светлана Туровская.** Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997, 138 с.
3. **Елена Погосян.** Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997, 160 с.
4. **Ирина Белобровцева.** Роман Михаила Булгакова “Мастер и Маргарита”: конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997, 168 с.
5. **Светлана Кульюс.** «Эзотерические» коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998, 210 с.
6. **Леа Пильд.** Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999, 136 с.
7. **Роман Лейбов.** «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000, 143 с.
8. **Валентина Щаднева.** Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000, 210 с.
9. **Александр Данилевский.** Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темиряева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000, 154 с.
10. **Татьяна Фрайман.** Творческая стратегия и поэтика жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002, 165 с.
11. **Татьяна Троянова.** Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имён существительных). Тарту, 2003, 166 с.
12. **Елена Нымм.** Литературная позиция еронима ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003, 169 с.
13. **Эрика-Оксана Хааг.** Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004, 165 с.
14. **Вадим Семенов.** Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004, 176 с.
15. **Роман Войтехович.** Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005, 165 с.
16. **Анжелика Штейнгольд.** Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006, 202 с.
17. **Катрин Кару.** Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006, 249 с.
18. **Оксана Паликова.** Двужычный словарь и функционально значимые связи слова. Тарту, 2007.

19. **Тимур Гузаиров.** Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.
20. **Татьяна Кузовкина.** Феномен булгарина: проблема литературной тактики. Тарту, 2007. 163 с.
21. **Ольга Бурдакова.** Имперфективация глаголов *v* продуктивного класса в современном русском языке. Тарту, 2008. 194 с.